

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.

Humanitates

Журнал основан в 1998 г.

Выходит 4 раза в год

Том 10. № 3 (39)

2024

Vol. 10. No. 3 (39)

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities Research.

Humanitates

Founded in 1998

A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

*Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрестьянских, Тюмень, Россия
Н. С. Чижев, Тюмень, Россия*

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

*А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрлова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюниш, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожжащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия*

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, б
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanitates@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.elibrary.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia

V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia

Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia

A. V. Kononova, Tyumen, Russia

N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia

A. A. Medvedev, Tyumen, Russia

E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia

E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia

N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive secretary

I. N. Pupyshcheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia

N. N. Belozeroва, Tyumen, Russia

T. V. Victorova, Strasbourg, France

D. F. Virdis, Cagliari, Italy

T. Wunsch, Passau, Germany

S. Garton, Aston, UK

N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia

A. G. Yemanov, Tyumen, Russia

O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia

R. King, San Diego, USA

S. A. Komarov, Tyumen, Russia

A. V. Kononova, Tyumen, Russia

N. V. Labunets, Tyumen, Russia

P. Marillaud, Toulouse, France

A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia

N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia

S. S. Pashin, Tyumen, Russia

M. Sabbatini, Pisa, Italy

T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia

E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland

R. Czaja, Toruń, Poland

E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-humanitates@utmn.ru

No publication charges

The journal is distributed

Accessed at

<http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. IIA252)

Содержание

Языкознание

- 6 Семантика и грамматика абстрактных существительных в современной речи
Мельникова Е. М.
- 19 Частотность на службе у функционально-грамматического поля предлога
Виноградова Е. Н.
- 30 Неизменяемые прилагательные в русском языке первой половины XVIII в.
Мольков Г. А.
- 39 Активные деривационные процессы в сфере универбации в научном
и медийном дискурсе
Батулина А. В.

Литературоведение

- 53 «Дуэль» и «Три сестры» А. П. Чехова в аспекте авторского мифа о герое-враче
Комаров С. А., Шукст Н. С.
- 67 Образное отражение Николая Чехова в рассказах его братьев Александра и Антона
Кубасов А. В.
- 82 Школа — для дураков? Роман Саши Соколова в русском и зарубежном контексте
Данилина Г. И., Гринякина К. А.
- 98 Рецепция русской лирики в романах В. Набокова «Машенька» и «Подлинная жизнь
Себастьяна Найта»: реактуализация усадебного мифа
Дроздова А. О., Семенова М. А.

История

- 114 Награждение государственными наградами СССР моряков Российского
Императорского флота (1954–1956 гг.)
Синегубов С. Н., Шилов С. П., Галяутдинов Я. Р.

Contents

Linguistics

- 6 Semantics and grammar of abstract nouns in modern speech
Melnikova, E. M.
- 19 Frequency as a descriptive instrument for the functional-grammatical field of the preposition
Vinogradova, E. N.
- 30 Indeclinable adjectives in the Russian language of the early 18th century
Molkov, G. A.
- 39 Active derivational processes in the field of univerbation in scientific and media discourse
Batulina, A. V.

Literature studies

- 53 A. P. Chekhov's *The Duel* and *Three Sisters* in the aspect of the author's myth about a doctor-protagonist
Komarov, S. A., & Shukst, N. S.
- 67 The figurative reflection of Nikolai Chekhov in the stories of his brothers Alexander and Anton
Kubasov, A. V.
- 82 Is the school for fools? Sasha Sokolov's novel in the Russian and international context
Danilina, G. I., & Grinyakina, K. A.
- 98 V. Nabokov's reception of Russian poetry in the novels *Mashenka* and *The Real Life of Sebastian Knight*: reenactment of the estate myth
Drozdova, A. O., & Semenova, M. A.

History

- 114 Awarding USSR state awards to the Russian Imperial Navy sailors (1954–1956)
Sinegubov, S. N., Shilov, S. P., & Galyautdinov, Ya. R.

Семантика и грамматика абстрактных существительных в современной речи*

Екатерина Михайловна Мельникова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия
Контакт для переписки: em09@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантических и грамматических свойств некоторых абстрактных имен существительных в современной речи, представляющих сферу IT-технологий, бизнеса, общественно-политической жизни. Проанализированы случаи метафорического и метонимического переноса их значения. Метафорический перенос рассмотрен на примере функционирования существительных *акция, анимация, аллергия, амбиция*. На основе анализа представления данных единиц в словарях выявляется тенденция понижения стилистического статуса слова: сопровождаемое в прямом значении пометами *книжн., офиц., спец., информ., мед.*, в новом значении оно нейтрализуется. Процессы нейтрализации отвлеченного существительного могут сопровождаться выявлением оценочного (как правило, пейоративного) компонента в его значении. Анализ метонимического переноса значения касается таких существительных, как *вложение, реакция, решение, вызов, бизнес, активность*. Он основан на конкретизации абстрактного понятия. Выявлены контексты, представляющие изменения грамматических свойств нового лексико-семантического варианта — появление форм множественного числа, расширение сочетаемостных свойств языковой единицы. Распространение новых словоупотреблений в узусе, в публицистической речи и разговорной речи интернет-общения отражает общие тенденции детерминологизации и экспрессивизации современной речи, выявляет потенциальные возможности языковой системы в отношении класса абстрактных имен существительных.

Ключевые слова: отвлеченное существительное, абстрактное существительное, *singularia tantum*, плюрализация, метафоризация, метонимизация, семантическая деривация

---

* Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

Цитирование: Мельникова Е. М. 2024. Семантика и грамматика абстрактных существительных в современной речи // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 6–18. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-6-18>

Поступила 10.10.2023; одобрена 27.05.2024; принята 01.07.2024

Semantics and grammar of abstract nouns in modern speech

Ekaterina M. Melnikova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
Corresponding author: em09@mail.ru

Abstract. The article considers the semantic and grammatical properties of some abstract nouns in modern speech, representing the sphere of IT, business, social, and political life, paying attention to the cases of metaphorical and metonymic meaning transfer. Metaphorical transfer is studied on the example of the nouns *aktsiya* (share), *animatsiya* (animation), *allergiya* (allergy), and *ambitsiya* (ambition). Having analyzed the representation of these units in dictionaries, the authors have revealed a tendency to lower the stylistic status of the word: if accompanied by the marks *arch.*, *of.*, *spec.*, *inform.*, *med.*, its literal meaning is neutralized in the new meaning. The processes of neutralizing an abstract noun may be accompanied by the identification of an evaluative (usually pejorative) component in its meaning. The analysis of metonymic meaning transfer refers to such nouns as *vlozhenie* (attachment), *reaktsiya* (reaction), *reshenie* (decision), *vyzov* (challenge), *biznes* (business), *aktivnost* (activity), based on narrowing of an abstract concept. The contexts representing changes in the grammatical properties of the new lexical-semantic variant have been identified — they are the emergence of plural forms and the expansion of the compatibility properties of a linguistic unit. The spread of new word usages in journalistic speech and colloquial speech of Internet communication reflects the general tendencies of terminologization and expressiveness of modern speech; additionally, this spread reveals the potential of the language system in relation to the class of abstract nouns.

Keywords: *nomen abstractum*, abstract noun, *singularia tantum*, pluralization, metaphorization, metonymization, semantic derivation

Citation: Melnikova, E. M. (2024). Semantics and grammar of abstract nouns in modern speech. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 6–18. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-6-18>

Received Oct. 10, 2023; Reviewed May 27, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

«Все конструктивные формы имени существительного — формы рода, числа и падежа — основаны на взаимопроникновении грамматических элементов и лексических значений, — отмечал В. В. Виноградов. — В имени существительном грамматика не подчиняет себе лексику целиком, а вступает с ней в тесное взаимодействие» [Виноградов, 2001, с. 152]. Это утверждение применимо к отвлеченным именам существительным, претерпевающим в современной речи функциональные изменения.

Обзор литературы

Семантика отвлеченных (абстрактных) существительных в русском языке разнообразна: они могут называть «отвлеченные понятия, свойства, качества, действия, состояния» [Шведова, 2005 (далее — РГ), т. 1, с. 462]. Процессы, происходящие в современной речи (среди них называют «и заимствование иноязычных слов, и вторжение разговорной стилистики в публичные формы речи, и вовлечение в литературное словоупотребление... лексики из социальных и профессиональных жаргонов» [Крысин, 2008, с. 7]), приводят к преобразованиям семантики абстрактного имени. Доминирует механизм конкретизации — перехода «из нематериального в материальное», обусловленный наличием предметного компонента в структуре значения и «познавательной деятельностью человека» [Татаркина, 2017]. Конкретизация понятия лежит в основе свойства квантификации, которое приобретают неисчисляемые существительные. Под квантификацией Л. В. Калинина понимает «когнитивный процесс, при котором слово или форма, изначально не выражавшее количественного смысла, приобретает количественное значение» [Калинина, 2009, с. 32]. Выделяется дискретная квантификация как свойство слова актуализировать «лишь часть семантического объема слова, один (обычно периферийный) из лексико-семантических вариантов» и унитарная квантификация как «обозначение множества отдельных целых „единиц“» на базе основного значения слова [Калинина, 2009, с. 33–34].

Изменения семантики абстрактного существительного обуславливают особенности его грамматики: «конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа» [Виноградов, 2001, с. 137]. «Отсутствие форм мн. ч. у существительных *singularia tantum* не означает невозможности образования у них форм со значением и внешними признаками мн. ч. . . . — указывают авторы „Русской грамматики“. — Слова *singularia tantum* могут быть определены как существительные с потенциально полной парадигмой (ед. и мн. ч.)» [РГ, т. 1, с. 473]. Возможность образования форм множественного числа в таких случаях определяется лексическим сдвигом: отвлеченные существительные начинают называть «проявления различных качеств, свойств, эмоциональных состояний», «многоактное действие», указывать на «силу, интенсивность проявления» [РГ, т. 1, с. 473], обозначать «множественное гиперболическое», «пейоративное множественное» [Бунамес, 2007].

Развитие числовых парадигм абстрактных существительных, согласно предположению А. А. Горбова, интенсивно происходит в тематических группах слов, «наиболее

подверженных в настоящее время контактным влияниям со стороны АЯ [английского языка. — Е. М.] — „бизнес, коммерция, экономика, финансы“, „политика и общественная жизнь“, „наука и технологии“» [Горбов, 2013, с. 121–122], и является следствием механизма семантического калькирования [Горбов, 2016].

Описанные тенденции в области абстрактных существительных не новы в языке. Отражая его естественное развитие, они вовлекают в сферу своего действия всё больше языковых единиц, особенности функционирования которых будут рассмотрены в настоящем исследовании.

Результаты исследования и их обсуждение

Остановимся на отвлеченных именах существительных, развивших новые значения в современной речи. Среди них встречаются как исконно русские, так и заимствованные слова.

Метафорический перенос

Появление у слова нового лексико-семантического варианта может быть обусловлено метафорическим переносом.

Так, существительное *акция* в уже конкретизированном значении «действие, акт, выступление» [Чернышев, 1950–1965 (далее — БАС-1), т. 1, с. 90] фиксируется в традиционных толковых словарях русского языка как однозначное слово и сопровождается пометами, относящими его к книжной речи: *дил.*, *газет.* [Ушаков, 1935–1940 (далее — ТСУ), т. 1, с. 26], *в дипломатическом языке* [БАС-1, т. 1, с. 90], *офиц.* [Кузнецов, 2000 (далее — БТС), с. 34]. «Большой академический словарь русского языка» [Горбачевич, 2004–2021 (далее — БАС-2)] в качестве отдельного значения приводит еще одно — «военная операция, сражение», близкое к исходному «действие, предпринимаемое для достижения какой-л. цели (обычно в официальной речи)» [БАС-2, т. 1, с. 156] (интересно, что БАС-1 этот оттенок значения сопровождает пометой *устар.*). Однако современная речевая практика демонстрирует употребление данного слова в более узком значении, реализующемся в сфере торгово-экономических отношений. Приведем пример подобного словоупотребления из НКРЯ:

(1) *Абонентам МТС плюс к этому за каждую покупку от 5 000 рублей предоставляется промокод со скидкой до 30%. Акция действует до 31 августа¹* (И. Плыткевич. Как собрать ребенка в школу и не разориться (или хотя бы немного сэкономить) (24.08.2017)).

Новое значение существительного *акция* отмечено в «Активном словаре русского языка» [Апресян, 2014–2017 (далее — АСРЯ)]: «рекламное мероприятие, проводимое компанией или фирмой А1 для людей А2 в течение времени А3, имеющее целью реализацию товаров или услуг этой фирмы или создание рынка для них» [АСРЯ, т. 1, с. 68]. Сужение значения за счет элиминации семы ‘масштабность’ (ср. толкование первого значения — «масштабное действие А2, предпринимаемое человеком или людьми А1 в области А4 для достижения цели А3» [АСРЯ, т. 1, с. 68]) и, вероятно, рост частотности контекстов употребления слова в данном значении дают возможность говорить об отдельной лексеме, сопровождаемой в АСРЯ пометой *новое* («необходимость в этой помете стала особенно

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация в цитатах сохранены.

ощутимой в середины 80-х годов прошлого столетия, когда в русском языке начался бурный рост новых лексических значений и новых слов, особенно за счет заимствований из английского языка» [АСРЯ, т. 1, с. 12]). Сопровождая заголовочное слово статьи пометой *книжн.* или *оффц.*, авторы в зоне сочетаемости лексемы приводят выражение *запустить акцию* с пометой *разг.* — таким образом проявляет себя процесс нейтрализации книжной лексики, свойственный современной речи. На основе наблюдения над современными контекстами употребления слова *акция* в новом значении можно дополнить словарную зону сочетаемости такими распространенными в современной речи конструкциями, как *приобрести / купить по акции, продавать по акции*:

(2) Более половины квартир в новостройках России **продаются по акции** (<https://iz.ru>).

(3) Что сегодня можно **купить по акции** в «Пятерочке»? (<https://dzen.ru>).

Пересекаясь в значении с существительным *скидка* (обычно во мн. ч.) как общее и частное, слово *акция* часто ставится с ним в однородный ряд:

(4) ...можно **устраивать акции и скидки, привлекать партнеров, создавать торговые центры, продавать сертификаты, компоновать сопутствующие товары и многое другое** (Е. Николаева. Почему бы вам не начать торговать в интернете? // «Эксперт», 2013).

Развивает новые значения и существительное *анимация*. Представленное далеко не во всех словарях, это заимствование толкуется как «мультипликация» [БТС, с. 40]. В БАС-2 зафиксировано еще одно значение — «движение объектов на экране компьютера; программа, заставляющая объекты двигаться на экране компьютера» [БАС-2, т. 1, с. 206]. Сохраняя оба этих значения (причем второе с пометой *информ.*), «Толковый словарь русского языка начала XXI века» фиксирует еще одно, актуальное в современной речи: «деятельность аниматора, аниматоров; профессиональное развлечение публики в туристическом бизнесе» [Скляревская, 2008 (далее — ТСРЯ), с. 66]. Данное значение приводит и «Академический толковый словарь русского языка» [Крысин, 2016 (далее — МАС-2), т. 1, с. 92]. Толкование значения в ТСРЯ сопровождается пометой *спец.*, предопределяющей книжный характер слова. В МАС-2 она отсутствует: распространение данной лексемы в узусе приводит к ее стилистической нейтрализации. Национальный корпус русского языка представляет 87 примеров употребления слова *анимация* — в трех значениях. Частотность контекстов для них разная: 55 примеров иллюстрируют употребление в основном значении; 29 примеров — в специальном, связанном с компьютерной сферой; 3 примера — в новом значении. Характерно, что слово *анимация* в новом значении получает распространение как в книжной речи (например, в публицистическом тексте):

(5) ...Как отмечают в компании, объемы сегодня не главное, важнее грамотно выстроить весь процесс доставки и пребывания туристов в Краснодарском крае: встречи, трансфер, размещения, развлечения, **анимация** и т. д., в пакет включили даже страховку (Н. Литвинова. В патриотическом настроении // «Эксперт», 2014),

так и в разговорной (например, в общении на интернет-форуме):

(6) [Гость] Номера большие, персонал дружелюбный, еда вкусная, **анимация** в основном детская, но она нам совсем не нужна — есть где самим погулять (аквапарк, экскурсии, рядом Несебр)! (Форум: Отдых в Болгарии, отзывы (2013)).

Процесс развития нового значения у отвлеченного существительного на основе метафорического переноса можно проиллюстрировать словом-термином. Проследим историю лексикографического описания существительного *аллергия*. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова, в БАС-1 это слово отсутствует. В «Словаре русского языка» [Ожегов, 1975 (далее — СО)] оно представлено как однозначное, с пометой *спец.* [СО, с. 25]. В более поздних словарях отмечаются две тенденции в представлении данного существительного. Во-первых, терминологическое значение в ряде словарей утрачивает стилистическую помету, что переводит слово в разряд стилистически нейтральных. Так, помета сохранена в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (*спец.*) [Шведова, 2011 (далее — СШ), с. 10], в ТСРЯ (*мед.*) [ТСРЯ, с. 57], в БТС (*мед.*) [БТС, с. 35], однако отсутствует в БАС-2 [БАС-2, т. 1, с. 163]. Во-вторых, во всех указанных словарях отмечается новое, переносное значение — «отрицательное отношение, нетерпимость к кому-, чему-л.» [ТСРЯ, с. 57]. Примечательно, что пометы ко второму значению сильно разнятся: БТС сопровождает толкование пометой *книжн.*, СШ и БАС-2 — пометой *разг.* Развитие метафорического значения у термина отражает активный процесс детерминологизации научной лексики в современной речи. Этому способствует, по мнению Н. С. Валгиной, расширение сферы применения термина в речепрактике, «смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления», а также появление экспрессивно-оценочного компонента в структуре его значения [Валгина, 2003, с. 96–107] (ср. также описание процесса освоения и популяризации терминологии разными социальными группами в [Крысин, 2003, с. 250–258]). Характерно и то, что этот оценочный компонент явно указывает на отрицательный полюс оценки.

Проявление оценочного компонента в структуре отвлеченного существительного в ходе развития его семантики иллюстрирует и слово *амбиция*. «До последнего времени, — отмечает И. Левонтина, — слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и безосновательными притязаниями... И вот всё изменилось. Появилось поколение *успешных* и *амбициозных* молодых людей... И ничего в этом плохого язык уже почти не видит» [Левонтина, 2016, с. 30–31]. Современная лексикографическая практика реагирует на перемену оценочного полюса слова следующим образом. Если СШ, БТС сопровождают второе значение существительного *амбиция* («обычно мн. претензии, притязания на что-л.» [СШ, с. 12]) пометой *неодобр.*, то в ТСРЯ приводится новое значение: «энергичное стремление осуществить честолюбивую цель, замысел, идею и т. п.», в котором отрицательная коннотация отсутствует [ТСРЯ, с. 61], АСРЯ лексему с отрицательной коннотацией ставит на второе место, сопровождая ее пометой *уходящее*, и на первом месте — лексема со значением «*прим. в форме мн.* желание человека А1 сделать А2 или добиться А2, что считается большим успехом и создает для него высокий статус в выбранной им области деятельности А3» [АСРЯ, т. 1, с. 78].

Новое значение абстрактного существительного, таким образом, развивающееся на основе метафорического переноса, способно менять стилистический и оценочный статус языковой единицы.

Метонимический перенос

Наиболее распространенным способом появления у слова нового лексико-семантического варианта становится в современном языке метонимический перенос.

Так, отглагольное существительное *вложение* (от глагола *вложить* — «положить, поместить внутрь» [СШ, с. 97]) на основе переноса по схеме «действие — объект действия» начинает обозначать некий материал (файл), который прикрепляется в качестве дополнительного к тексту электронного письма. Подобное словоупотребление иллюстрируют следующие контексты:

(7) Как прикрепить **вложение** к письму из папки общего доступа (блог компании <https://simplit.com>).

(8) Я отправляю письмо с **вложениями**, фотки например, захожу в отправленные, чтобы посмотреть чего оправил и переслать это письмо по другому адресу, в поле просмотра фоток не видно, хотя размер письма показывает, что они есть. Как можно добиться, чтобы **вложения** нормально отображались в письмах, бывает потребность посмотреть, что ты отправил, открыть (<https://ru-mac.livejournal.com>).

В разговорной речи интернет-общения получает распространение метонимическое употребление существительного *реакция*:

(9) Ставь **реакцию**, если понравился рецепт (Телеграм-канал «Выпечка просто»).

Образованное от глагола *реагировать*, существительное *реакция* актуализирует одно из его значений — «проявлять каким-либо образом свое отношение к кому-, чему-л.» [БТС, с. 1107], приближаясь по смыслу к слову *оценка* (ср. указание на устойчивый оборот *реакция на что-л.* в БАС-1, 2 с примером употребления в форме мн. числа: *Двести пятьдесят дней боёв создали у людей особый строй души, свои нормы поведения, свои реакции на явления внешнего мира*). Интернет-каналы активно используют это слово в конкретном, опредмеченном значении:

(10) Как настроить быстрые **реакции** в Историях Инстаграма¹ («Энциклопедия Инстаграм»).

В таком контексте слово *реакция* выступает в качестве синонима слов *значок*, *смайл*:

Быстрые **реакции** в Инстаграм Сторис — это небольшие значки, которые находятся под каждой записью в разделе «Комментарии». При просмотре чужой Истории, зритель может оставить одобрительный смайл, «огонек» или «Круто на все 100» (<https://incta.ru>).

(11) Эмодзи-реакции — относительно новая опция в мессенджере Telegram, введенная в конце 2021 года. Она дает возможность пользователям выразить отношение к посту с помощью анимированных смайлов. **Реакции** — удобный инструмент для владельцев каналов и групп, позволяющий получить быструю обратную связь от подписчиков без отправки сообщений. Из статьи вы узнаете, как включить **реакции** в Телеграм, а также как настроить или убрать эту функцию (<https://www.calltouch.ru>).

Книжное слово терминологического характера [ТСУ, т. 3, с. 1303], существительное *реакция*, приобретая новое значение, становится стилистически нейтральным.

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории России.

Как видно из приведенных примеров, многие контексты употребления отвлеченного существительного в переносном, метонимическом значении выявляют возможность его использования в форме множественного числа. «Формы числа, — отмечал В. В. Виноградов, — выступают как способ грамматической дифференциации разных значений слов» [Виноградов, 2001, с. 134]. Из отглагольных существительных данный процесс можно проиллюстрировать еще рядом слов.

Например, существительное *решение* употребляется в форме множественного числа в следующих контекстах:

(12) Если приложение *KasperskySecureConnection* активировано по подписке одного из защитных **решений** «Лаборатории Касперского», оно будет работать до окончания текущего оплаченного периода этой подписки (<https://www.kaspersky.ru>).

(13) В рамках масштабного тестирования AV-Test была проведена оценка **14** корпоративных **решений** с точки зрения удобства использования, а именно корректной обработки безопасных объектов. В данном испытании **два решения** Лаборатории Касперского: *Kaspersky Endpoint Security* и *Kaspersky Small Office Security* справились без ошибок (<https://www.comss.ru>).

(14) Кубанские разработчики готовы реализовать новые **решения** для бизнеса. Команды разработчиков работают над проектами, которые помогут импортозамещению. Краевой Фонд собрал сильных специалистов, готовых генерировать и реализовывать необходимые сейчас **IT-решения** и продукты (<https://ki-news.ru>).

Представленное в сфере бизнеса и IT-технологий, такое словоупотребление основано на метонимическом переносе «действие — результат действия». Нужно отметить, что словари указывают на подобный перенос: например, БАС-2 толкует второе значение данного существительного следующим образом: «Результат такого действия [по глаголу *решить, решать*. — Е. М.]; способ разрешения чего-либо» (ср. пример употребления в форме мн. числа: *Курако вслух разбирает проект, отдельные решения вызывают его восхищение*) [БАС-2, т. 23, с. 655]. Однако современное употребление слова в приведенных контекстах указывает на дальнейшую конкретизацию абстрактного понятия: слово *решение* начинает обозначать конкретную программу, продукт, проект (отсюда — возможность сочетания с количественными числительными, с глаголами конкретного действия).

Другое абстрактное существительное, форма множественного числа которого получает широкое распространение в современной публицистической речи, — *вызов*. Высокая частотность употребления этого слова в новом значении приводит к его словарной фиксации. МАС-2 формулирует это значение следующим образом: «насущная проблема, требующая немедленной реакции» [МАС-2, т. 2, с. 297–298]. В качестве отдельной лексемы с пометой *новое* оно толкуется и в «Активном словаре русского языка»: «трудная проблема А1, возникшая перед лицом А2, которая требует от А2 смелости и больших усилий для своего решения» [АСРЯ, т. 2, с. 420]. Употребление данного существительного в указанном значении — преимущественно в форме мн. числа — иллюстрируют следующие примеры:

(15) В России продолжается Год педагога и наставника. Это дань уважения к тем, кто вкладывает свои силы, время и опыт в людей. Сегодня, когда перед страной стоят колоссальные **вызовы**, нам нужны такие герои образовательного фронта (Телеграм-канал «Наука и университеты», 23.06.23).

(16) *Глобальные вызовы* — каковы они сейчас? Что из них первоочередное и что будет, если не найти ответы на эти вызовы?

— Главных *вызовов* сейчас три: пандемия и вызванный ею общий экономический спад, изменение климата и проблема глобального сотрудничества (П. Осипьянц. «Главных вызовов сейчас три» // Сетевое издание «Компания», 17.01.2022).

Ср. замечание И. Левонтиной о слове *вызов* как кальке с английского *challenge*, всё чаще замещающем слово *проблема*, в [Левонтина, 2016, с. 21–24].

Формы множественного числа при метонимическом переносе получают не только отглагольные имена существительные. Так, существительное *бизнес* в одном из значений, зафиксированном в «Активном словаре русского языка», — «частное предприятие лица и или лиц А1, целью которого является получение прибыли от продажи товаров или оказания услуг в сфере А2» (ср. один из примеров употребления лексемы в словаре: *Большинство ресторанов в этом городке — это небольшие семейные бизнесы*) [АСРЯ, т. 1, с. 247] — допускает плюрализацию. Национальный корпус русского языка представляет 177 примеров с существительным *бизнес* в форме множественного числа, отмечая рост словоупотреблений начиная с 2000-х, и особенно с 2010-х гг.

Распространенной в современной речи становится и форма множественного числа отвлеченного существительного *активности*. Эта форма фиксируется Национальным корпусом русского языка с 1919 г. Однако ее значение в представленных текстах различно. Во-первых, она может сохранять отвлеченный смысл и в форме множественного числа, если обозначает некие действия, процессы умозрительные, недоступные для непосредственного восприятия. Реализацию этого значения мы наблюдаем в текстах, посвященных философской тематике:

(17) *Сознание* — его разумные, высшие *активности* — фиксирует эту уникальную роль, и потому в нем, наряду с тенденциями к вытеснению опыта смерти, образуются и тенденции противоположного рода, к углубленной, осмысливающей проработке этого опыта (С. С. Хоружий. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии, 2003, № 1, 2003).

Во-вторых, форма *активности* употребляется в специальном, терминологическом значении в научных текстах из области химии:

(18) *Проведенные расчеты форм нахождения химических элементов в изучаемых водах и коэффициентов активности растворенных ионов позволяют рассчитать произведения активностей для малорастворимых соединений в водах...* (Наблюдения за гидрохимическими характеристиками малой реки в интересах оценки экологического состояния (2000) // «Геоинформатика», 01.12.2000),

геологии:

(19) Для изучения режима деформаций в зоне глубинных разломов нами впервые были использованы колебания — *активности* рапоносных зон, отражающие мощность и длительность генерации радона (В. А. Манукьян. Оценка масштаба субвертикальной фильтрации рассолов в солянокупольных структурах (2004) // «Газовая промышленность», 17.11.2004),

медицины:

(20) Вирулицидный эффект у препаратов оценивали по соотношениям инфекционных **активностей** вирусов в опытных и контрольных образцах (Противовирусная активность различных препаратов *in vitro* в отношении вирусов инфекционного ринотрахеита и вирусной диареи крупного рогатого скота (2004) // «Вопросы вирусологии», 06.09.2004),

социологии:

(21) В их пределах происходит проявление пищевой, миграционной, репродуктивной, сексуальной **активностей**, которые имеют социальный характер и протекают с высокой интенсивностью (Л. Буторина. Сложная жизнь полифема // «Наука и жизнь», 2007).

Нам интересен третий способ реализации формы *активности* в современной речи, проникающей в широкое употребление в значении «мероприятие». Приведем примеры:

(22) День Карьеры... В рамках проекта будут организованы следующие **активности**: • Выставка работодателей... • Интерактивные форматы взаимодействия участников (мастер-классы, тренинги, деловые игры, конкурсы и презентации от компаний-партнеров)... • Первый этап долгосрочного проекта «Top Talents List» (День Карьеры: в поиске талантов // Coach, 2008).

(23) Путешествия отнимают время, но еще больше времени отнимает подготовка к ним — завязывание и поддержание товарищеских отношений с коллегами, бесконечная переписка по электронной почте, написание заявок на *travel-grants* и отчетов по ним, стояние в очередях за визами и изучение прайс-листов авиакомпаний. Жизнь, вмещающая в себя все эти **активности**, оставляет очень мало времени для вдумчивого чтения книг, кропотливого сбора эмпирических данных и их тщательного анализа (М. Соколов. Академический туризм: об одной форме вторичного приспособления к институтам интернациональной науки // «Неприкосновенный запас», 2009).

(24) Библиотеки стали полноценными культурными центрами, в которых работают творческие студии, кружки и проходят самого разного рода **активности** (Д. Рощеня. Четыре дня на чтение: книжный фестиваль «Красная площадь» (06.2017) // 2017).

(25) **Активностей** тут много: концерты, творческие мастер-классы (по созданию принтов на футболках, например), скалодром и кинотеатр (Ю. Степанова. Берлин: вне системы. Как живут люди в сквотах и независимых поселениях (03.2019)).

Сема 'деятельность, энергичность', составляющая ядро прямого значения существительного *активность* [БАС-2, т. 1, с. 150], способствует осуществлению метонимического переноса со свойства на сам предмет, им обладающий. Своеобразная мода на слово *активности* в значении «события, мероприятия» приводит к распространению этого слова в текстах разных стилей и жанров — публицистических (письменных и устных — в речи теле- и радиоведущих), в «устно-письменном» языке интернет-общения (так, например, в социальных сетях проводятся конкурсы *активностей*). Расширяются сочетаемостные возможности слова: *активности* могут быть *спортивными*:

(26) Ежегодно на катке ВДНХ проходит насыщенная событийная программа — **спортивные активности**, спектакли и вечеринки, флешмобы, экскурсии, соревнования (группа «ВДНХ» в социальной сети «ВКонтакте»),

полезными:

(27) *Еще больше полезных активностей, которые учат ответственности, лидерским качествам и командной игре, — вы можете найти по этой ссылке* (Телеграм-канал «Мел»).

В активностях можно принимать участие. Так, Гугл-поиск на запрос «участвовать в активностях» выдает 16 900 результатов.

Заключение

Отвлеченные существительные в современной речи, представляющие сферу IT-технологий, бизнеса, общественно-политической жизни, проявляют семантическую активность, развивая новые значения.

Появление лексико-семантических вариантов обусловлено процессами метафоризации и метонимизации исходного значения абстрактного слова. При его метафорическом употреблении наблюдаются следующие тенденции. Во-первых, книжное слово, сопровождаемое в своем прямом значении словарными пометами *книжн.*, *офиц.*, *спец.*, *информ.*, *мед.*, нейтрализуется, чему способствует активное распространение его в публицистических текстах, в разговорной речи интернет-общения. Во-вторых, нейтрализация и детерминологизация абстрактного понятия приводит к появлению оценочного компонента в его значении (как правило, пейоративного), что обусловлено общей тенденцией экспрессивизации современной речи.

Метонимический перенос значения абстрактного существительного сопровождается конкретизацией его значения. Появление нового лексико-семантического варианта влечет грамматические изменения: слово *singularia tantum* приобретает форму множественного числа, расширяет свои сочетаемостные свойства.

Повышение частотности употребления того или иного абстрактного слова в новом значении и новой форме, его лексикографическая фиксация отражают потенциальные возможности языковой системы в отношении данного класса имен существительных.

Список источников

- Апресян Ю. Д. (отв. ред.) 2014–2017. Активный словарь русского языка. М.: Языки славянской культуры; СПб.: Нестор-История. Т. 1–3. (АСРЯ).
- Бунамес Н. В. 2007. Множественное число отвлеченных существительных и норма (на материале русского и французского языков) // Вестник Томского государственного университета. Вып. 10 (54). С. 75–80.
- Валгина Н. С. 2003. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос. 304 с.
- Виноградов В. В. 2001. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Рус. язык. 720 с.
- Горбачевич К. С. (гл. ред.). 2004–2021. Большой академический словарь русского языка. М. — СПб.: Наука. Т. 1–27. (БАС-2).
- Горбов А. А. 2013. К вопросу об эволюции числовых парадигм отвлеченных существительных в русском языке XX — начала XXI века: анализ типичного примера // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 2. С. 114–122.

- Горбов А. А. 2016. Семантическое калькирование и эволюция парадигм отвлеченных существительных в современном русском языке // *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века.* Krakow. С. 193–202.
- Калинина Л. В. 2009. Квантификация неисчисляемых существительных в русском языке как когнитивный процесс // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* № 1–2. С. 32–35.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). 2003. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры. 568 с.
- Крысин Л. П. 2008. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак. 320 с.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). 2016. Академический толковый словарь русского языка. М.: Изд. Дом ЯСК. Т. 1–2. (МАС-2).
- Кузнецов С. А. (сост. и гл. ред.). 2000. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт. 1536 с. (БТС).
- Левонтина И. Б. 2016. Русский со словарем. М.: АСТ: CORPUS. 464 с.
- Ожегов С. И. 1975. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 846 с. (СО).
- Склярёвская Г. Н. (ред.). 2008. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо. 1136 с. (ТСРЯ).
- Татаркина С. М. 2017. Определенность значений отвлеченных существительных синкретичных форм типа существительное / глагол // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 150–152.
- Ушаков Д. Н. (ред.). 1935–1940. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. (ТСУ).
- Чернышев В. И. (глав. ред.). 1950–1965. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. — Л.: Изд-во АН СССР. (БАС-1).
- Шведова Н. Ю. (ред.). 2005. Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 1. / РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Репринтное издание 1980 г. М. 784 с. (РГ).
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). 2011. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Изд. центр «Азбуковник». 1175 с. (СШ).

References

- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2014–2017). *Active Russian Dictionary* (Vols. 1–3). Yazyki slavyanskoj kultury; Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Bunames, N. V. (2007). Plural of abstract nouns and the norm (based on Russian and French languages). *Vestnik TGU*, (10), 75–80. [In Russian]
- Valgina, N. S. (2003). *Active Processes in Modern Russian*. Logos. [In Russian]
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)* (G. A. Zolotova, Ed.). Russkiy yazyk. [In Russian]
- Gorbachevich, K. S. (Ed.). (2004–2021). *The Big Academic Dictionary of the Russian Language* (Vols. 1–27). Nauka. [In Russian]
- Gorbov, A. A. (2013). On the issue of the evolution of numerical paradigms of abstract nouns in the Russian language of the 20th–early 21st c.: analysis of a typical example. *Vestnik SPbGU. Ser. 9*, (2), 114–122. [In Russian]

- Gorbov, A. A. (2016). Semantic tracing and evolution of abstract noun paradigms in modern Russian. In *Language and Method. Russian Language in Linguistic Studies of the 21st c.* (pp. 193–202). [In Russian]
- Kalinina L. V. (2009). Quantification of uncountable nouns in Russian as a cognitive process. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, (1–2), 32–35. [In Russian]
- Krysin, L. P. (Ed.). (2003). *Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. Yazyki slavyanskoy kultury*. [In Russian]
- Krysin, L. P. (2008). *Word in Modern Texts and Dictionaries: Essays on Russian Vocabulary and Lexicography*. Znak. [In Russian]
- Krysin, L. P. (Ed.). (2016). *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language* (Vols. 1–2). YaSK. [In Russian]
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. [In Russian]
- Levontina, I. B. (2016). *Russian with a Dictionary*. AST; CORPUS. [In Russian]
- Ozhegov, S. I. (1975). *Dictionary of the Russian Language*. Russkiy yazyk. [In Russian]
- Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Explanatory Dictionary of the Russian Language at the early 21st c. Actual Vocabulary*. Eksmo. [In Russian]
- Tatarkina, S. M. (2017). Objectification of the meanings of abstract nouns of syncretic forms of the noun/verb type. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, (12), part 2, 150–152. [In Russian]
- Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 vols.* Sovetskaya entsyclopedia; OGIZ; Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey. [In Russian]
- Chernyshev, V. I. (Ed.). (1950–1965). *Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 vols.* Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2005). *Russian Grammar: Scientific Works in 2 vols.* (Vol. 1). Russian Academy of Sciences; V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. (Reprinted from 1980) [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2011). *Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words*. Azbukovnik. [In Russian]

Информация об авторе

Екатерина Михайловна Мельникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия
em09@mail.ru

Information about the author

Ekaterina M. Melnikova, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of the Russian Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia
em09@mail.ru

Частотность на службе у функционально-грамматического поля предлога^{*}

Екатерина Николаевна Виноградова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Контакт для переписки: ekaterinavin@mail.ru

Аннотация. В статье проводится инвентаризация, ранжирование и прогнозирование производных предложных единиц, включающих предлог *на*. На первом этапе работы на основе анализа специализированных источников был собран реестр предложных единиц, построенных по рассматриваемой модели, далее он был ранжирован по частотности. В статье выдвигается гипотеза, что наиболее частотные предложные единицы располагаются ближе к ядру функционально-грамматического поля предлога и являются более грамматикализованными. В соответствии с гипотезой исследования, на втором этапе работы был проведен анализ наиболее частотных коллокаций, построенных по модели *на* + сущ., отобраны потенциальные предложные единицы, осуществлены их верификация и ранжирование по частотности. В результате исследования был выявлен инструмент для объективации описания функционально-грамматического поля предлога. На примере предложных единиц, построенных по указанной модели, продемонстрирована связь частотности конструкции с ее близостью к ядру функционально-грамматического поля предлога.

Ключевые слова: предлог, предложная единица, частотность, грамматикализация, конструкция, функционально-грамматическое поле предлога, корпусные данные

Цитирование: Виноградова Е. Н. 2024. Частотность на службе у функционально-грамматического поля предлога // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 19–29. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-19-29>

Поступила 10.09.2023; одобрена 23.05.2024; принята 01.07.2024

---

^{*} Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

Frequency as a descriptive instrument for the functional-grammatical field of the preposition

Ekaterina N. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Corresponding author: ekaterinavin@mail.ru

Abstract. In this article, the authors perform inventory, ranging, and forecasting of complex prepositional units including the Russian preposition *na* (on). On the first stage, a catalog of prepositional units of the model was revealed based on specialized manuscripts. Then, the frequency of every cataloged unit was ranked according to the Russian National Corpus. The hypothesis was that the more frequent prepositions are closer to the nucleus of the prepositional field, and they are more “grammaticalized” than the less frequent ones. Following the hypothesis, on the second stage, the frequent collocations of the model *na* (on) + Noun were analyzed, potential prepositional units were selected and verified using the corpora data, then, they were ranged by frequency decrease. The frequency detection method can be regarded as an effective instrument for description of functional-grammatical field of preposition. Using the one-model-prepositional units, the connection between the construction frequency and its proximity to the nucleus of the prepositional field is shown.

Keywords: preposition, prepositional unit, frequency, grammaticalization, construction, functional-grammatical field of prepositions, corpus data

Citation: Vinogradova, E. N. (2024). Frequency as a descriptive instrument for the functional-grammatical field of the preposition. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 19–29. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-19-29>

Received Sep. 10, 2023; Reviewed May 23, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

Функционально-грамматическое поле предлога включает как собственно предлоги, так и единицы, способные в определенных условиях выступать в функции предлога [Всеволодова и др., 2013]. Если состав ядра данного поля — первообразных предлогов — относительно определен [Шведова, 1980 (далее — РГ-80); Солоницкий, 2003; Лепнев, 2009], то реестр единиц, располагающихся на некотором расстоянии от ядра, до сих пор четко не исчислен [Виноградова, 2017], в источниках представлены различные перечни подобных единиц. Думается, что подобная неопределенность связана с непрерывно идущим в языке

процессом грамматикализации конкретных конструкций и, соответственно, с переходным статусом большинства предложных единиц (ПЕ).

Целью данной статьи является инвентаризация и ранжирование производных предложных единиц, включающих предлог *на* в препозиции (*на базе, на основании* и под.). Гипотеза исследования заключается в том, что более частотные ПЕ располагаются ближе к ядру функционально-грамматического поля предлога. Гипотеза основывается на широком понимании грамматикализации [Hopper, Traugott, 2003; Traugott, 2003], позволяющем относить к данному процессу и эволюцию средств предложного типа. Как показано в [Brinton, Traugott, 2005], частотность единицы является одним из отличительных признаков грамматикализации (по сравнению, в частности, с лексикализацией [Виноградова, 2023]). Таким образом, на наш взгляд, ранжирование предложных единиц по частотности позволяет сделать вывод об их близости к ядру функционально-грамматического поля предлога.

Исследование включало несколько этапов: инвентаризацию ПЕ и их ранжирование, прогнозирование потенциальных ПЕ.

Результаты и обсуждение

1. Инвентаризация ПЕ

На первом этапе были собраны ПЕ из различных специализированных изданий. В РГ-80 упомянуто 5 производных отыменных предлогов, содержащих предлог *на* в препозиции: *на основании, на протяжении, на пути, на пути к, на предмет*. На основе анализа источников [Богданов, Рыжова, 1997; Морковкин, 1997; Бурцева, 2010; Ефремова, 2001; Шиганова, 2003; Всеволодова и др., 2018; Лепнев, 2010; Обороты, 2022] число изучаемых ПЕ было расширено до 65. Далее к ним были добавлены около 70 ранее не выявленных ПЕ из реестра М. В. Всеволодовой. После этого была изучена частотность всех единиц полученного реестра. Для этого использовалось число вхождений в основной корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) каждой конкретной единицы именно в предложной функции, которая подразумевает наличие зависимого слова. Так, чтобы определить частотность ПЕ *на базе* чего?, учитывались вхождения по следующему запросу *на + база* (sg, loc, loc₂) + (gen, gen₂), все единицы на расстоянии 1 друг от друга. При этом, как показал материал, для поиска зависимых слов разных предлогов необходимо использовать различные поисковые запросы:

- а) ПЕ + любая склоняемая словоформа в родительном падеже: *на фоне* чего?;
- б) ПЕ + любая склоняемая словоформа в дательном падеже: *на благо* чему-кому?, *на радость* кому?, *на горе* кому?;
- в) ПЕ + числительное (которое может быть записано в том числе цифрами): *на высоте* сколько?, *на уровне* сколько?;
- г) ПЕ + предлог: *на пути к* чему?, *на виду у* кого?.

Включение в запрос зависимого слова позволяет учитывать только предложные употребления данной конструкции, отсекая прямые именные употребления типа *А мне так нравится жить на базе: тихо, спокойно* [НКРЯ]. Далее полученный список был ранжирован по убыванию частотности (табл. 1).

Табл. 1. Ранжированный по частотности реестр предложных единиц, включающих предлог *на* в препозиции, вхождений в НКРЯ**Table 1.** Frequency-ranked register of prepositional units including the preposition *na* in preposition, occurrences in NRC

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
1	на основе	11 763	32	на тему	1 199	63	на службе	339
2	на основании	10 568	33	на склоне	1 160	64	на позиции _{pl}	334
3	на фоне	8 455	34	на благо	1 119	65	на позиции _{sg}	333
4	на месте	8 180	35	на заре	1 013	66	на рассвете	321
5	на протяжении	7 445	36	на руках	870	67	на nive	300
6	на уровне _{gen}	5 573	37	на момент	851	68	на поводе у	288
7	на базе	3 711	38	на рубеже	847	69	на подходе к	284
8	на имя	3 618	39	на уровень	821	70	на повестке	281
9	на стороне	3 194	40	на стадии	819	71	на потеху	269
10	на случай	3 068	41	на пути в	785	72	на восток от	268
11	на глазах	2 900	42	на виду у	781	73	на соискание	241
12	на пути	2 778	43	на уровне _{Num}	766	74	на расстояние	239
13	на почве	2 684	44	на руках у	694	75	на север от	235
14	на смену	2 550	45	на исходе	688	76	на удивление	221
15	на глубине	2 542	46	на горе	685	77	на периферии	205
16	на высоте	2 483	47	на высоту	678	78	на пике	199
17	на время	2 372	48	на страже	642	79	на позициях	195
18	на пороге	2 362	49	на глубину	615	80	на пару с	192
19	на глазах у	2 322	50	на стыке	565	81	на юг от	191
20	на сторону	2 188	51	на радость	530	82	на опыте	190
21	на путь	2 073	52	на взгляд	520	83	на волоске от	182
22	на грани	2 063	53	на подступах к	502	84	на задворках	180
23	на пути к	1 907	54	на волне	499	85	на волосок от	168
24	на расстоянии	1 870	55	на плечах	498	86	на потребу	168
25	на примере	1 869	56	на положении	459	87	на плечах у	161
26	на пользу	1 654	57	на путях	450	88	на путях к	139
27	на границе	1 569	58	на обороте	417	89	на позицию	134
28	на защиту	1 565	59	на закате	416	90	на отметке	132
29	на предмет	1 426	60	на память о	381	91	на рельсы	120
30	на манер	1 223	61	на службу	368	92	на подъезде к	118
31	на правах	1 212	62	на начало	360	93	на запад от	113

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
94	на переднем крае	103	103	на поводе	50	112	на отлете от	17
95	на славу	97	104	на счету у	50	113	на уровне с	16
96	на срок	97	105	на ю-восток от	49	114	на канве	14
97	на переломе	75	106	на с-запад от	42	115	на с-востоке от	14
98	на севере от	75	107	на с-восток от	36	116	на ю-востоке от	14
99	на западе от	65	108	на пути на	33	117	на ю-западе от	13
100	на юге от	65	109	на с-западе от	30	118	на подступы к	10
101	на востоке от	56	110	на путях в	21	119	на уровень с	10
102	на ю-запад от	54	111	на стражу	18	120	на завтра после	8

Примечание. Темно-серым маркированы предлоги, названные в РГ-80, светло-серым — дополнения из реестра М. В. Всеволодовой, белым — из сводного реестра источников.

Note. The dark grey color marks prepositions named in RG-80, light grey — additions from M. V. Vsevolodova's register, white — from the consolidated register of sources.

В табл. 1 не включены единицы, демонстрирующие минимальное количество употреблений (*на отдалении от* (1), *на паях с* (1)), и те ПЕ, для которых необходимо вручную считать частотность в связи с преобладанием прямых употреблений: *на глаза, на горизонте, на дело, на долю, на путях на, на стыках, на положение, на порог, на спине, на счет*. Безусловно, и для других ПЕ в результатах может присутствовать определенный шум, связанный с наличием прямых употреблений.

На основе анализа табл. 1 можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее частотные ПЕ тяготеют к приядерной зоне функционально-коммуникативного поля предлога, таковы топ-10 предлогов: *на основе, на основании, на фоне, на месте, на протяжении, на уровне, на базе, на имя, на стороне, на случай*. Наоборот, ПЕ, имеющие минимальное число употреблений, находятся на периферии поля.
2. Предлоги образуют различные парадигмы, при этом обычно одна ПЕ из ряда имеет бóльшую частотность, ср.: *на уровне + gen* (5 573) — *на уровень* (821) — *на уровне + num* (766) — *на уровне с* (16) — *на уровень с* (10); *на пути* (2 778) — *на путь* (2 073) — *на пути к* (1 907) — *на пути в* (785) — *на путях* (450) — *на путях к* (139) — *на пути на* (33) — *на путях в* (21).
3. Включение в различные реестры конкретных ПЕ достаточно субъективно, ср. 5 предлогов из РГ-80 (темно-серая маркировка) входят в первые 30 по частотности; предлоги из сводного реестра источников (белая маркировка) значительно отличаются по частотности.

4. М. В. Всеволодова добавляет параметрические ПЕ: *на высоте — на высоту, на глубине — на глубину, на уровне — на уровень, на расстоянии — на расстояние*; ПЕ, включающие стороны света: *на восток от — на востоке от, на север от — на севере от, на запад от — на западе от, на юг от — на юге от; на северо-запад от — на северо-западе от, на северо-восток от — на северо-востоке от, на юго-запад от — на юго-западе от, на юго-восток от — на юго-востоке*; некоторые соматические ПЕ: *на руках — на руках у, на плечах — на плечах у* и др.

2. Прогнозирование ПЕ

На втором этапе была поставлена задача поиска потенциальных ПЕ с помощью анализа списка коллокаций НКРЯ. Для этого необходимо было извлечь из коллокаций, построенных по продуктивным для ПЕ моделям, возможные ПЕ, а затем проверить их на способность функционировать в качестве предлога. Продуктивными среди рассматриваемых моделей являются (1) *на + N_{предл}* и (2) *на + N_{вин}* [Черкасова, 1967; Попова, 2014]. Разумеется, большое количество коллокаций представляют собой просто сочетания предлога *на* с существительным типа *на улице, на сцене, на рынке*; часть коллокаций отражает устойчивые сочетания: *на деле, на свете, на ходу*. Тем не менее среди коллокаций можно выявить и ПЕ.

(1) Анализ коллокаций, построенных по моделям *на + N_{locsg}* и *на + N_{locpl}*, позволил выявить ряд возможных «кандидатов в предлоги», однако было необходимо проверить, употребляются ли они в функции предлога. Для этого каждый «кандидат» верифицировался на частотность употребления моделей:

- а) *на + N_{loc}* + любая склоняемая словоформа в родительном падеже;
- б) *на + N_{loc}* + предлог.

В результате были выявлены следующие потенциальные ПЕ (табл. 2).

Табл. 2. Ранжированный по частотности реестр предложных единиц, построенных по модели *на + N_{locsg,pl}* вхождений в НКРЯ

Table 2. Frequency-ranked register of prepositional units based on the model *na (on) + N_{locsg,pl}*, no. of occurrences in the NRC

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
1	на территории	7 827	10	на развалинах	476
2	на краю	4 611	11	на условиях	441
3	на поверхности	3 099	12	на началах	440
4	на страницах	2 868	13	на устах у	227
5	на вершине	2 482	14	на устах	147
6	на поле	2 022	15	на перекрестках	132
7	на границе	1 749	16	на подходах к	90
8	на языке	1 716	17	на побегушках у	89
9	на середине	981	18	на глубинах до	54

(2) Анализ колокаций, построенных по моделям $на + N_{accsg}$ и $на + N_{accpl}$, также позволяет выделить ряд «кандидатов» в предлоги, которые могут присоединять зависимое слово в форме не только родительного, но и дательного падежа, а также предложно-падежную конструкцию, как и в модели (1). В результате были выявлены следующие потенциальные ПЕ (табл. 3).

Табл. 3. Ранжированный по частотности реестр предложных единиц, построенных по модели $на + N_{accsg,pl}$ вхождений в НКРЯ

Table 3. Frequency-ranked register of prepositional units based on the model $на (on) + N_{accsg,pl}$ no. of occurrences in the NRC

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
1	на место	5 041	10	на поиски	1 070	19	на период до	277
2	на помощь	2 560	11	на средства	1 010	20	на поиск	249
3	на должность	1 707	12	на борьбу с	851	21	на борьбу за	216
4	на защиту	1 565	13	на нужды	659	22	на места	194
5	на произвол	1 377	14	на срок от	570	23	на сумму около	191
6	на поверхность	1 182	15	на период	404	24	на сумму _{gen}	157
7	на срок до	1 127	16	на милость	364	25	на расходы по	131
8	на территорию	1 113	17	на темы	342	26	на поля	118
9	на сумму _{num}	1 104	18	на страницы	337			

Очевидно, что некоторые ПЕ из табл. 2 и 3 слабо грамматикализованы: *на территории, на поверхности, на страницах* и др.; *на место, на должность, на защиту* и под. Дело в том, что в данных по частотности присутствует шум, обусловленный различными причинами:

- наличием прямых употреблений, например, для ПЕ *на краю* большинство вхождений имеет прямое значение (*на краю сковороды*), ср. с более редким предложным *на краю гибели*;
- наличием устойчивых сочетаний, например, *на поле жизни, брани, боя, сражения; на злобу дня; на помин души, на произвол судьбы* и под.;
- употреблением в составе других конструкций, ср.: *направлены на защиту* (направлять на что) и в функции предлога *встали на защиту птиц*.

Думается, что каждый из подобных потенциальных предлогов целесообразно подвергнуть анализу на степень грамматикализации. В то же время конструкции находятся в постоянном движении, поэтому однажды лексикализованная конструкция типа *на произвол судьбы* может переосмыслиться и использоваться с другими зависимыми словами, начиная таким образом употребляться в предложной функции, ср. примеры из НКРЯ: *на произвол случая, судеб, судьбины, власти, администрации, случайностей, обстоятельств, любви, сражения, победителей, ветров, китайцев, огня, природы, короля, врага, времени, окружающих* и др.

В результате анализа табл. 2 и 3 можно сделать следующие выводы.

1. Многие из потенциальных ПЕ частотнее уже отмеченных в источниках единиц, что свидетельствует, на наш взгляд, об эффективности выбранного подхода. Он позволяет, с одной стороны, расширить объем средств предложного типа, а с другой — объективировать описание поля предлога.
2. Немного более продуктивной по сравнению с $na + N_{loc}$ представляется модель $na + N_{acc}$, которая системно присоединяет актант как в форме родительного, так и дательного падежа.
3. Более продуктивными рассматриваемые модели являются для предлогообразующих существительных в форме ед. ч.
4. ПЕ образуют различные парадигмы, например, *на поисках* — *на поиск*, *на тему* — *на темы*. Количественные ПЕ образуют парадигмы по способу выражения актанта: *на срок* — *на срок до* — *на срок от*; *на период* — *на период до* — *на период от*; *на сумму* — *на сумму около*. Кроме того, представлены и семантические парадигмы [Всеволодова и др., 2013]: *на поверхности* — *на поверхность*; *на территории* — *на территорию*.

Парадигматический потенциал ПЕ позволяет осуществлять и еще один вид прогнозирования ПЕ — системное прогнозирование. Так, зная типы парадигматических отношений внутри поля предложных единиц [Виноградова, Клобукова, 2022], можно также прогнозировать потенциальные ПЕ. Для изучаемых моделей таким образом были выявлены и верифицированы на наличие предложных употреблений, например, *на тему о* (881), *на службу к* (348), *на службе у* (339), *на счету* (270). Это еще одно актуальное направление для дальнейших исследований.

Заключение

На основании тактик инвентаризации, ранжирования и прогнозирования ПЕ можно получить наиболее полный список средств предложного типа. Ранжирование ПЕ по частотности позволяет получить более объективные данные об устроенности функционально-грамматического поля предлога. Так, в приядерной зоне функционально-грамматического поля предлога находятся в том числе наиболее частотные производные ПЕ, включающие предлог *на* (табл. 4).

Табл. 4. Топ-20 ПЕ, включающих предлог *на*, по частотности, вхождений в НКРЯ

Table 4: Top 20 prepositional units including the preposition *na* (on), by frequency, occurrences in the NRC

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
1	на основе	11 763	6	на протяжении	7 445
2	на основании	10 568	7	на уровне	5 573
3	на фоне	8 455	8	на место	5 041
4	на месте	8 180	9	на краю	4 611
5	на территории	7 827	10	на базе	3 711

Окончание табл. 4

Table 4 (end)

№	ПЕ	част.	№	ПЕ	част.
11	на имя	3 618	16	на страницах	2 868
12	на стороне	3 194	17	на пути	2 778
13	на поверхности	3 099	18	на почве	2 684
14	на случай	3 068	19	на помощь	2 560
15	на глазах	2 900	20	на смену	2 550

Примечание. Прогнозируемые на основе анализа коллокаций ПЕ выделены серым.

Note. Prepositional units predicted from collocations analysis are highlighted in grey.

Актуальным представляется использование двух методов прогнозирования потенциальных ПЕ: анализ частотных коллокаций и системы парадигматических связей ПЕ. Безусловно, все потенциальные предлоги необходимо верифицировать на наличие употреблений в функции предлога, а также индивидуально проверить на степень их грамматикализации. На наш взгляд, использование корпусных данных дает лингвистам возможность получить более четкую картину функционально-грамматического поля предлога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Богданов С. И., Рыжова Ю. В. 1997. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 168 с.
- Бурцева В. В. 2010. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа. 750 с.
- Виноградова Е. Н. 2017. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. № 5. С. 56–74.
- Виноградова Е. Н. 2023. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. № 1. С. 54–87.
- Виноградова Е. Н., Клобукова А. П. 2022. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. № 20 (1). С. 84–100.
- Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. 2013. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: УРСС. 304 с.
- Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. 2018. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Кн. 2: А–В (объективная грамматика). М.: УРСС. 809 с.
- Ефремова Т. Ф. 2001. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык. 863 с.
- Лепнев М. Г. 2009. Словарь производных предлогов современного русского языка. СПб.: Гуманитарная академия. 172 с.
- Лепнев М. Г. 2010. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб.: ИП «Ефименко Д. А.». 313 с.

- Морковкин В. В. (ред.). 1997. Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь. 422 с.
- Обороты в функции предлога. Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru/new/obgrams-PR.html> (дата обращения: 19.07.2024).
- Попова З. Д. 2014. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ. 232 с.
- Солоницкий А. В. 2003. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток: ДВГУ. 126 с.
- Черкасова Е. Т. 1967. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). 1980. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука.
- Шиганова Г. А. 2003. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета. 306 с.
- Brinton L., Traugott E. 2005. *Lexicalization and Language Change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 207 pp.
- Hopper P., Traugott E. 2003. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 276 pp.
- Traugott E. 2003. *Constructions in grammaticalization // The Handbook of Historical Linguistics / Joseph B., Janda R. (eds.)*. Oxford: Blackwell. Pp. 624–647.

References

- Bogdanov, S. I., & Ryzhova, Yu. V. (1997). *Russian Auxiliary Words. Synoptic Tables*. Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [In Russian]
- Burtseva, V. V. (2010). *A Dictionary of Russian Adverbs and Auxiliary Words*. Drofa. [In Russian]
- Vinogradova, E. N. (2017). Prepositions in modern Russian: Lexicography and grammatical description. *Topics in the Study of Language*, (5), 56–74. [In Russian]
- Vinogradova, E. N. (2023). Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition *PO*. *Topics in the Study of Language*, (1), 54–87. [In Russian]
- Vinogradova, E. N., & Klobukova, L. P. (2022). The grammar of Russian preposition: Theoretical aspects. *Russian Language Studies*, (20), 84–100. [In Russian]
- Vsevolodova, M. V., Kukushkina, O. V., & Polikarpov, A. A. (2013). *Russian Prepositions and Preposition-Like Units. Materials for a Functional-Grammatic Description of Real Usage: Introduction to Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units. Book 1*. URSS. [In Russian]
- Vsevolodova, M. V., Vinogradova, E. N., & Chaplygina, T. E. (2018). *Russian Prepositions and Preposition-Like Units. Materials for a Functional-Grammatic Description of Real Usage: A Catalogue of Russian Prepositional Units. Book 2. A–B (objective grammar)*. URSS. [In Russian]
- Efremova, T. F. (2001). *A Defining Dictionary of Russian Auxiliary Parts of Speech*. Russkii yazyk. [In Russian]
- Lepnev, M. G. (2009). *A Dictionary of Non-Derivative Prepositions in the Modern Russian Language*. Gumanitarnaya akademiya. [In Russian]
- Lepnev, M. G. (2010). *Russian Derivative Prepositions. Dictionary Materials*. Efimenko D. L. [In Russian]

- Morkovkin, V. V. (Ed.) (1997). *A Dictionary of Russian Structural Words*. Lazur. [In Russian]
- RNC. (n.d.). Collocations in the function of prepositions. *Russian National Corpus*. <http://ruscorpora.ru/new/obgrams-PR.html> [In Russian]
- Popova, Z. D. (2014). *Prepositional Case Forms and Phrases with Derivative Prepositions in Russian Utterances (syntactic relations and functions)*. Izdatelstvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. [In Russian]
- Solonitskiy, A. V. (2003). *Problems of Semantics of Russian Non-Derivative Prepositions*. Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta. [In Russian]
- Cherkasova, E. T. (1967). *Transformation of Autonomous Words to Prepositions*. Nauka. [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar: in 2 vols*. Nauka. [In Russian]
- Shiganova, G. A. (2003). *Russian Relative Collocations*. Izdatelstvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [In Russian]
- Brinton, L., & Traugott, E. (2005). *Lexicalization and Language Change*. Cambridge University Press.
- Hopper, P., & Traugott, E. (2003). *Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge University Press.
- Traugott, E. (2003). Constructions in grammaticalization. In B. D. Joseph, R. D. Janda (Eds.), *The Handbook of Historical Linguistics* (pp. 624–647). Blackwell.

Информация об авторе

Екатерина Николаевна Виноградова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ekaterinavin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7020-9289>,
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAU-3995-2021>,
<http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56450369300>

Information about the author

Ekaterina N. Vinogradova, Cand. Sci. (Philol.), Associate professor, Department of the Russian Language for Foreign Students of the Humanities Faculties, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ekaterinavin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7020-9289>,
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAU-3995-2021>,
<http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56450369300>

Неизменяемые прилагательные в русском языке первой половины XVIII в.*

Георгий Анатольевич Мольков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: georgiy.molkov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории формирования категории неизменяемых прилагательных в русском языке. Их появление и употребление в XVIII в. остается неисследованным эпизодом в истории адекативных форм: традиционно первые примеры неизменяемых прилагательных относят только к концу XVIII в. Настоящее исследование основано на выборках материала из разножанровых рукописных источников данного периода и с помощью описательного и сравнительно-исторического методов впервые анализирует специфику неизменяемых прилагательных на раннем этапе их функционирования в русском языке. По наблюдениям автора, в течение первой половины XVIII в. происходит заимствование из европейских языков целого ряда терминсистем и их частей, в которых существенную роль играют несклоняемые атрибутивы; они употребляются в сочинениях по математике, военному делу (фортификации) и кораблестроению. В исследовании предложена попытка систематизации ранних примеров неизменяемых форм и общая оценка их вклада в процесс становления новой морфологической категории в языке. Отличительной чертой этого этапа можно считать нежизнеспособность большей части встречающихся в текстах неизменяемых форм, вышедших из употребления к середине XVIII в., когда начался процесс нормализации языка с позиций языкового пуризма.

Ключевые слова: историческая грамматика, терминология, неизменяемые прилагательные, русский язык XVIII века, Петровская эпоха

Цитирование: Мольков Г. А. 2024. Неизменяемые прилагательные в русском языке первой половины XVIII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 30–38. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-30-38>

Поступила 11.11.2023; одобрена 27.05.2024; принята 01.07.2024

* Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

Indeclinable adjectives in the Russian language of the early 18th century

Georgiy A. Molkov✉

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: georgiy.molkov@gmail.com✉

Abstract. This article looks into the history of forming the category of indeclinable adjectives in the Russian language. Contrary to the insufficient existing research literature, the starting point of this process should be the Petrine era (early 18th c.) — a period of active translation activity. This research aims to fill in this lacuna, since traditionally, the first examples of indeclinable adjectives date back as far as to the end of the 18th c. The *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century* provides some insight on the functioning of these forms throughout the century, although it describes the forms of our interest fragmentarily and not entirely consistently. The results show that, during the first half of the 18th c., a number of terminological systems and their parts were borrowed from European languages, in which indeclinable attributes play a significant role; these terminological systems are used in essays on mathematics, military affairs (fortification), and shipbuilding. The study systematizes the material of indeclinable forms and assesses their contribution towards the process of forming a new morphological category in the Russian language. A distinctive feature of this stage is the non-viability of most indeclinable forms found in texts, which fell out of use by the middle of the 18th c., when the process of normalization of the language began from the standpoint of linguistic purism.

Keywords: historical grammar, terminology, indeclinable adjectives, 18th c. language, Petrine era

Citation: Molkov, G. A. (2024). Indeclinable adjectives in the Russian language of the early 18th century. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 30–38. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-30-38>

Received Nov. 11, 2023; Reviewed May 27, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

В специальных работах, посвященных развитию категории неизменяемых прилагательных в русском языке, XVIII век незаслуженно остается в стороне — точкой отсчета считается самый конец века [Молотков, 1960, с. 69; Бондаревский, 2000, с. 10]. При этом некоторые исследователи относят зарождение категории в русском языке к еще более позднему времени, связывая его с общим усилением аналитизма под влиянием западноевропейских языков,

которое начало «проявляться особенно во второй половине XIX в.» [Бранднер, 2001, с. 107]. В недавней статье А. А. Горбова отсчет ведется более конкретно — от группы цветообозначений, проникших в неадаптированной форме в основном из французского языка в конце XVIII — начале XIX в.; автор отмечает, что изначальный список неизменяемых атрибутивов в русском языке в это время «включал в себя лишь несколько цветообозначений» [Горбов, 2016, с. 134]. Действительно, как отмечала еще Л. М. Грановская в работе 1964 г., «особый интерес представляет группа заимствованных в качестве цветообозначений несклоняемых слов: *кашу* (табачный цвет); *массака* (темно-красный цвет, иссиня-малиновый. — Даль, т. II); *мердуа* (желто-зеленый с коричневатым отливом)»; цвет *мердуа*, «значащий гусиный кал, составляет смесь из желтой, зеленой и черной краски» („Сл. коммерческ.“, ч. 2); *мордоре* (темно-коричневый с металлическим отливом); *помпадур* (розовый; в перечне оттенков красного по степени ослабления густоты и яркости тона краска помпадур располагается вслед за розовой); *шамуа* (франц. *chamois*, букв. ‘серна’; очевидно, обозначало цвет, близкий по оттенку к телесному)» [Грановская, 1964, с. 380].

Последняя четверть XVIII в. — время активного развития лексики цветообозначения в русском языке, путем заимствования «в областях, связанных с производством красок и красящих веществ, а также в описательной ботанике, химии, минералогии» [Грановская, 1964, с. 372] — отраслях, где требовалось большое количество терминов для передачи оттенков цвета.

Вместе с тем хорошо известно, что еще более интенсивные заимствования в целом ряде базовых отраслей знания происходили в правление Петра I. Таким образом, ситуация, благоприятная для проникновения в русский язык иноязычных атрибутивов, сложилась уже в начале XVIII в. Исследователи, изучавшие заимствованную лексику этого периода, отмечали следующее:

«Контексты XVIII в. демонстрируют весьма широкое употребление неадаптированных форм прилагательных в западно-европейском или классическом (преимущественно лат.) оформлении, в функции атрибутивной и в качестве предиката» [Биржакова и др., 1972, с. 237].

Наибольшее внимание категории неизменяемых прилагательных уделялось авторами упомянутого исследования в ходе составления картотеки лексики XVIII в. и дальнейшей публикации полного словаря этого периода. В течение всего века данное явление продолжает оставаться вне поля зрения грамматик и словарей русского языка — их наличие начинает признаваться только в XIX в. [Бранднер, 2001, с. 108]. По этой причине наиболее полное представление о зарождении нового класса слов в русском языке можно получить по словнику словаря [Кутина, Сорокин, 1984–2019 (далее — СЛРЯ XVIII)].

В этой ситуации есть несколько недостатков, затрудняющих оценку интересующего нас материала:

- отсутствие электронного издания данного словаря, позволяющего произвести автоматический дифференцированный поиск всей необходимой лексики, включенной в словарь¹;

¹ Отчасти этот пробел компенсирован благодаря недавнему размещению текстовой версии словаря на официальном сайте издания: <https://xviii.iling.spb.ru/>.

- не вполне упорядоченная и однообразная подача такого материала в словаре: опубликованные на сегодня 22 выпуска выходили в течение почти 40 лет, в проекте участвовало большое количество авторов, не все из них оформляли материал по неизменяемым прилагательным однотипно.

Результаты и обсуждение

Материалы «Словаря русского языка XVIII века»

Всего в вышедших выпусках нам удалось выявить около 40 лексем, которые по лексикографическому описанию можно отнести к неизменяемым прилагательным. В большинстве случаев они отмечены соответствующей пометой *неизм. прил.*, например, «**БУРЛЕСК** 1778 (бюр- 1788), а, м. и *неизм. прил.* Ит. burlesco, через фр. burlesque» [II, с. 170]¹; «**ГАЛАНТ**², *неизм. прил.* Фр. galant» [V, с. 83]; «**ИЗОСЦЕЛЬ** 1764, *неизм. прил.* Лат. isosceles, фр. isoscele» [IX, с. 9]; «**КОМИК** 1771, *неизм. прил.* гр. κωμικός, лат. comicus, непосредр. и через фр. comique» [X, с. 120]; «**ОПТИК** 1727, *неизм. прил.* Н.-лат. opticus, непосредр. и через фр. optique, нем. optisch» [XVII, с. 51]; «**ПИКАН** 1796, *неизм. прил.* От фр. piquant» [XIX, с. 203] и др. Неизменяемость может быть показана отсутствием формы род. п.: «**АТТИК**, м., **АТТИКА**, ж. *прил.*» [I, с. 114]. Прилагательное может быть включено в устойчивые сочетания разных типов — идиоматику: «~ < **Аврора бореальная** [**бореалис**] (ср. лат. Aurora Borealis)» [I, с. 18]; или фразеологически связанные выражения: «**ДЕКАРЕ** 1715, *неизм.* ♦ Б а т а л и о н д е к а р е. Воинское соединение, построенное в каре (ср. фр. decarre)» [VI, с. 79]; «**МОКА** 1795, *неизм. прил.* ♦ К о ф е м. Фр. café moка» [XII, с. 248] и др.

В некоторых случаях используются дополнительные лексикографические приемы. В отличие от *кофе мока*, сочетание *латук салат* оформлено как употребление при значении — за вертикальной чертой, с указанием его функции: «| В функции *неизм. прилож.* Л. с а л а т. Изруби не много латук салату. Сл. пов. IV 286» [XI, с. 127]. Неизменяемая форма *дежур* также оформлена как употребление, но с комментарием другого типа: «| Д е ж у р (в пост- и препозиции к имени, обычно через дефис). Быть маеором-дежур. ПБП VIII 346» [VI, с. 70]. Ряд таких устойчивых словосочетаний и вовсе представлен в словаре как сложносоставные слова: «< **ЛАТЕРНА-МАГИКА** кон. XVIII в., *неизм.* Лат. laternamagica. Оптический прибор, дающий увеличенное изображение предмета на экране; волшебный фонарь» [XI, с. 125]; «< **ПАРАЛЛЕЛЬ-ЛИНИЯ** (-але- 1741), и, ж. *Параллельная линия.* ♦ В п а р а л е л ь - л и н и ю. Машина черенковая, розовая, которая вообразает в параллель-линию фигуры. МАН IV 586» [XVIII, с. 206].

Как видно из приведенных примеров, неизменяемые формы не ограничены цветообозначениями, а их первые фиксации в языке распределены по всему веку. Тем не менее первая половина XVIII в. представляет в истории неизменяемых прилагательных особый интерес ввиду интенсивного характера заимствований, в том числе заимствования

¹ Здесь и далее при ссылках на Словарь русского языка XVIII века мы обозначаем только номер выпуска и страницы.

целых терминосистем в разных отраслях знания. Работа с новыми источниками этого времени показывает, что именно в первой половине XVIII в. происходит первый в истории русского языка наплыв неадаптированных прилагательных из европейских языков, который до сих пор не подвергался специальному описанию и не рассматривался в работах, посвященных истории прилагательных. Отличительной чертой этого этапа является нежизнеспособность большей части встречающихся в текстах неизменяемых форм, существовавших в языке ограниченное время. В середине XVIII в., когда начался процесс нормализации языка с позиций языкового пуризма [Живов, 1996, с. 265–368] и «создания стилистически дифференцированного языка художественной литературы» [Алексеев, 2013, с. 68], плохо адаптированные заимствования не прошли проведенный в ходе этой нормализации лексический отбор, в терминосистемах их заменили соответствия на основе славянских корней и основ. По этой причине более поздние кулинарные заимствования *соус пикан*, *салат латук*, *кофе мокко* или *опера бурлеск* сохранились по сей день, а терминообозначения *майор дежур* или *угол obtus* вышли из употребления.

Анализ рукописных источников

Об активности неизменяемых прилагательных в петровскую эпоху и следующее десятилетие говорит разнообразие типов неизменяемых атрибутивов, связанное с различием источников заимствования, тематики текстов, предпочтениями отдельных авторов и переводчиков. Отчасти об этом дают представление приведенные выше примеры разнотипной подачи таких слов в [СЛРЯ XVIII]. Исследованные в последние годы новые рукописные и печатные источники существенно дополняют ранее известные материалы картотеки словаря. Они показывают, что неизменяемые формы в отдельных отраслях знания использовались для образования целых терминосистем или их частей. Это наиболее характерно для некоторых дисциплин в рамках военной сферы.

Нам удалось обнаружить большое количество таких форм в сочинениях по фортификации, часть терминологии которой тесно связана с геометрией. В переводе немецкого трактата по фортификационному делу архитектора и инженера А.-Г. Бёклера под названием «Ручная книга ѿ фортіфікаціи и крѣпостном строеніи... лѣта 1689», известном на сегодняшний день в единственном списке БАН из Библиотеки Петра I, № 17, начала XVIII в., употребляются атрибутивы *ректусъ* и *циркумференцион*:

«правило перво^оманеры: ра^ддли надвое наиденои уголь *цѣркумференцио*». кѣполовинъ его во всяко^о ра^д сложи 20. градус» [Ручная книга ѿ фортіфікаціи..., БАН, П. I. Б. 17, л. 29 об.]; «продолженіе фланки ГС. найтитъ правило: весь сѣнусъ даетъ фасовую лінею НС, что да-етъ сѣнусъ *ректусъ* угла ГНС и придетъ лі не апроделжено^о фланки ГС» [Ручная книга ѿ фортіфікаціи..., БАН, П. I. Б. 17, л. 34].

Намного активнее пользуется неизменяемыми прилагательными в своих пособиях по геометрии и фортификации А. Ганнибал, составивший в 1725–1726 гг. компилятивное пособие по данным дисциплинам по итогам своего обучения во Франции. Суммарно в его сочинениях встретилось около 70 таких обозначений, что по объему примерно соответствует употреблению XX в., зафиксированному в академической грамматике [Шведова, 1980, с. 556]. А. Ганнибал обозначает с помощью таких форм разновидности

углов (*обтю* 'тупой', *эю* 'острый', *рантран* 'внутренний'), линий (*курб* 'кривая', *микст* 'смешанного типа'), типы бастионов и батарей (*крюкс* 'пустой', *плен* 'полный', *ентерре* 'врытый'), флангов (*дрои* 'прямой', *облик* 'непрямой'), траншей, амбразур, крепостных стен и других сооружений¹.

Еще одна близкая отрасль — военно-морская терминология. Неизменяемые формы используются в первой половине XVIII в. в сфере морской тактики — в пособии по корабельным эволюциям С. И. Мордвинова, которое он написал в 1730-х гг.ⁱⁱ, основываясь во многом на французском учебнике Поля Госта. В частности, последовательно неизменяемые формы он использует в названии «ордеров» — базовых порядков построения флота, выделяя, вслед за Гостом, *ордрь де батали*, *ордрь де маршь*, *ордрь де ретреть*, *ордрь де канвой*, *ордрь де гардь* и *ордрь де пасажъ*: *об ордере де маршь* [Книга о учреждении флота..., БАН, 16.12.16, л. 18]. Еще более ранние примеры в большом количестве содержит кораблестроительная сфера. В нее входили в том числе многочисленные названия мелких частей корабельного рангоута и такелажа, не имевших исконных названий в русском языке и по этой причине активно заимствовавшихся при создании российского флота в конце XVII — начале XVIII в. из итальянского, голландского, английского языков, в которых уже существовали подобные развернутые терминосистемы. В качестве примера можно привести термины из рукописи 1697 г. «Переводы описания карабельных всяких снастей, машин, веревок, блоков, якорей и какими оные звания именуются». В частности, среди разновидностей блоков упоминаются как *единачие*, *двоинные блоки*, так и *платте блоки*, *гrootемарсеиккооте блоки*, *гrootегейтоу блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 3 об.], *катте блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 4 об.], *вокебулеинъ блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 7], *шидевалъ блокъ* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 7 об.], *киннебаъъ блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 10] и др.

Такие обозначения приближаются к сложносоставным существительным, но тем не менее переводчик, несомненно, понимал, что в голландском оригинале обозначения типа *гrootе* или *платте* являются прилагательными, и в некоторых случаях дает параллельный русский поясняющий перевод: *платте или плоскіе блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 7 об.], или переводит одно и то же название двумя способами в разных частях списка: *гrootе марсеиккооте блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 3 об.], но *болшіе марсеикоте блоки* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 17]. В названиях реев встретились также попытки словообразовательно и морфологически адаптировать заимствованную основу: *к безансъ раинъ* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 9 об.] — *безанская раина* [Переводы описания..., РГАДА, ф. 181, оп. 2, № 265, л. 61 об.].

ⁱ Подробное описание терминосистемы А. П. Ганнибала см. в работе: [Мольков, 2020].

ⁱⁱ Сочинение под заголовком «Книга о учреждении флота или об экзерциции флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи учреждаются» сохранилось в рукописи БАН, основное собр., 16.12.16. Атрибуция этого анонимного сочинения С. И. Мордвинову проведена в работе: [Вознесенская, 2020].

Заключение

На примере рассмотренных текстов видно, что по происхождению неизменяемые формы в русских сочинениях могут быть разных типов:

1. Являются транслитерацией иноязычных прилагательных: *фортификация офансивъ, уголь цѣркумференцион, линия курбъ, линия пролонже, треугольникъ изосцель, триангуль ректангуль, суперфиция конвекс, грооте блоки, платте блоки, безансъ раина, гроте раина, блинде раина, богъ и гаѣттоу* и др.
2. Транслитерируют сочетания с предлогом: *линея де апроишь, маиоръ дежуръ, ордеръ демаршиъ, батареи енѣшарпъ и енѣшладе, анкеръинтъ реимъ, майор дежур, баталион декаре* и др. В том числе к данному разряду относятся латинские атрибутивы в специфической сфере — названий книжного формата, сохранившиеся в терминологии архивного дела до наших дней: *Часословець малый инъ-октаво*. ПСП V 222 (1725 г.)¹; *Вѣдомость, что по описи явилось... въ библиотекъ книг... ин-фолио*. МАН V 152 (1742 г.).
3. Сохраняют флексию оригинала (латинизмы): *уголь ректусъ, геометрия практика, антлия пневматика, Аврора бореалис, линея диагоналис, треугольник изосцелес, дефенсива сиречь оборонителная фортификація* и т. п.

Последний разряд только потенциально является неизменяемыми формами, т. к. встречается в текстах в основном в позиции именительного или винительного падежей един. числа. В связи с этим их квалификация как неизменяемых в [СЛРЯ XVIII] может быть поставлена под сомнение: есть примеры, в которых такие латинизмы имеют формы словоизменения, хотя и специфические: *Углы же въ фігуръ интерні, ілі внутренняя насываются* Геом. 1709 25 (при переводе сохраняются латинские падежные окончания, в том числе у прилагательных).

Обнаруженные нами неизменяемые прилагательные употреблялись в целом ряде терминосистем первой половины XVIII в. Узкоспециальный характер сферы употребления этой лексики не позволил проникнуть новой морфологической категории в русский язык в целом, однако этот прецедент показывает, что зарождение столь активной в современном языке группы прилагательных произошло фактически одновременно с появлением литературного языка нового типа, и только в силу социокультурных обстоятельств ее развитие задержалось почти на столетие.

Список источников

Алексеев А. А. 2013. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 476 с.

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. А. 1972. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука. 432 с.

¹ Сокращения источников XVIII в. см. в списках шифров: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984; «Дополнения к указателю источников» в нечетных выпусках СЛРЯ XVIII.

- Бондаревский Д. В. 2000. Категория неизменяемых прилагательных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 152 с.
- Бранднер А. 2001. Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения в современном русском языке // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. A, Řadajazykovědná = Linguistica Brunensia*. Vol. 50. Iss. A49. Pp. 107–118.
- Вознесенская И. А. 2020. «Книга об учреждении флота» в рукописи БАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: мат. XXXIII Междунар. науч. конф. Москва, 2020 г. М.: ИВИ РАН. С. 97–100.
- Горбов А. А. 2016. Аналитические прилагательные в русском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 40. Pp. 133–152.
- Грановская Л. М. 1964. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII — начале XIX века // *Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху*. М.: Наука. С. 371–384.
- Живов В. М. 1996. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки славянской культуры». 591 с.
- Книга о учреждении флота или об эксерцици флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи учреждаются [1730-е гг.]. [Рукопись] // Библиотека Российской академии наук (БАН). 16.12.16.
- Кутина Л. Л., Сорокин Ю. С. (ред.). 1984–2019. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб. (СЛРЯ XVIII).
- Молотков А. И. 1960. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // *Вопросы языкознания*. № 6. С. 68–73.
- Мольков Г. А. 2020. Заимствования в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): к истории неизменяемых прилагательных в русском языке // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М.: ИРЯ РАН. С. 198–208.
- Переводы описания карабельных всяких снастей, машин, веревок, блоков, якорей и какими оные звания именуются [1697 г.]. [Рукопись] // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 181. Оп. 2. № 265.
- Ручная книга о фортификации и крепостном строении... на свѣтъ приведена чрез георгіа андреа беклера, архитектора и инженеръ во франкфуртъ... лѣта 1689 [Рукопись] // БАН. П. I. Б. 17.
- Шведова Н. Ю. (ред.) 1980. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука. 783 с.

References

- Alekseyev, A. A. (2013). *Essays and sketches on the history of standard language in Russia*. St. Petersburg Linguistic Society. [In Russian]
- Birzhakova, E. E., Voynova, L. A., & Kutina, L. L. (1972). *Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language of the 18th c. Language Contacts and Borrowings*. Nauka. [In Russian]
- Bondarevskiy, D. V. (2000). *Category of Indeclinable Adjectives in Modern Russian Language* [Cand. Sci. (Phylol.) dissertation, Rostov State University]. [In Russian]
- Brandner, A. (2001). Indeclinable adjectives of foreign origin in modern Russian. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. A, Řadajazykovědná = Linguistica Brunensia*, 50(A49), 107–118. [In Russian]

- Voznesenskaya, I. A. (2020). “Kniga ob uchrezhdenii flota” in the RASL manuscript. In *Proceedings of the 33rd International Research Conference “Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii”* (pp. 97–100). [In Russian]
- Gorbov, A. A. (2016). “Analytic adjectives”: are they all adjectives, and are they really analytic? *Russian Linguistics*, 40, 133–152. [In Russian]
- Granovskaya, L. M. (1964). Notes on the assimilation of foreign language color terms in the 18th–early 19th c. In *Obrazovaniye novoy stilistiki russkogo yazyka v pushkinskuyu epokhu* (pp. 371–384). [In Russian]
- Zhivov, V. M. (1996). *Language and Culture in Russia in the 18th century*. Yazyki slavyanskoj kultury. [In Russian]
- The book on the establishment of the fleet or on the exercy of the fleet at sea, by which regulations all military fleets both at sea and on the roads are established on all occasions* (1730s). [Manuscript]. Library of the Russian Academy of Sciences. 16.12.16. [In Russian]
- Kutina, L. L., & Sorokin, Yu. S. (Eds.). (1984–2019). *Dictionary of the Russian Language of the 18th century*. Vols. 1–22. Nauka. [In Russian]
- Molotkov, A. I. (1960). Is there a category of unchangeable adjectives in the Russian language? *Voprosy yazykoznanija*, 6, 68–73. [In Russian]
- Molkov, G. A. (2020). Borrowings in the treatises of A. P. Gannibal on geometry and fortification (1725–1726): towards a history of indeclinable adjectives in Russian. In *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*. Vol. 23. *Grammatical Processes and Systems in Diachrony*. In Memory of A. A. Zaliznyak (pp. 198–208). Institute of Russian Language. [In Russian]
- Translations of the description of all sorts of gear, machinery, ropes, blocks, anchors, and what these titles are called* (1697). [Manuscript]. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) (F. 181, op. 2, no. 265). [In Russian]
- Handwritten book on fortification and fortress construction... brought to light by George Andrea Beckler. architect and engineer in Frankfurt...* (1689). [Manuscript]. Library of the Russian Academy of Sciences (BAS) (P. I, b. 17). [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar*. Vol. 1: *Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word Formation. Morphology*. Nauka. [In Russian]

Информация об авторе

Георгий Анатольевич Мольков, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской исторической лексикологии и лексикографии, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
 georgiymolkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6165-2040>,
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAH-5103-2021>

Information about the author

Georgiy A. Molkov, Dr. Sci. (Philol.), Leading Researcher, Department of Russian Historical Lexicology and Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
 georgiymolkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6165-2040>,
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAH-5103-2021>

Активные деривационные процессы в сфере универбации в научном и медийном дискурсе*

Анна Валерьевна Батулина

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
Контакт для переписки: b.av@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты разноаспектного исследования продуктивных типов универбации в научном и медийном дискурсе. Анализируя различные точки зрения на явление универбации, автор обосновывает понимание универбации как процесса образования однословной номинации на базе устойчивого словосочетания либо сочетания с примыкающим аналит-прилагательным, при котором формальным представителем мотивирующего становится атрибутивный или субстантивный компонент, несущий основную семантическую нагрузку. Отмечается, что семантической целостностью при универбации может обладать как мотивирующее словосочетание в целом, так и одно из входящих в производящую базу словосочетаний. На основе анализа контекстов употребления универбов в СМИ, интернет-коммуникации и научной речи описаны словообразовательная структура неологических универбов, модели мотивирующих словосочетаний, продуктивные форманты. Выявлена тенденция к увеличению продуктивности в анализируемых типах дискурса универбации с нулевой суффиксацией и универбации с суффиксальными формантами, лишенными стилистической маркированности. В результате количественного анализа употребления неологических универбов показано, что в медийной речи в группе эквивалентных в смысловом отношении суффиксальных и образованных посредством нулевой суффиксации универбов-кодериватов последние имеют конкурентное преимущество. Сделан вывод о наличии двух структурных разновидностей универбов: однокомпонентных и двукомпонентных образований. Отмечено расширение дискурсивного потенциала универбации.

Ключевые слова: универбация, универб, словообразование, структурный тип, научный дискурс, медиадискурс, русский язык

---

* Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября 2023 г., Тюмень, Россия).

Цитирование: Батулина А. В. 2024. Активные деривационные процессы в сфере универбации в научном и медийном дискурсе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. Том 10. № 3 (39). С. 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-39-52>

Поступила 01.11.2023; одобрена 27.05.2024; принята 01.07.2024

Active derivational processes in the field of univertation in scientific and media discourse

Anna V. Batulina ✉

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Corresponding author: b.av@bk.ru ✉

Abstract. This article presents the results of a multidimensional analysis of productive types of univertation in scientific and media discourse. Analyzing various perspectives on the univertation phenomenon, the author explains univertation as a process of forming a one-word nomination based on a stable phrase or combination with an adjacent analyte adjective, in which an attributive or substantive component bearing the main semantic load becomes the formal representative of the motivating one. Both the motivating phrase as a whole and one of the phrases included in the generating database can have semantic integrity in the univertation. Based on the quantitative analysis of the use of neological univerbs, the results show that in media speech, in a group of meaningfully equivalent suffixal and coderivate univerbs formed by zero suffixation, there is a gradual withdrawal from the use of derivatives with a materially pronounced suffix. Having analyzed contexts of using univerbs in the media, Internet communication, and academic speech, the authos has described the word-formation structure of neological univerbs, models of motivating phrases, and productive formants. The tendency to increase productivity in the analyzed types of discourse of the univerbs with a zero suffix is revealed.

Keywords: univertation, univerbs, word formation, structural type, academic discourse, media discourse, Russian language

Citation: Batulina, A. V. (2024). Active derivational processes in the field of univertation in scientific and media discourse. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-39-52>

Received Nov. 1, 2023; Reviewed May 27, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

Сферой бытования универбов традиционно считается бытовой дискурс, неофициальное профессиональное общение. Однако, как неоднократно отмечалось в исследованиях универбации в функциональном аспекте, многие высокочастотные универбы утрачивают разговорную стилистическую окраску и становятся практически единственными названиями соответствующих понятий, могут терминологизироваться: *открытка, путёвка, пятилетка, винтовка, взрывчатка* [Виноградова, 2012, с. 77]. Наблюдающееся в языке последних десятилетий проникновение универбов в медийную и научную речь связано также с тенденцией к «специализации словообразовательных моделей... по тем или иным сферам языка» [Крысин, 2003, с. 88].

Объектом нашего внимания в настоящей статье стали структурные и функциональные трансформации словообразовательных типов универбации, обусловленные активизацией употребления универбов в научном и медийном дискурсе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили контексты Газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), тексты современного научного и медийного дискурса, записи устной речи, новейшие толковые словари — Большой толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова [1998] (далее — БТС), Словарь модных слов В. И. Новикова [2019] (далее — СМС), Толковый словарь русского языка начала XXI века под редакцией Г. Н. Складчиковой [2008] (далее — ТСРЯ), Толковый словообразовательный словарь русского языка И. А. Ширшова [2004] (далее — ТССРЯ). В рассмотрение включались также образованные способом универбации окказионализмы, индивидуально-авторские образования.

При анализе материала использовались общенаучные методы: описание, наблюдение, сравнение, систематизация, количественное сопоставление; собственно лингвистические: метод компонентного анализа, моделирования производящей основы, словообразовательный анализ, методика прагматистического, контекстуального анализа.

Обзор литературы

Производные существительные, мотивированные атрибутивно-субстантивными устойчивыми словосочетаниями, в академических грамматиках русского языка рассматриваются как отадеквативные суффиксальные производные [Виноградов, 1952, с. 246–247; Шведова, 1970, с. 146; Шведова, 1980, с. 226]. В грамматике В. В. Виноградова отмечается, что «суффикс *-к(а)* образует от основ имен прилагательных слова, являющиеся лексическими эквивалентами словосочетания из прилагательного и из определяемого этим прилагательным существительного. Например: *открытка, вечерка* (вечерняя газета) ... *агитка* (агитационное произведение) ... » [Виноградов, 1972, с. 117].

В РГ-80 к существительным, семантически мотивированным словосочетаниями, помимо существительных женского рода, относятся существительные *pluralia tantum*

и существительные мужского рода: «а) *микropopистая резина* — *микropop* ‘подметка из микropopистой резины’ (нов.), б) *Курильские острова* — *Курилы*» [Шведова, 1980, с. 226]; «*гуманитар* ‘специалист гуманитарного профиля’ (разг.) ... *огнеупор* ‘огнеупорный материал’» [Шведова, 1980, с. 225].

Самое распространенное определение универбации как особого способа словообразования восходит к дефиниции Е. А. Земской: «образование существительных... от основ прилагательных на базе сочетаний „прилагательное + существительное“, являющихся семантической конденсацией последних ... „Вечерняя Москва“ — „Вечерка“... „попутная машина“ — „попутка“» [Земская, 1981, с. 120].

Важным для понимания деривационного механизма универбации представляется наблюдение Е. А. Земской об универбатах, в которых отсутствует материально выраженный суффикс: производные данного типа «не связаны семантически с каким-либо определенным сочетанием, обозначая „отвлеченный признак“ или „нечто, наделенное признаком“ (лицо или предмет) ... *банальный* — *банал*, *тривиальный* — *тривиал*, *примитивный* — *примитив*, *интимный* — *интим* и т. п.» [Земская, 1981, с. 126].

Е. А. Земская, ссылаясь на наблюдения В. В. Виноградова, указывает на близость таких слов к суффиксальным существительным [Земская, 1981, с. 126].

Г. П. Нецименко также отмечает сходную природу универбации и суффиксации, обусловленную использованием при обоих способах словообразования «идентичной словопроизводственной схемы», а также возможностью соотнесения производных как с мульти-, так и с однокорневыми производящими: «русское *страховка* может интерпретироваться и как универб (по отношению к *страховой полис*), и как суффиксальный дериват, соотносимый со *страховать*» [Нецименко, 2010, с. 126]. Различие между универбацией и суффиксацией, по мнению Г. П. Нецименко, состоит в том, что «у универбов... словопроизводственная взаимосвязь с исходным мультивербом отмечается в одном и том же временном пространстве... что наглядно подтверждается контекстом; ср. русск. *бивалютка* и *бивалютная корзина*» [Нецименко, 2010, с. 126], в то время как «у „классических“ суффиксальных производных процедура свертывания как бы скрыта от глаз, относится к диахронии, ее фазы разведены во времени... ср. русск. *учитель* = *тот, кто учит*; *певец* = *тот, кто поет*» [Нецименко, 2010, с. 127].

Следует отметить, что вопрос о структурных разновидностях универбов и их производящей базы по-прежнему является дискуссионным. В современных исследованиях по словообразованию помимо «классической» двухкомпонентной модели мотивирующего словосочетания «прилагательное/причастие + существительное» в качестве производящей базы (далее — ПЩБ) универба рассматриваются многокомпонентные модели словосочетаний различной структуры, включающие не только атрибутивные, но и субстантивные, согласно наиболее радикальному представлению, — глагольные мотивирующие, например: *суворовка* «денежный знак с изображением А. В. Суворова» [Осипова, 2000, с. 196], *ужастик* «фильм ужасов» [Циньсян, 2019, с. 77], *жюристь* «работать в жюри» [Маркова, 2023, с. 65]. Как можно заметить, в структуре приведенных мотивирующих словосочетаний зависимый субстантивный или глагольный компонент, основа которого становится материальной базой универба, так же, как и адъективный

компонент в субстантивно-адъективных словосочетаниях, несет основную смысловую нагрузку (субстантивный — выполняет атрибутивную функцию).

На наш взгляд, приведенные уточнения к «узкому» определению универбации являются справедливыми, однако представляется необходимым расширить круг производящих для универбов, включив в него аналит-прилагательные [Батулина, 2022, с. 9]. Таким образом, в настоящей работе под универбацией понимается процесс образования однословной номинации на базе устойчивого словосочетания или сочетания с примыкающим аналит-прилагательным, при котором формальным представителем ПЩБ универба становится один из компонентов словосочетания, несущий основную семантическую нагрузку (атрибутивный или субстантивный): *бюджетная форма обучения* → *бюджет*, *день рождения* → *днюха*, *флэш-карта* → *флешка*, *криптовалюта* → *крипта*.

Семантической целостностью при универбации может обладать как мотивирующее словосочетание в целом, так и одно из входящих в производящую базу словосочетаний. На эту особенность универбации указывали, в частности, О. П. Ермакова, В. Н. Виноградова: «слово *временка* ... в настоящее время ... применяется к любой реалии, которую говорящий оценивает как временную: к городу, человеку, общественному явлению и т. д.» [Ермакова, 2008, с. 46]; «образования на *-ка* от числительных ... в зависимости от ситуации могут обозначать любой предмет, каким-нибудь образом связанный с соответствующей цифрой ... (трамвая, автобуса, столовой, орудия, самолета и их видов и т. п.)» [Виноградова, 2012, с. 74].

В сфере неологической универбации в качестве целостной единицы номинации функционируют мотивирующие универбов — составные термины, номенклатурные знаки, имена собственные: *обязательное страхование автогражданской ответственности* → *автогражданка*, *Высшая школа экономики* → *Вышка*, *Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет* → *Педиатричка*. В расчлененных словосочетаниях — производящих универбов, относящихся к группе нетерминологических наименований лиц и предметов, целостным значением обладают лишь словосочетания, называющие ономазиологический признак производного существительного (род профессиональных занятий, сферу деятельности человека, видовую характеристику предмета и др.): *бюджетник* «разг. работник учреждения, находящегося на бюджетном финансировании» [ТСРЯ, 2008, с. 503], *силовик* «спортсмен или артист цирка, занимающийся силовыми видами спорта ...» [ТСРЯ, 2008, с. 912], *повременка* «система повременной оплаты телефонных разговоров» [ТСРЯ, 2008, с. 739].

Результаты и обсуждение

По нашим наблюдениям, в медийной речи в сфере неологических универбов наблюдается конкуренция универбации с нулевой суффиксацией с «традиционной» суффиксальной универбацией, в ряде случаев приводящая к постепенному вытеснению последней [Батулина, 2022]. Так, *корпоратив* [БТС], *интенсив* «интенсивный курс занятий», *экслюзив* «экслюзивный материал, эксклюзивная продукция» [ТСРЯ, 2008, с. 1089], *академ* «академический отпуск», *криминал* «уголовное преступление, уголовное дело» [ТСРЯ, 2008, с. 516], *акциз* «акцизная марка», *виртуал* «виртуальный мир интернета,

киберпространство» [ТСРЯ, 2008, с. 204], *позитив* «позитивный, положительный результат каких-либо действий; положительное начало» [ТСРЯ, 2008, с. 741], *парфюм* «духи, парфюмерная продукция» [ТСРЯ, 2008, с. 717] заменили свои суффиксальные кодериваты *корпоративка* «корпоративный праздник, вечеринка для сотрудников корпорации» [ТСРЯ, 2008, с. 503], *интенсивка* [Циньсян, 2019, с. 189], *экссклюзивка* [Циньсян, 2019, с. 224], *академичка* [Циньсян, 2019, с. 170], *криминалка* [Циньсян, 2019, с. 195], *акцизка* [ТСРЯ, 2008, с. 54], *виртуалка* [Циньсян, 2019, с. 177], *позитивка* [Циньсян, 2019, с. 211], *парфюмка* [Дозорова, 2015, с. 393]. По данным Газетного корпуса НКРЯ, неологические универбы мужского рода с нулевым суффиксом обладают явно выраженным численным превосходством над своими семантическими эквивалентами с суффиксом *-к(а)* даже в тех случаях, когда они появились в языке значительно позже. Так, *нормативка* имеет 20 вхождений в 20 текстах (с 2002 по 2021 г.), а *норматив* — 16 130 вхождений в 10 531 тексте (с 2012 по 2021 г.). В тех случаях, когда кодериваты возникают одновременно, также наблюдается преобладание универбов мужского рода: *корпоратив* — 2 032 вхождения в 1 162 текстах (с 2005 по 2021 г.), *корпоративка* — 33 вхождения в 24 текстах (с 2002 по 2008 г.), *пуховик* — 782 вхождения в 575 текстах (с 1992 по 2020 г.), *пуховка* «зимняя верхняя одежда» — 7 вхождений в 6 текстах (с 1992 по 2019 г.), *экссклюзив* — 1 365 вхождений в 1 202 текстах (с 1993 по 2021 г.). *Экссклюзивка* в НКРЯ не зафиксирована, однако в поисковой системе Google запрос *экссклюзивка* дает 25 600 результатов (*экссклюзив* — 48 900 000).

Следует отметить, что некоторые суффиксальные универбы обладают дискурсивной закрепленностью: так, универб *нал* в Газетном подкорпусе представлен 749 вхождениями в 623 текстах, его суффиксальный аналог *наличка* — 419 вхождениями в 377 текстах, в подкорпусе Социальные сети, напротив, преобладает *наличка* (*нал* имеет 264 вхождения в 200 текстах, *наличка* — 425 вхождений в 376 текстах), *мобильник* в Основном корпусе встречается почти в семь раз чаще, чем *мобила* (1 054 вхождения в 447 текстах против 163 вхождений в 113 текстах), в подкорпусе Социальные сети *мобильник* обладает менее выраженным численным превосходством — 1 175 вхождений в 981 тексте против 921 вхождения в 837 текстах.

Тенденция к замене универбов женского рода с наиболее продуктивным в сфере универбации суффиксальным формантом *-к(а)* [Земская, 2014, с. 266–267; Осипова, 1994, с. 3] универбами мужского рода с нулевым суффиксом объясняется, на наш взгляд, отсутствием экспрессивных примесей и грамматической активностью форм мужского рода, а также продуктивностью нулевой суффиксации. Кроме того, неологические универбы с нулевым суффиксом обычно короче своих суффиксальных кодериватов, что соответствует принципу языковой экономии: *мульти/мультик* «мультипликационный фильм», *лаба/лабораторка* «лабораторная работа», *заруба/зарубежка* «зарубежная литература», *минус/минусовка* «минусовая фонограмма».

В активизации употребления универбов, образованных посредством нулевой суффиксации с усечением производящей основы, можно усмотреть также влияние английского языка, в котором предметные и признаковые значения могут выражаться одной и той же лексемой: *romantic* «романтические чувства» и *romantic* «романтический, романтический».

В русскоязычном медиадискурсе *романтик* употребляется и как универб «романтическое свидание», и как прилагательное:

В Челябинском зоопарке парочке львов устроили романтик, но что-то пошло не так (Львиный переполох: первое свидание переросло в драку // Метро. 03.04.2023).

Или обратный пример — интернет-дивы, которые ради картинки с цветочками-шляпками в стиле романтик готовы по несколько раз выходить замуж (Можно ли заключить брак «на небесах» // Парламентская газета, 2021.07).

Омоформы среди прилагательных имеют также неологические универбы *эконом/премиум* (*эконом-/премиум-класс* и *класс эконом/премиум*), *видео* (*видео-сообщение/материал*), *пилот* (*пилот-проект*).

Мы разделяем мнение исследователей [Осипова, 1994; Копоть, 2008; Виноградова, 2012] о том, что к универбации с нулевой суффиксацией следует относить и производные типа *гравий* «гравийная дорога»: «появление в новом значении некоторых существительных, обычно рассматриваемое как результат метонимии, синхронно скорее следует объяснять действием стяжения с нулевым суффиксом... *золото, серебро* „золотые, серебряные медали“» [Виноградова, 2012, с. 103–104]. Подобные производные, омонимичные немотивированным существительным, целесообразно считать универбами, поскольку словообразовательно они мотивированы устойчивыми словосочетаниями: *квадратный метр* → *квадрат*, *Шенгенская виза* → *шенген*, *пластическая операция* → *пластика*, *косметический ремонт* → *косметика* и под.

Как показывает анализ материала, в письменной речи омонимия универбов и производных существительных нередко снимается посредством кавычек, сопровождения универба толкованием:

Владельцам пришлось существенно поубавить аппетиты и сбросить цену за «квадрат» (Екатеринбург Он-лайн, 15.10.2015).

«После того как пройдет „пилот“ (пилотный проект — прим. Ленты.ру) по меховым изделиям, RFID-метки появятся на других товарах. Прежде всего, будем предлагать маркировку школьной формы», — заявил Евтухов (Школьную форму в России подвергнут чипированию вслед за шубами // lenta.ru, 2016.05).

В СМИ и интернет-дискурсе анализируемая разновидность универбации может носить окказиональный характер:

Если вы на передние колеса поставили зимние шины, а на задние лето... (Радио России. 18.10.23).

Из всех, кого вы называли, только Врангель не поддержал февраль (Радио России. 26.11.23) (темой обсуждения является февральская революция. — А. Б.).

Универбы, формально совпадающие с основой, от которой было образовано прилагательное, входящее в их мотивирующую базу, образуют несколько словообразовательных типов, которые можно свести к двум основным. Первый тип образуют однокоренные производные с нулевой суффиксацией типа *бюджет* «бюджетная форма обучения», *глянец* «глянцевый журнал», *регион* «региональный этап», *дисконт* «дисконтная карта»:

Девушка успела примерить на себя короны разных конкурсов красоты и даже побывать на страницах французского глянца (Жительница Тюмени признана самой красивой мамой в России // Vesti.ru, 2020.09).

Необычный структурный тип универбации представлен примером функционирования универба в качестве второго компонента аббревиатуры *минцифры*: *Минцифры России* ← *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации*.

Ко второму типу относятся двусловные наименования, семантически соотносящиеся с устойчивыми словосочетаниями, например *пять звезд* ← *пятизвездочный отель*, *полный метр* ← *полнометражный фильм*, *полный привод* ← *полноприводный автомобиль*, *левый руль* ← *леворульный автомобиль*:

«Союзмультфильм» приступил к производству нового полнометражного фильма под рабочим названием «Чебурашка». Это будет первый полный метр для знаменитой киностудии, которая год назад получила от семьи автора истории о Чебурашке, Эдуарда Успенского, права на ее литературную основу («Союзмультфильм» снимет полный метр о Чебурашке // Vesti.ru, 07.10.2020).

Некоторые универбы данной группы имеют кодериваты — «классические» суффиксальные универбы: *полнометражка* ← *полнометражный фильм*, *леворулька* ← *леворульный автомобиль*. Раздельнооформленность производных данного типа, на наш взгляд, обусловлена сложной морфемной структурой мотивирующего прилагательного.

В научном дискурсе универбация активно используется при образовании терминов. Продуктивность тех или иных формантов зависит от отрасли науки. Так, в химической, геологической, физической терминологии продуктивны модели с суффиксами *-ит*, называющие минералы, вещества и сплавы, которые структурно мотивированы зависимым компонентом субстантивно-субстантивного или субстантивно-атрибутивного словосочетания: *кальцит* — «карбонат кальция», *хромпик* — «дихромат калия», *лазурит* — «лазуревый камень» / «ляпис-лазурь», *слюдаинит* — «слоистый электроизоляционный материал, получаемый путем прессования слюдяной бумаги и стеклоткани».

При образовании нескольких терминов от одноименного названия химического элемента универб может осложняться определением: *натр* «оксид натрия» и *едкий натр* «моногидроксид натрия», *барит* «сульфат бария» и *едкий барит* «гидроксид бария», *магнезит* «карбонат магния» и *жженая магнезия* «монооксид магния».

В сфере социально-гуманитарных и медицинских наук продуктивны неологические универбы — стяженные термины, образованные на базе простых и комбинированных атрибутивно-субстантивных словосочетаний посредством нулевой суффиксации: *перформативные высказывания / речевые акты* → *перформативы*, *безлично-предикативные слова* → *предикативы*, *сенситивный тип личности* → *сенситив*, *патогенные микроорганизмы* → *патогены* и др. Среди единиц данного типа, использующихся преимущественно в научном дискурсе, встречаются узуальные и окказиональные образования, существительные мужского и женского рода, *pluralia tantum*:

Слова и категории, предполагающие говорящего, являются эгоцентрическими элементами языка — эгоцентриками (Е. В. Падучева. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации).

Как показывают контексты, в плане семантической близости и однозначной соотносительности с одноморфемным терминологическим сочетанием неологические термины-универбы неоднородны:

... местоименные прилагательные и числительные. В совокупности все эти разновидности образуют более обширный класс, которые можно назвать адъективными словами, или просто адъективами (И. А. Муравьева. Типологическое своеобразие прилагательных в аляutorском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2015).

*Предметом нашего интереса являются три группы единиц, объединенных термином **прецедент**. Прежде всего, это целостные тексты культуры или фрагменты таких текстов, вводимые Гребенщиковым в текст своего произведения в качестве цитаты. Следующая группа — это собственно предикативные и полупредикативные воспроизводимые синтаксические конструкции... (С. Лещак. Языковые прецеденты в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова).*

В приведенных контекстах под *адъективами* понимаются не только прилагательные, но и тождественные в грамматическом отношении слова других частей речи, термином *прецедент* обозначаются не только прецедентные тексты, но и воспроизводимые синтаксические конструкции и когнитивно-концептуальные структуры. Таким образом, в структуре словообразовательного значения универбов может появляться идиоматический компонент. Универбация обеспечивает семантическую емкость номинации.

При производстве суффиксальных неологических универбов наблюдаются различия между медийной и научной речью. И в медийной, и в научной речи продуктивны стилистически нейтральные или имеющие книжную стилистическую окраску форманты *-ик(а), -иј(а)*: *травматика* «травматическое оружие», *пневматика* «совокупность пневматических механизмов, приспособлений», *клиника* «клинические симптомы», *инклюзия* «инклюзивное образование», *обсессия* «обсессивный синдром/расстройство». Нейтральными являются становящиеся всё более частотными в медийном дискурсе универбы — стяженные наименования ученой степени: *кандидат/доктор филологии* ← *кандидат/доктор филологических наук*. Универбы — номенклатурные знаки синтагматически связаны, реализуют свое значение исключительно в составе устойчивого номенклатурного комплекса:

*Самые известные из них — Александр Суворов, **доктор психологии**, и Сергей Сироткин, **кандидат философии*** (Мир невидимый и неслышимый // Аргументы и факты, 2000.09).

Появление универбов в составе номенклатурных знаков, на наш взгляд, объясняется как аналогией с близкими по значению номенклатурами *доктор культурологи/теологии*, исключающими сочетаемость со словом *наука*, так и актуальным для медийной речи стремлением использовать более лаконичную номинацию.

В медийной речи сохраняет свою продуктивность стилистически маркированный, но лишенный эмоционально-экспрессивных оттенков суффикс *-к(а)/-шк(а), -к(и)*: *пятерка* «пятизвездочный отель», *семерка* «страны большой семерки» / «автомобиль Audi A7», *санкционка* «санкционные товары», *удаленка* «удаленный режим работы», *административка* «административное правонарушение» и др.

В медийном дискурсе употребляются универбы, образованные при помощи нулевой суффиксации, суффиксов *-ик*, *-щик*, имеющие разговорную стилистическую окраску: *муниципал* «сотрудник муниципальной милиции», *дошкольник* — 2 «разг. педагог, занимающийся с детьми дошкольного возраста» [ТССРЯ, 2004, с. 884], *коммунальщик* «1. Работник городского хозяйства, занимающийся обслуживанием жилого фонда... 2. Жилец коммунальной квартиры» [ТСРЯ, 2008, с. 475–476], *СММ-щик* «СММ-менеджер», *внедорожник* «автомобиль (преимущественно „Джип“), способный ездить по труднопроходимой местности, по бездорожью; вездеход» [ТСРЯ, 2008, с. 214], *Всерос* — «Всероссийская олимпиада школьников». В медиатексты образованные по данной модели производные проникают из профессиональной речи:

Советую молоть именно перед употреблением, так как данный процесс фактически сразу испаряет вкусоароматику зерна (Специалист по кофе назвала лучший способ хранения бодрящего напитка // Парламентская газета, 2020.10.02).

— *Я не могу сказать, что у меня много патриотики в репертуаре* (Интервью с Мариной Девятовой. Радио России. 29.04.2023).

В отличие от языка науки, в медиаречи появляются коннотативно окрашенные универбы с суффиксами *-ух(а)*, *-очк(а)*, номинирующие негативные явления и патологические состояния (*бытовуха* «преступление на бытовой почве», *чернуха* «произведения (в основном кинематографические), изображающие исключительно отрицательные стороны действительности» [ТСРЯ, 2008, с. 1069]), *белочка* «белая горячка», *биполярочка* «биполярное расстройство»):

Голова не соображает, печень вот-вот накроется, несколько раз «белочку» перенес, в коме побывал, руки-ноги отнимались, но пить так и не бросил (Чудо // Lenta.ru, 03.01.2015).

«Бытовуха» относится к раскрываемым убийствам (Кровавый конвейер замедлил ход? // Аргументы и факты, 2001.02.14).

Негативной оценочностью обладает суффиксальный универб *понса/понс*, который мотивирован аналит-прилагательным *поп-* (*поп-музыка*, *поп-культура*). Прилагательное *попсовый*, также имеющее пренебрежительную стилистическую окраску, следует считать производным от *понса*, поскольку в Газетном подкорпусе контексты с *попсовый* фиксируются с 1993 г. (в подкорпусе «Социальные сети» — с 2001 г.), с *понса* — с 1991 г. (в подкорпусе «Социальные сети» — с 2005 г.).

Положительной оценочностью характеризуется универб *плюсики*, составляющий непродуктивный тип производных, которые проходят не одну, а две ступени в своем образовании: *ВИЧ-положительные (дети)* → *ВИЧ-плюс* → *плюсики*.

В медийном дискурсе окказиональные универбы могут образовываться на базе фразеологизмов:

Речь идет о звездочке, о звездной болезни, о медных трубах, которые нужно преодолеть (Радио России. 25.06.2023).

В отличие от мотивирующего фразеологизма *звездная болезнь*, сопровождающегося в БТС пометой «шутливое», универб *звездочка* обладает ярко выраженной пейоративной коннотацией, которая в радиоэфире выражается интонационными средствами.

Ряд стилистически окрашенных универбов используется в составе предложно-падежных сочетаний или устойчивых словесных конструкций, например: *на повседневку* «для повседневного использования», *на ежедневку* «для ежедневного употребления», *(на)писать в личку* «(на)писать в личные сообщения», *затащить Всерос* «стать победителем или призером Всероссийской олимпиады школьников»:

Пока четыре новых камеры работают в тестовом режиме, как и те, которые повесили на улицах Волгограда. Все они перейдут на «постоянку», как только на базе областного ГУВД откроется специальный информационный центр (В. Анисимова. В Волжском установят более 20 видеокамер // Комсомольская правда, 04.02.2011).

Как неоднократно отмечалось в литературе вопроса, универбам свойственна многозначность [Виноградова, 2012, с. 74; Ермакова, 2008, с. 46; Устименко, 2008, с. 112].

Примеры расширения денотативного пространства универбов в языке «текущего момента» довольно многочисленны. Так, универб *аффилиат* используется для номинации аффилированных сайтов, банков, компаний, *контрафактом* и *фальсификатом* называют фальсифицированные алкоголь, лекарства и иные виды товаров. Два и более лексических значения имеют универбы *фальшивка* («фальшивая купюра» [ТСРЯ, 2008, с. 1017], «фальшивый, подложный документ, текст» [БТС], «фальшивая информация», «фальшивое изображение»), *огнестрел* («огнестрельное оружие», «огнестрельное ранение»), *скоропорт* («скоропортящийся груз», «скоропортящиеся продукты»), *личка* («личное сообщение», «личная охрана»), *ежедневка* («ежедневная газета», «ежедневное гигиеническое средство»), *социалка* («социальная сфера» [ТСРЯ, 2008, с. 938], «социальная реклама», «социальные сети» [СМС, 2019, с. 251–254], «социальная стипендия»), *платка* («платная автодорога», «платное обучение в вузе») и др.

В качестве вывода к сказанному о повторной реализации словообразовательной модели в сфере универбации, на наш взгляд, можно процитировать слова О. П. Ермаковой: универбы «по мере расширения значения могут проходить путь... от одного конкретного значения к одному широкому дефразеологизированному» [Ермакова, 2008, с. 46].

Заключение

Приведенный материал, иллюстрирующий употребление неологических универбов в научном и медийном дискурсе, позволяет сделать вывод об увеличении продуктивности универбации с нулевой суффиксацией и со стилистически нейтральными формантами *-(н)ик*, *-ив*, *-ик(а)*, *-и(а)*, а также об активизации образования универбов от аналит-прилагательных. Наблюдается увеличение словообразовательных моделей в сфере универбации за счет появления универбов нетрадиционной структуры: двукомпонентных, сочетающихся с усеченным компонентом аббревиатуры. В медийной речи сохраняют активность стилистически окрашенные суффиксы *-щик*, *-к(а)*/*-ик(а)*, *-очк(а)*, *-ух(а)*. В языке науки и массмедиа широко представлены окказиональные универбы, не отмеченные словарями новой лексики. Следует отметить активизацию использования в качестве производящей базы при универбации многокомпонентных словосочетаний и развитие многозначности универбов, мотивированных прилагательными, называющими актуальные понятия общественно-политической и экономической жизни: *социальный*, *фальсифицированный*, *эксклюзивный*, *платный*, *бюджетный*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Батулина А. В. 2022. Новые тенденции в образовании универбов (на материале русского языка) // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. фед. ун-та. С. 7–13.
- Виноградов В. В. (отв. ред.). 1952. Грамматика русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР. Т. 1: Фонетика и морфология. 720 с.
- Виноградов В. В. 1972. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа. 614 с.
- Виноградова В. Н. 2012. Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте. М.: Инфотех. 332 с.
- Дозорова Д. В. 2015. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2 (2). С. 392–396.
- Земская Е. А. 1981. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука. 276 с.
- Земская Е. А. 2014. Язык как деятельность. М.: ФЛИНТА: Наука. 896 с.
- Копоть А. В. 2008. Универбы в русской разговорной речи: структура и семантика: на материале журнала «За рулем». Майкоп: Адыгейский гос. ун-т. 62 с.
- Крысин Л. П. 2003. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры. С. 33–102.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). 1998. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт. (БТС).
- Маркова Е. М. 2023. Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. № 1 (6). С. 61–71.
- Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.07.2023).
- Нещименко Г. П. 2010. Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М.: Макс Пресс. С. 116–134.
- Новиков В. И. 2019. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века. 352 с. (СМС).
- Осипова Л. И. 1994. Активные процессы в современном русском словообразовании: (Суффиксальная универбация и усечение): пособие к спецкурсу. М.: Прометей. 116 с.
- Осипова Л. И. 2000. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к(а). Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х годов. М.: МПГУ. 230 с.
- Склярёвская Г. Н. (ред.). 2008. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо. 1136 с. (ТСРЯ).
- Циньсян В. 2019. Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования. СПб.: Свет. 228 с.

- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). 1970. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука. Т. 1. 767 с.
- Шведова Н. Ю. (глав. ред.). 1980. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Наука. Т. 1.
- Ширшов И. А. 2004. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Около 37 000 слов русского языка, объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак. 1022 с. (ТССРЯ).

References

- Batulina, A. V. (2022). New tendencies in the formation of universals (the case of the Russian language). In E. S. Sheremetieva, E. A. Starodumova, & A. A. Anisova (Eds.), *Russian Grammar in the Dialog of Scientific Schools, Directions, Methods: A Collection of Research Articles* (pp. 7–13). Far Eastern Federal University. [In Russian]
- Vinogradov, V. V., et al. (Eds.). (1952). *Grammar of the Russian Language* (Vol. 1). Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)*. Vysshaya shkola. [In Russian]
- Vinogradova, V. N. (2012). *The system of Russian Word Formation in the Functional and Stylistic Aspect*. Infotekh. [In Russian]
- Dozorova, D. V. (2015). Word-formation models of university schools in modern Russian. *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Herald*, (2), 392–396. [In Russian]
- Zemskaya, E. A. (1981). *Russian Colloquial Speech: General Questions. Word Formation. The Syntax*. Nauka. [In Russian]
- Zemskaya, E. A. (2014). *Language as An Activity*. FLINTA: Nauka. [In Russian]
- Kopot, L. V. (2008). *Univerbs in Russian Colloquial Speech: Structure and Semantics: Based on the Material of the Za Rulem Magazine*. Adyge State University. [In Russian]
- Krysin, L. P. (2003). Social differentiation of the modern Russian national language system. In *Modern Russian language: Social and Functional Differentiation* (pp. 33–102). Yazyki slavyan-skoy kultury. [In Russian]
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. [In Russian]
- Markova, E. M. (2023). Verbal univerbation as one of the modern derivational trends. *VERBA. Northwestern Linguistic Journal*, (1), 61–71. [In Russian]
- Russian National Corpus*. (n.d.). Retrieved Jul. 5, 2023, from <https://ruscorpora.ru/> [In Russian]
- Neshchimenko, G. P. (2010). The tendency of linguistic economy as a factor in the dynamics of literary norms. In *New Phenomena in Slavic Word Formation: System and Functioning. Reports of the 11th International Research Conference of the Commission on Slavic Word Formation under the International Committee of Slavists* (pp. 116–134). Maks Press. [In Russian]
- Novikov, V. I. (2019). *Dictionary of Fashionable Words. The Linguistic Picture of Modernity. Slovori XXI veka*. [In Russian]
- Osipova, L. I. (1994). *Active Processes in Modern Russian Word Formation: (Suffixation and Truncation): The Manual for the Special Course*. Prometey. [In Russian]

- Osipova, L. I. (2000). *New Words in the Russian Language: Feminine Suffixal Univerbs with the suffix -k(a). Referential Dictionary on the Materials of the Press and Literature of the 1960s and 1990s.* MPGU. [In Russian]
- Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the early 21st century. Current Vocabulary.* Eksmo. [In Russian]
- Tsinsyan, V. (2019). *Russian Neologisms-Univerbs: methods of education, semantics, features of functioning.* Svet. [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1970). *Grammar of the Modern Russian Literary Language (Vol. 1).* Nauka. [In Russian]
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar: in 2 vols. (Vol. 1).* Nauka. [In Russian]
- Shirshov, I. A. (2004). *Russian Explanatory Dictionary: appr. 37,000 words of the Russian Language, combined into 2,000 word-formation nests: a comprehensive description of Russian vocabulary and word formation.* AST: Astrel: Russkie slovari: Ermak. [In Russian]

Информация об авторе

Анна Валерьевна Батулина, кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
b.av@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6341-5965>

Information about the author

Anna V. Batulina, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
b.av@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6341-5965>

«Дуэль» и «Три сестры» А. П. Чехова в аспекте авторского мифа о герое-враче

Сергей Анатольевич Комаров, Никита Станиславович Шукст[✉]

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: nshukst@bk.ru[✉]

Аннотация. При многообразии чеховских персонажей вопрос о типологии чеховских героев и ее связи с типологией героя в русской классике XIX в. является одним из важнейших для научной рефлексии отечественного литературного опыта. Тип героя-врача уже обозначен в чеховедении, однако в его описании преобладают биографические и статические аспекты. Проблемы генезиса, динамики и структурности данного типа героя у Чехова не ставились. В данной статье рассмотрена динамика героя-врача как типа в произведениях А. П. Чехова 1890–1900-х гг., взятых в крайних точках данного временного отрезка, что позволяет по-новому взглянуть на произошедшие изменения. Авторы работы проводят анализ условий включения героя-врача в мифопоэтическую систему писателя, исследуют трансформацию авторского врачебного мифа и связанные с ней изменения структуры данного типа героя, проявляющиеся на эмблематическом и функциональном уровнях. В работе впервые рассматривается через призму возможного наличия в произведении элементов знаковой системы Фридриха Ницше повесть «Дуэль». Доказывается наличие типа сократического героя в драме «Три сестры» и повести «Дуэль», его связь с героем-врачом, описываются механизмы сближения двух этих типов. Также делается попытка осмысления некоторых оснований для возникновения таких мифопоэтических построений в чеховских произведениях. Результатом сравнительного анализа текстов становится характеристика структурных и ценностных изменений рассматриваемого типа героя.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Дуэль», «Три сестры», герой-врач, сократический герой, мифопоэтика, авторский миф, ницшевские знаки

Цитирование: Комаров С. А., Шукст Н. С. 2024. «Дуэль» и «Три сестры» А. П. Чехова в аспекте авторского мифа о герое-враче // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 53–66. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-53-66>

Поступила 14.04.2024; одобрена 26.05.2024; принята 01.07.2024

A. P. Chekhov's *The Duel* and *Three Sisters* in the aspect of the author's myth about a doctor-protagonist

Sergey A. Komarov, Nikita S. Shukst✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: nshukst@bk.ru✉

Abstract. Given the diversity of Chekhov's characters, it seems to be of the utmost importance for scholarly reflection on the Russian literary experience to study the matter of Chekhov's protagonists' types in regards to the protagonist typology in the Russian classical works of the 19th c. The doctor-protagonist type has already been outlined in Chekhov studies, yet, its description is dominated by biographical and static aspects, unlike the problems of genesis, dynamics, and structure of this protagonist type in Chekhov's works. This article examines the typological changes in the doctor-protagonist within Chekhov's works of the 1890s–1900s, which provides a new look at the matter at hand. The authors analyze the conditions of including the doctor-protagonist type in the writer's mythopoetic system; additionally, they investigate the transformation of the author's doctor myth and the associated changes in this protagonist type's structure, manifested at the emblematic and functional levels. This paper examines the novella *The Duel* through the prism of Friedrich Nietzsche's sign system. The authors show the presence of Socratic protagonist type in the drama *Three Sisters* and the novella *The Duel* in connection with the doctor-protagonist, while describing the convergence mechanisms of these two types. Additionally, the authors explain the reasons for such mythopoetic constructions emerging in Chekhov's works. The comparative analysis of the texts results in characterizing structural and moral changes of the protagonist type under consideration.

Keywords: A. P. Chekhov, *The Duel*, *Three Sisters*, doctor-protagonist, Socratic protagonist, mythopoetics, author's myth, Nietzschean signs

Citation: Komarov, S. A., & Shukst, N. S. (2024). A. P. Chekhov's *The Duel* and *Three Sisters* in the aspect of the author's myth about a doctor-protagonist. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 53–66. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-53-66>

Received Apr. 14, 2024; Reviewed May 26, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение и обзор литературы

Во многих текстах А. П. Чехова, как эпических, так и создававшихся для театра, значимые сюжетные позиции занимают герои-врачи. Персонажам этого типа в творчестве классика свойственна особая функциональность, что объясняется спецификой авторской самоидентификации: не оставивший врачебной практики и изучения медицинской литературы на протяжении почти всей жизни, Чехов писал, нередко опираясь на имеющийся у него врачебный опыт. Медицинское образование, очевидно, во многом определило его взгляды на жизнь. Воздействие естественных наук (в частности, позитивизма и дарвинизма) на формирование мироотношения Чехова как студента и врача, а также философский контекст не раз рассматривались специалистами (например: [Долженков, 2003; Катаев, 2004б; Меве, 1989; Рейфилд, 2022; Шубин, 1982]). «Если бы Чехов не был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую, как скальпель, аналитическую и точную прозу», — отмечал К. Г. Паустовский [Паустовский, 1982, с. 654]. Б. М. Шубин констатирует, что именно изучение медицинской литературы «воспитало в Чехове материалиста, мыслящего широко и смело»; подчеркивает: классик «гордился своим материалистическим мировоззрением» [Шубин, 1982, с. 86]. Д. Рейфилд в присущей ему манере пишет, что Чехов — «писатель, отточивший наблюдательность и проницательность во время препарирования трупов» [Рейфилд, 2022, с. 112]. Закономерно, что герои-врачи, которым свойственны научное отношение к реальности и деятельный образ жизни, столь близкие писателю, часто оказываются важны для выражения в тексте элементов авторской позиции.

В произведениях 1890-х гг. А. П. Чехов активно обращается к знаковому наследию Ф. В. Ницше для конструирования собственной мифопоэтической структуры, в которую оказывается встроен и доктор как тип героя. Об обстоятельствах и формах «встречи» Чехова с работами Ницше уже писалось неоднократно [Бочаров, 2007, с. 329–330; Комаров, 2002, с. 58–59; Кубасов, 2015, с. 158–161; Маслова, 2008, с. 4–5; Мурьянов, 2001, с. 215–216; Капустин, 2011, с. 323–324]. Значимо, что включение ницшевских знаков в тексты классика приходится на начало постсибирского периода его творчества. Находящийся под влиянием полученных в ходе поездки на остров Сахалин впечатлений, Чехов переосмысливает задачи врачебной деятельности, что становится одной из причин формирования нового авторского мифа о враче. В его рамках герой-доктор связывается с сократическим началом — одним из трех начал, выделенных немецким философом в «Рождении трагедии из духа музыки, или Эллинстве и пессимизме» и определяющих, по Ницше, законы развития как искусства, так и общества в целом.

Признаками аполлонического начала, согласно Ницше, являются «стремление к покою, самоограничение, ощущение мира как сновидения, солнечная (дневная) эмблематика, христианская ориентированность, этическая доминанта», а дионисическому свойственны «стремление к движению (антипокой), нарушение границ и правил, опьяненность жизнью, лунная (ночная) эмблематика, антихристианская ориентированность, эстетическая доминанта» [Комаров, 2002, с. 220]. К характеристикам сократического начала относятся «чрезмерная рассудочность, стремление к познанию, желание постоянно совершенствовать мир вокруг себя, склонность к борьбе с иррациональным,

враждебность дионисическому началу, отсутствие глубокого понимания искусства» [Комаров, Шукст, 2024, с. 46]. Выбор Чеховым героя-доктора в качестве последовательного носителя сократического начала закономерен: именно врачам свойственны научное, гиперрациональное отношение к действительности, активная познавательная деятельность, последовательное улучшение окружающего мира посредством помощи больным.

Важной особенностью сократического начала в ницшевской системе является его исключенность из большинства конфликтов дионисического и аполлонического начал. Оказываясь как бы между двух противоборствующих сил, сократический человек у Чехова довольствуется ролью свидетеля происходящего и старается повлиять на исход разворачивающегося противостояния, не приемля враждебное ему дионисическое начало, однако делает это косвенно, извне.

Результаты и обсуждение

Герой-врач в рамках мифопоэтической структуры повести «Дуэль»

Героем, занимающим обозначенную выше сюжетную позицию и связанным с врачебной деятельностью, в повести «Дуэль» является Александр Самойленко. Он военный доктор, ставший другом и конфидентом Ивана Лаевского, одного из будущих дуэлянтов, вокруг которого и разворачиваются основные события в тексте. Борясь со скукой и желая оказать посильную помощь недавно прибывшим в город, Самойленко принимает у себя на обед дьякона Победова и Николая фон Корена, молодого зоолога, который в дальнейшем сойдется в поединке с Лаевским. Именно через военного врача выстраивается коммуникация между противниками. Фон Корен получает информацию о переживаниях и планах Лаевского от сочувствующего ему доктора, диалоги Самойленко с каждым из участников поединка позволяют читателю узнать о различиях в их взглядах на жизнь, ставших причинами нравственного по своей сути несогласия. Во время диалогов развивается конфликт, постепенно приобретающий всё больший масштаб. Именно доктор становится посредником между героями, занимая у фон Корена деньги для Лаевского и соглашаясь предоставить их ему лишь на условиях, которые устраивают зоолога. Не менее значимо, что и судьбоносная встреча персонажей, заканчивающаяся вызовом на дуэль, происходит в доме Самойленко. Из этого следует, что за героем закреплена особая, сюжетообразующая роль: поединок, изменивший жизнь Лаевского и заставивший фон Корена признать свою неправоту, не состоялся бы без действий доктора, который, влияя на события, остается на периферии разворачивающегося противостояния.

В. Б. Катаев фиксирует, что «Дуэль... происходит из-за непримиримой разности взглядов на жизнь, разных стилей существования героев»; Лаевского исследователь характеризует как «подсудимого», а фон Корена как «прокурора нравственного закона» [Катаев, 2004а, с. 41]. Такая противопоставленность персонажей возникает в том числе на основе закреплённости за ними непримиримых ницшевских начал. Лаевский, регулярно нарушающий привычные нормы и правила, играющий и пьющий, отказывающийся от аполлонического самопознания ради самообмана, олицетворяет дионисическое начало. Его оппонент, фон Корен, живущий в рамках существующих

правил и требующий от других их соблюдения, а также живущий в уединении, — аполлоническое. Периферийная позиция Самойленко программна и указывает на его связь с сократическим началом.

О Лаевском в тексте говорится, что он ведет разгульный образ жизни, являющийся реализацией дионисического стремления к отречению от норм: «...пил много и не вовремя, играл в карты, презирал свою службу, жил не по средствам, часто употреблял в разговоре непристойные выражения» (т. VII, с. 359)¹. Искренне желанное и долго планируемое персонажем бегство от Надежды Фёдоровны, прожившей с ним два года и оставившей ради него мужа, также является антиэтичным, а потому возмущает как настроенного заведомо враждебно фон Корена, так и Самойленко, который хоть и стремится понять своего товарища, но не может поддержать данное решение. Желание прекратить отношения с Надеждой Фёдоровной Лаевский аргументирует, руководствуясь чувствами, а не общепринятыми правилами. «Жениться без любви так же подло и недостойно человека, как служить обедню, не веруя», — утверждает герой, таким образом вновь отказываясь от традиционного, или аполлонического, взгляда на обязанности мужчины, взявшего на себя ответственность за любящую его женщину (т. VII, с. 360).

Во внешних чертах персонажа и характерных для него жестах находит отражение свойственное носителям дионисического начала беспокойство. Так, Лаевский имеет привычку «во время разговора внимательно осматривать свои розовые ладони, грызть ногти или мять пальцами манжеты» (т. VII, с. 355). На постоянное внутреннее возбуждение персонажа, которое постепенно нарастает на протяжении повести, указывает также приключившаяся с ним истерика («Лаевский хотел встать из-за стола, но ноги его не слушались и правая рука как-то странно, помимо его воли, прыгала по столу, судорожно ловила бумажки и сжимала их» (т. VII, с. 417)).

На уровне эмблематики принадлежность Лаевского к дионисическому миру подчеркивается наличием у него проблем со сном: молодой человек неоднократно оказывается неспособен уснуть, раздумывая о предстоящем ему судьбном решении («После долгой ночи, потраченной на невеселые, бесполезные мысли, которые мешали спать... Лаевский чувствовал себя разбитым и вялым» (т. VII, с. 354)).

Неслучайно также включение в текст упоминания снов персонажа. «То ему снится, что его женят на луне, то будто зовут его в полицию и приказывают ему там, чтобы он жил с гитарой...» — сообщает фон Корен в ходе одной из дискуссий о нравственном облике своего будущего противника. Появляющийся в обоих упомянутых сновидениях сюжет принуждения к женитьбе указывает на то, что Лаевского пугает нависшая над ним необходимость вступить в брак, от которой он намеревается бежать, однако в роли «невесты» перед ним предстают луна и гитара, также являющиеся знаками дионисического начала: луна — один из главных символов дионисизма (ночная эмблематика); гитара — воплощение музыкальной природы закрепленного за героем эстетического начала. Из этого следует вывод о боязни Лаевского не только женитьбы, к которой его

¹ Ссылки на полное собрание сочинений А. П. Чехова в 30 т. [Чехов, 1985, 1986] здесь и далее даны в круглых скобках с указанием тома и страницы.

принуждают окружающие, но и невозможности ухода в дальнейшем от того образа жизни, что он ведёт. Возможный брак ассоциируется у героя с бесцельной тратой времени, продолжением бессмысленного и потому безрадостного существования. Подсознательно он стремится к возвращению в лоно аполлонизма, чем могут быть отчасти объяснены произошедшие с персонажем в финале повести метаморфозы.

Противник Лаевского, зоолог фон Корен, демонстрирует не меньшее стремление к противоположному началу, чем его оппонент. Другие персонажи характеризуют зоолога как «порядочного, умного человека»; он уверен в себе и высоко ценит существующие в обществе нормы и правила (т. VII, с. 391). Акцентированной его чертой становится стремление к порядку, проявляющееся в том числе в аполлоническом самоограничении. Так, фон Корен живет мечтами об экспедиции и полностью посвящает всё свое время работе, надеясь на осуществление желаемого предприятия в ближайшем будущем. Значимо, что жизнь героя подчеркнута упорядочена: приходя на обед к Самойленко, он всегда ведет себя одним и тем же образом, до мелочей повторяя устоявшийся ритуал, на постоянство которого указывает использование автором глаголов несовершенного вида прошедшего времени и использование наречия «обыкновенно».

«Первым обыкновенно приходил фон Корен. Он молча садился в гостиной и, взявши со стола альбом, начинал внимательно рассматривать потускневшие фотографии каких-то неизвестных мужчин в широких панталонах и цилиндрах и дам в кринолинах и в чепцах ... <...> Покончив с альбомом, фон Корен брал с этажерки пистолет и, прищурив левый глаз, долго прицеливался в портрет князя Воронцова или же становился перед зеркалом и рассматривал свое смуглое лицо» (т. VII, с. 367).

Признаком враждебности фон Корена дионисическому началу становится осуждение им опьянения как явления. Персонаж обвиняет Лаевского в том, что он «научил обывателей пить пиво, которое тоже здесь не было известно» (т. VII, с. 369). «Сам он пьет и других спаивает», — сообщает зоолог, упрекая своего противника в безнравственности и доказывая таким образом его опасность для общества (т. VII, с. 370).

Позволив ненависти к Лаевскому взять над собой верх, фон Корен активно дискутирует о необходимости уничтожения недостойных, по его мнению, членов общества, отходя в суждениях от свойственной аполлоническому началу этичности. Однако аргументация позиции зоолога остается во многом аполлонической. Характеризуя основания для возникновения конфликта героев, А. А. Казаков пишет о фон Корене: «Он не признает в качестве оправданий... что эта человеческая сложность может быть ценна, если она не включает в себя нравственных принципов» [Казаков, 2011, с. 69]. Являясь носителем аполлонического начала, зоолог не приемлет эстетики, освобожденной от этических принципов. Она воспринимается им как бессмысленная и безнравственная.

Е. А. Маслова отмечает, что, согласно Ницше, «между миром Аполлона и миром Диониса нет четкой границы, они взаимонаправлены и устремлены друг к другу...» [Маслова, 2011, с. 141]. Этим объясняется то, что оба противника так или иначе транслируют дионисические ценности (Лаевский делает это постоянно, а фон Корен — периодически).

Последствия частичного отхода зоолога от аполлонизма косвенно фиксируются исследователями. Так, Д. Рейфилд считает, что фон Корен — носитель «маниакального

немецкого» мировоззрения (мания как вариант безумия — дионисический элемент). В тексте обращение зоолога к родной для него ценностной среде подмечает Лаевский: «Я отлично понимаю фон Корена. <...> Ему нужна пустыня, лунная ночь...» (т. VII, с. 397) (здесь и далее выделено нами. — С. К., Н. Ш.).

Не приемлющий дионисизма, Самойленко оппонирует обоим героям, транслирующим свойственные миру Диониса установки. Так, доктор советует Лаевскому отказаться от идеи о расставании с Надеждой Фёдоровной. Важная для дионисического мировосприятия сфера чувств в глазах врача отходит на второй план. «В семейной жизни главное — терпение. <...> Не любовь, а терпение», — сообщает он, а также апеллирует к истинным, по его мнению, законам устройства человеческих отношений: «Любовь продолжаться долго не может» (т. VII, с. 356). Такой выбор аргументов указывает на сократическую склонность персонажа ставить общие законы выше частных ситуаций и переживаний.

Выслушав доводы Лаевского в пользу прекращения отношений с Надеждой Фёдоровной, Самойленко объясняет его возбужденное состояние и категоричность в суждениях недостатком сна: «Ты сегодня, Ваня, не в духе... <...> Не спал, должно быть» (т. VII, с. 358). Таким образом доктор фиксирует усиливающееся отдаление собеседника от аполлонического мироощущения (концепт сна), а также косвенно призывает Лаевского искать норму, старается тем самым вытеснить дионисизм.

Важной частью одной из дискуссий героев становится то, что Лаевский противопоставляет себе доктора, называя его «теоретиком», а себя «практиком», и делает на основе этого вывод: «Мы никогда не поймем друг друга» (т. VII, с. 360). Данная категоризация персонажей является прямым указанием на закрепленность за ними автором разных начал: носителя сократического мировоззрения Ницше в «Рождении трагедии...» нередко называет именно теоретическим человеком, а основное его отличие от носителя дионисического начала видит прежде всего в защищенности «чувством довольства от *практической* этики пессимизма» [Ницше, 2022, с. 273].

Самойленко так же упорно спорит с фон Кореном, проходящим через искус дионисизма и транслирующим ницшевские идеи о правильности уничтожения слабых сильными. В ходе одной из дискуссий зоолог заявляет относительно Лаевского: «Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы еще палкой подтолкнул: тони, братец, тони...» (т. VII, с. 369). Данная фраза неслучайно оказывается созвучна формуле «что падает, то нужно еще толкнуть», предложенной немецким мыслителем в его работе «Так говорил Заратустра» [Ницше, 2022, с. 137]. Известно, что Ницше считал себя «певцом Диониса», в связи с чем предложенные им антиэтические идеи следует рассматривать именно как дионисические.

Еще одним указателем на связь героев с ницшевской знаковой системой, а также на закрепленность за ними противоборствующих начал, служит то, что Самойленко неоднократно заявляет о влиянии немцев на формирование у зоолога антигуманных взглядов («Это тебя, брат, немцы испортили! Да! Немцы!» (т. VII, с. 411)). Если рассматривать повесть в аспекте мифопоэтики, становится понятно, что под немцами имеются в виду Ф. Ницше и Р. Вагнер, ставший адресатом предисловия к «Рождению трагедии...».

Самойленко не приемлет и само явление опьянения, если оно выражается в чрезмерных формах: герою не нравится, что «Лаевский пил много и не вовремя» (т. VII, с. 359). Однако, будучи вхож в оба мира, аполлонический и дионисический, доктор сам не исключает полностью употребления пьянящих напитков. Герой даже ухаживает за собственным виноградником и готовит домашнее вино.

Об открытости для Самойленко обоих миров свидетельствует и то, что жара, упоминаемая в тексте неоднократно, не оказывает практически никакого влияния на доктора в отличие от персонажей, за которыми закреплены другие начала. Так, Лаевский называет жару «невыносимой», регистрируя тем самым свое неприятие аполлонической среды (жара — элемент солнечной эмблематики), а фон Корен, напротив, утверждает: «И к жаре можно привыкнуть» (т. VII, с. 377).

Значимой чертой героя, указывающей на закрепленность за ним сократического начала, становится бессемейность: для человека, живущего в соответствии с сократическими ценностями, семейная жизнь стоит далеко не на первом месте. Значимо, что утверждения Самойленко о желании иметь семью («...мне бы дал бог хоть кривобокую старушку, только ласковую и добрую, и как бы я был доволен!») хоть и наличествуют в тексте, но продолжения на уровне действий доктора не получают (т. VII, с. 361).

Показательной является и склонность героя в похвалах возвышать прежде всего интеллект того, о ком идет речь. Именно о развитости ума неоднократно заявлял Самойленко, стараясь сказать что-то приятное об окружающих его лицах, и обращал куда меньшее внимание на другие безусловные добродетели («Прекраснейший, величайшего ума человек!» (т. VII, с. 367, 434)). По Ницше, для сократического человека именно развитый ум является главным достоинством («даже самые возвышенные моральные деяния... были выводимы Сократом и его единомышленниками... из диалектики знания» [Ницше, 2022, с. 275]).

В. Б. Катаев, характеризуя литературные связи чеховской «Дуэли» с «Героем нашего времени» М. Ю. Лермонтова, фиксирует, что повесть сюжетно схожа с главой «Княжна Мери», и в качестве одного из сходств отмечает, что и там, и там наличествует «доктор, комментирующий конфликт» [Катаев, 2004а, с. 40]. Значимо, что позиция комментатора также является естественной для сократического героя в произведениях Чехова: выступая в роли зрителя, носитель сократического начала нередко принимается комментировать, оценивать происходящее [Комаров, Шукст, 2024, с. 50].

Чеховеды отмечают, что «идея» повести «Дуэль» озвучена в самом тексте: ее формулировка сначала произносится Лаевским, а затем фон Кореном, признающим свою неправоту: «никто не знает настоящей правды» [Бердников, 1984, с. 272; Бялый, 1956, с. 381–382; Катаев, 2004а, с. 42; Рейфилд, 2022, с. 357]. Суждения, приписанные Самойленко и озвучиваемые им в ходе споров об этичности осуждения и наказания Лаевского, представляют всё те же этические принципы и могут считаться отчасти отражением авторской позиции, т. к. в отличие от предложенной в произведении «идеи» характеризуются большей конкретностью и оценочностью. Так, споря с фон Кореном, герой заявляет: «Если людей топить и вешать... то к черту цивилизацию, к черту человечество!» (т. VII, с. 376). Несомненно, что это высказывание героя соответствует авторской оценке

изображаемого: оно вытекает из невозможности познания «настоящей правды», соответствует чеховским гуманистическим взглядам, получившим наибольшее отражение в постсибирских его произведениях («„никто не знает настоящей правды“, — было его собственным продуманным убеждением, особенно укрепившимся после Сахалина» [Катаев, 2004а, с. 43]).

На закреплённость за Самойленко роли косвенного выразителя авторской позиции указывает прежде всего его профессиональная принадлежность к врачебной среде, что на тот момент является самоидентификационной категорией для Чехова. Не менее важно и то, что герой по своим характеристикам сближается с профессиональным идеалом, который был наиболее полно представлен в «Рассказе старшего садовника», вышедшем спустя три года после «Дуэли». О Самойленко говорится, что он, подобно своему коллеге из «Рассказа...», «человек смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный» (т. VII, с. 353). Про его занятия сказано: «всем давал деньги взаймы, всех лечил, сватал, мирил» (т. VII, с. 353). В такой организации жизни персонажа находит отражение, во-первых, его сократическое стремление к улучшению окружающей действительности, во-вторых, упомянутая выше образцовость его профессиональных и человеческих качеств.

Трансформация авторского мифа о герое-враче в драме «Три сестры»

Чехов последовательно обращается к знаковой системе, предложенной Ницше, и в драматических произведениях. Впервые данная проблема получила систематическое рассмотрение в трудах С. А. Комарова [Комаров, 2000, 2002]. В дальнейшем это направление исследования было продолжено Е. А. Масловой [Маслова, 2008, 2014].

В драме «Три сестры» наряду с аполлоническими и дионисическими героями наличествует и сократический персонаж. Сократическое начало закреплено за Иваном Романовичем Чебутыкиным, который является доктором, в соответствии с авторским мифом.

Значимо, что Чебутыкин, как и его коллега из «Дуэли», имеет профессию военного врача, это позволяет говорить о наличии определенной связи между персонажами. Герой «Трёх сестер» бывал на Кавказе («Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы» (т. XIII, с. 151)), что также указывает на его соотнесенность с предшественником. Не менее важным их сходством является и то, что Чебутыкин, как и Самойленко, оказывается вовлечен, пусть и не напрямую, в конфликт, ведущий к дуэли.

Однако вместе с рядом упомянутых выше сходств герои имеют и ряд отличий, указывающих на эволюцию типа сократического героя в творчестве Чехова, его переоценку автором.

Так, в отличие от коллеги из повести Чебутыкин не пытается предотвратить близящуюся дуэль, теоретически подкрепляя свое бездействие неоднократно повторяемым принципом «Не всё ли равно!», выводимым из сократического откровения «я знаю, что ничего не знаю» (т. XIII, с. 178). Осознавая свое незнание («Ничего я не знаю, никто ничего не знает»), врач доходит до солипсистских идей («Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет»), доказывая тем самым невозможность объективной оценки действительности, ее улучшения (т. XIII, с. 162). Таким образом

реализуется один из программных принципов, озвученных Ницше в «Рождении трагедии...»: «Познание убивает действие» [Ницше, 2022, с. 246]. Философ отмечал, что наука и сократическое начало, как ее стержень, «не испытывает уже прежнего наивного доверия к вечной непреложности своего основания» [Ницше, 2022, с. 287] (возможности абсолютного постижения действительности. — С. К., Н. Ш.). Именно эта закономерность и находит отражение в выводах Чебутыкина: сократический герой, отказываясь от художественного восприятия действительности в пользу естественно-научного, оказывается все в том же «громадном пустом месте», как и другие герои. Также показательно, что меняется и формат вовлеченности героя-врача в ситуацию дуэли: Чебутыкин в отличие от Самойленко присутствует при поединке, а также сообщает о смерти Тузенбаха.

Отказавшись от попыток повлиять на дуэлянтов и помочь каждому из них, герой-врач в «Трех сестрах» перестает выполнять активную сюжетообразующую функцию, возложенную на Самойленко в «Дуэли»: влияние Чебутыкина на случившийся в финале произведения поединок минимально.

Отдаленность героя от мира искусства, т. е. обоих эстетических начал, неоднократно подчеркивается в тексте пьесы. В третьем действии врач вспоминает: «Третьего дня разговор в клубе: говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал» (т. XIII, с. 160–161). Важно, что итогом этой части высказывания персонажа становятся восклицания «Пошлость! Низость!», указывающие на признание Чебутыкиным искусства чем-то жизненно значимым, а его незнание — постыдным. Столь несвойственные для теоретического человека высказывания свидетельствуют о разочаровании героя в сократических идеалах, которое, однако, так и не приводит к существенной перемене образа жизни.

Как было упомянуто выше, одной из значимых особенностей сократического героя в драматургии Чехова является его способность комментировать и подытоживать происходящее на сцене, функционально сближаясь с античным корифеем. При этом герой транслирует сократические ценности, иронизируя над дионисической эмоциональностью и поддерживая аполлоническое спокойствие. В драме «Три сестры» происходит изменение данной черты. Так, доктор уже не только не старается бороться со свойственным дионисическому миру антипокоем, а, напротив, заявляет: «Пусть поплачут... <...> Не всё ли равно!» (т. XIII, с. 187). Б. И. Зингерман пишет о высказываниях героя: «Между тем... нигилистические афоризмы Чебутыкина так или иначе направлены на то, чтобы смутить душу сестер, Вершинина и Тузенбаха, разрушить их мечтательный строй жизни» [Зингерман, 1988, с. 364]. В данной характеристике находит отражение перемена в ценностных ориентациях Чебутыкина. Поняв ограниченность оптимистического, по Ницше, теоретического мировосприятия, герой признает ценность и естественность дионисического начала, прекращает бороться со свойственным ему пессимистическим укладом, сам начинает транслировать дионисические представления о мире.

На примирение с миром Диониса указывает также пьянство героя: понимая свою ответственность за смерть пациентки, Чебутыкин уходит в запой. В тексте отмечается, что это не первый такой случай в его жизни, однако последние два года герой систематически отказывался от алкоголя, подтверждая таким образом на мифопоэтическом уровне

приверженность сократическим ценностям. Значимым показателем отхода от закрепленного за героем начала становится то, что, находясь в нетрезвом состоянии, он заявляет: «Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, всё позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего» (т. XIII, с. 160). Неслучайно, что в одном высказывании персонажа соединены признание в недостаточности собственных знаний и косвенное отречение от идентичности доктора: как уже было сказано, именно стремление к познанию, необходимому для улучшения окружающей действительности, и связь с врачебной сферой являются наиболее значимыми чертами сократического героя в произведениях Чехова.

Меняются и выбранные автором способы указания на периферийную позицию персонажа в пьесе. Она дополнительно подчеркивается тем, что доктор не имеет своего дома, из-за чего и проживает у Прозоровых. Некоторая чуждость доктора, хоть и являющегося другом семьи, большинству жителей дома становится его акцентированной чертой, из-за чего носитель сократизма кажется еще менее вовлеченным в основные конфликты (социально-бытовые и любовные), чем в других чеховских произведениях, где классик использует сократическое начало как мифологему.

Заключение

Таким образом, можно говорить об устойчивой связи сократического начала с героем-врачом в произведениях А. П. Чехова 1890–1900-х гг.: именно доктор в рамках мифопоэтической системы писателя мыслится последовательным носителем сократических идей. Черты, свойственные героям-докторам, оказываются сопряжены с ницшевской знаковой системой.

Кроме того, фиксируются изменения в изображении данного типа героя, связанные с его переоценкой: в драме «Три сестры» сократический герой переживает крушение знаковых идеалов, что свидетельствует о нежелании автора возвышать этот тип над другими (аполлоническим и дионисическим). Последнее указывает на постепенную утрату героем-врачом близости к функции выражения авторской позиции. Также персонажи данного типа утрачивают активную сюжетообразующую роль, перестав напрямую создавать условия для возникновения важного конфликта героев, являющихся носителями аполлонического и дионисического начал.

Чехов как носитель модернистского художественного сознания в России 1890-х гг. работает с различными по источникам культурно-историческими знаками (не только с ницшевскими). Прояснение этой природы и стратегии мышления эпика и драматурга будет только нарастать.

Список источников

- Бердников Г. П. 1984. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. 3-е изд., доработанное. М.: Художественная литература. 512 с.
- Бочаров С. Г. 2007. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур. 656 с.
- Бялый Г. А. 1956. А. Чехов // История русской литературы: в 10 т. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР. С. 345–432.

- Долженков П. Н. 2003. Чехов и позитивизм. 2-е изд., испр. и доп. М.: Скорпион. 190 с.
- Зингерман Б. И. 1988. Театр Чехова и его мировое значение. М.: Наука. 384 с.
- Казаков А. А. 2011. Композиция повести Чехова «Дуэль» в ценностном аспекте // Чехов и время: сб. статей / под ред. Е. Г. Новиковой. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 67–74.
- Капустин Н. В. 2011. Ницше // А. П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. М.: Просвещение. С. 323–324.
- Катаев В. Б. 2004а. Два поединка («Княжна Мери» и «Дуэль») // Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры. С. 37–43.
- Катаев В. Б. 2004б. Христос и Дарвин в мире Чехова // Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры. С. 157–166.
- Комаров С. А. 2000. «Рождение трагедии» Ф. Ницше как один из источников мифопоэтики комедии А. П. Чехова «Чайка» // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. С. 34–40.
- Комаров С. А. 2002. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века. Тюмень: Изд-во ТГУ. 248 с.
- Комаров С. А., Шукст Н. С. 2024. Дорн как тип сократического героя в пьесе А. П. Чехова «Чайка» // Культура и текст. № 1. С. 44–52.
- Кубасов А. В. 2015. Фридрих Ницше в русской прозе конца XIX века: ироники и адепты (А. П. Чехов и П. Д. Боборыкин) // Уральский филологический вестник. Русская классика: динамика художественных систем. № 3. С. 158–174.
- Маслова Е. А. 2008. Ницшевский слой в пьесах А. П. Чехова «Дядя Ваня» и «Три сестры»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 20 с.
- Маслова Е. А. 2011. Три сестры // Языковые стратегии русской драматургии (введение в экографию): коллективная монография / под ред. С. А. Комарова. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 120–151.
- Маслова Е. А. 2014. «Дядя Ваня» и «Три сестры»: мифопоэтика постсибирских драм А. П. Чехова // Извне и изнутри Сибири: А. Чехов — А. Вампилов — В. Шукшин: коллективная монография / под общ. ред. С. А. Комарова. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова. С. 189–216.
- Меве Е. Б. 1989. Медицина в жизни и творчестве А. П. Чехова. Киев: Здоровья. 277 с.
- Мурьянов М. Ф. 2001. О символике чеховской «Чайки» // Чеховиана. Полет «Чайки». М.: Наука. С. 206–221.
- Ницше Ф. В. 2022. Так говорил Заратустра. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Юрайт. 314 с.
- Паустовский К. Г. 1958. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во художественной литературы. 704 с.
- Рейфилд Д. 2022. Жизнь Антона Чехова. Испр. и доп. издание. М.: КоЛибри. 896 с.
- Чехов А. П. 1985. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 7. М.: Наука. 736 с.
- Чехов А. П. 1986. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 13. М.: Наука. 525 с.
- Шубин Б. М. 1982. Доктор А. П. Чехов. Изд. 3-е, доп. М.: Знание. 176 с.

References

- Berdnikov, G. P. (1984). *A. P. Chekhov. Ideological and Creative Quests* (3rd ed.). Khudozhestvennaya Literatura. [In Russian]
- Bocharov, S. G. (2007). *Philological Plot. Yazyki slavianskykh kultur*. [In Russian]
- Byaly, G. A. (1956). A. Chekhov. In *History of Russian Literature: in 10 vols.* (Vol. 9, pp. 345–432). Izd-vo AS USSR. [In Russian]
- Dolzhenkov, P. N. (2003). *Chekhov and Positivism* (2nd rev. ed.). Scorpion. [In Russian]
- Zingerman, B. I. (1998). *Chekhov's Theater and Its World Significance*. Izd-vo Nauka. [In Russian]
- Kazakov, A. A. (2011). Composition of Chekhov's *The Duel* in the value aspect. In E. G. Novikova (Ed.), *Chekhov and Time: A Collection of Articles* (pp. 67–74). Tomsk University Press. [In Russian]
- Kapustin, N. V. (2011). Nietzsche. In V. B. Kataev (Ed.), *A. P. Chekhov. Encyclopedia* (pp. 323–324). [In Russian]
- Kataev, V. B. (2004a). Two duels (*Princess Mary* and *The Duel*). In *Chekhov Plus...: Predecessors, Contemporaries, Successors* (pp. 37–43). Yazyki Slavyanskaya Kultura. [In Russian]
- Kataev, V. B. (2004b). Christ and Darwin in Chekhov's world. In *Chekhov Plus...: Predecessors, Contemporaries, Successors* (pp. 157–166). Yazyki Slavyanskaya Kultura. [In Russian]
- Komarov, S. A. (2000). *The Birth of Tragedy* by F. Nietzsche as one of the mythopoetics sources for A. P. Chekhov's comedy *The Seagull*. *Tyumen State University Herald*, (4), 34–40. [In Russian]
- Komarov, S. A. (2002). *A. Chekhov — V. Mayakovsky: Comediographer in Dialogue with Russian Culture of the late 19th–early 20th c.* UTMN-Press. [In Russian]
- Komarov, S. A., & Shukst, N. S. (2024). Dorn as a type of Socratic protagonist in A. P. Chekhov's play *The Seagull*. *Culture and Text*, (1), 44–52. [In Russian]
- Kubasov, A. V. (2015). Friedrich Nietzsche in Russian prose of the late 19th c.: ironists and adepts (A. P. Chekhov and P. D. Boborykin). *Ural Philological Herald. Russian Classics: The Dynamics of Artistic Systems*, (3), 158–174. [In Russian]
- Maslova, E. A. (2008). *Nietzschean layer in A. P. Chekhov's plays Uncle Vanya and Three Sisters*. [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Maslova, E. A. (2011). Three Sisters. In S. A. Komarov (Ed.), *Language Strategies of the Russian Dramaturgy (Introduction to Ecography)* (pp. 120–151). UTMN-Press. [In Russian]
- Maslova, E. A. (2014). *Uncle Vanya and Three Sisters: mythopoetics of A. P. Chekhov's post-Siberian dramas*. In S. A. Komarov (Ed.), *From Outside and Inside Siberia: A. Chekhov–A. Vampilov–V. Shukshin* (pp. 189–216). Izd-vo IGPI im. P. P. Ershova. [In Russian]
- Meve, E. B. (1989). *Medicine in the Life and Work of A. P. Chekhov*. Zdorovya. [In Russian]
- Muryanov, M. F. (2001). On the symbolism of Chekhov's *The Seagull*. In *Chekhoviana. Flight of The Seagull* (pp. 206–221). Nauka. [In Russian]
- Nietzsche, F. V. (2022). *Thus Spoke Zarathustra. The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism*. Yurait. [In Russian]
- Paustovsky, K. G. (1958). *Collected Works in 6 vols. Vol. 2. Gosudarstvennoye izdatelstvo hudozhestvennoy literatury*. [In Russian]
- Rayfield, D. (2022). *Life of Anton Chekhov* (Rev. ed.). KoLibri. [In Russian]
- Chekhov, A. P. (1985). *The Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. Essays. Vol. 7*. Nauka. [In Russian]

Chekhov, A. P. (1986). *The Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. Essays. Vol. 13.* Nauka. [In Russian]

Shubin, B. M. (1982). *Doctor A. P. Chekhov* (3rd ed.). Znanie. [In Russian]

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Комаров, доктор филологических наук, профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Никита Станиславович Шукст, студент, кафедра языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
nshukst@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8490-8259>

Information about the authors

Sergey A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia
vitmark14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4506-4027>

Nikita S. Shukst, Student, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia
nshukst@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8490-8259>

Образное отражение Николая Чехова в рассказах его братьев Александра и Антона

Александр Васильевич Кубасов✉

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: kubas2002@mail.ru✉

Аннотация. Обращение к образному отражению Николая Чехова в произведениях его братьев связано с проблемой прототипа. Выявление «натурщиков» помогает лучше понять механизм преобразования Александром и Антоном Чеховыми эмпирической реальности в ткань художественного произведения и связанные с этим различия их поэтик. Практика изображения близких знакомых и родных была привычной для всех трех братьев Чеховых, с тем различием, что Николай воплощал это в рисунках и картинах, а Антон и Александр — в беллетристике. Раскрытие прототипов важно для расширения представления о «семейной хронике» Чеховых, создаваемой с помощью художественного дискурса. Одним из продуктивных ключей для опознания прототипов у Антона Чехова может служить сравнение содержания его рассказов с рассказами Александра. В статье предпринят компаративный анализ рассказа Александра Чехова «День творчества» с произведениями его брата. В итоге делается вывод о преимущественном внимании Александра к биографическому, бытовому началу, а Антона — к беллетристическому, художественному. Это различие приведет братьев Чеховых к совершенно разным жизненным и литературным итогам.

Ключевые слова: братья Чеховы, Николай Чехов, Александр Чехов, Антон Чехов, проблема прототипа, поэтика рассказа

Цитирование: Кубасов А. В. 2024. Образное отражение Николая Чехова в рассказах его братьев Александра и Антона // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 67–81. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-67-81>

Поступила 09.05.2024; одобрена 26.06.2024; принята 01.07.2024

The figurative reflection of Nikolai Chekhov in the stories of his brothers Alexander and Anton

Alexander V. Kubasov✉

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Corresponding author: kbas2002@mail.ru✉

Abstract. The appeal to the figurative reflection of Nikolai Chekhov in his brothers' works is associated with the problem of the prototype. Identifying the "sitters" helps to understand the mechanism of Alexander and Anton Chekhovs' transformation of empirical reality into the fabric of an artwork, as well as the associated differences in their poetics. The practice of depicting close friends and relatives was common for all three Chekhov brothers. The difference was that Nikolai embodied this in drawings and paintings, while Anton and Alexander chose fiction. The disclosure of prototypes is important for expanding the idea of the Chekhovs' "family chronicle" created with the help of artistic discourse. One of the productive keys for identifying the prototypes in A. Chekhov's stories can be a comparison of the content of his stories with the texts by Alexander. The article undertakes a comparative analysis of Alexander Chekhov's short story "The Day of Creativity" with the works of his brother. The results show Alexander's predominant attention to the biographical everyday origin, while Anton prefers the fictional and artistic origin. This difference will lead the Chekhov brothers to completely different life and literary results.

Keywords: Chekhov brothers, Nikolai Chekhov, Alexander Chekhov, Anton Chekhov, prototype problem, story poetics

Citation: Kubasov, A. V. (2024). The figurative reflection of Nikolai Chekhov in the stories of his brothers Alexander and Anton. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 67–81. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-67-81>

Received May 9, 2024; Reviewed Jun. 26, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

Длительное время имя Николая Чехова играло лишь вспомогательную роль при характеристике творчества его великого брата и упоминалось, как правило, а пропус. Отчасти такое положение вещей объясняется тем, что Николай Павлович был художником, а не беллетристом. Однако в конце XIX в. связь изобразительного искусства с литературой была

весьма тесной, особенно если речь идет о таком явлении, как газетно-журнальная юмористика, где иллюстрация играла важнейшую роль. Антон Чехов, поддерживая Николая, был автором ряда подписей к его рисункам. К настоящему времени творчество Николая Чехова стало изучаться и само по себе, не только в связи с произведениями его среднего брата. Назовем прежде всего работы А. Н. Подорольского, собравшего рассеянные по малодоступным юмористическим изданиям рисунки брата писателя и выпустившего затем альбом с ними. Ему же принадлежит ряд статей исследовательского характера, в которых воссоздается литературно-художественный контекст эпохи, многое определивший в творчестве Николая Чехова [Подорольский, 2007, 2008, 2013]. Не обходят вниманием художника Чехова и авторы работ, посвященных его друзьям и приятелям по Училищу живописи, ваяния и зодчества [Гармасар, 2020; Журавлева, 2023; Минералова, Олюнина, 2021; Подорольский, 2014; Ханило, 1996; Gregory, 2015].

Важен еще один аспект обращения Антона к брату Николаю, который связан с проблемой прототипа в произведениях Чехова. Выявление «натурщиков» помогает лучше понять механизм преобразования эмпирической реальности в ткань художественного произведения, характер «внутренней биографии» писателя [Кубасов, 2018]. Прототипы важны для уяснения творческого метода, особенностей поэтики, но главное — они помогают увидеть произведение в новом ракурсе, углубить его содержание, раскрыв в нем дополнительный смысл. С этой точки зрения, исследователя должно заинтересовать творческое взаимодействие братьев Чеховых.

Результаты и обсуждение

М. П. Громов точно заметил: «Письма Чехова к братьям имеют далеко не только личный, а широкий общий смысл; в этом смысле они важны, ради него они, всего вероятнее, и писались» [Громов, 1989, с. 348]. Из этого справедливого утверждения логически вытекает другое: некоторые рассказы Чехова имеют не только «общий смысл», но еще и носят характер имплицитного личного послания братьям. Иначе говоря, отдельные произведения Антона и Александра Чеховых могут быть представлены как двуадресные тексты: помимо «широкого общего смысла» для публики газеты или журнала, они обладали латентной дополнительной семантикой, понятной узкому кругу родных, способных разглядеть источники отраженных в них реалий или обстоятельств.

Практика изображения близких знакомых и родных была привычной для всех трех братьев Чеховых, с тем различием, что Николай воплощал это в рисунках и картинах, а Александр и Антон — в беллетристике. Иногда «натурщики» узнавали себя в образном отражении, и это не всегда доставляло им радость. Сохранилось свидетельство острой реакции таганрожцев на рисунок Николая с подписью Антона в юмористическом журнале «Зритель». Летом 1882 г. Александр жил в родном городе, откуда писал в Москву, адресуясь Антону и Николаю:

«Если вам обоим дороги ваши бока, то не советую вам ездить в Таганрог. Лободины, Селиванов, сродники и южики — все сплошь серьезно обозлены на вас за „Свадьбу“ в „Зрителе“. Здесь на эту карикатуру смотрят как выражение чернейшей неблагодарности за гостеприимство» [Луппол, 1939, с. 68–69].

Далее Александр передает слова одного из обиженных:

«Я вам скажу, что это со стороны Ант. Павл. и Никол. П. низко и недобросовестно почерпать материалы для своих карикатур из тех домов, где их принимали как родных. Я лично старался им высказать, когда они здесь были, самое большое внимание и в благодарность за это попал в карикатуру. Нарисовали мою голову и прилепили к черт знает какому туловищу. Я не знаю, чем я заслужил это оскорбление» [Дуппол, 1939, с. 68–69].

Признание невольного «натурщика» позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, ему было легче узнать себя на рисунке, чем в литературном произведении (если бы оно было вместо подписи к рисунку); во-вторых, изображение носило характер шаржа, что было продиктовано не столько негативным отношением художника к родственнику, сколько типом издания, которое предъявляло определенные требования к жанру рисунка и текста. И третье: художник, как и литератор, мог соединять правдоподобие с вымыслом (нарисованный признал своей только голову), при этом иллюстрация была первичным аргументом для доказательства сходства «натурщика» с изображением в карикатуре и тем самым помогала ему опознать себя в тексте. Без иллюстрации опознание прототипа сделать было сложнее из-за более высокого уровня условности литературного произведения.

Помимо близких знакомых, братья вполне успешно изображали и друг друга. Так, Антон явно фигурирует на карикатуре Николая «Татьянин день в Москве», послужившей обложкой для январского номера журнала «Будильник» за 1882 г. Вероятно, могли опознать себя на рисунке и другие друзья и приятели Николая Павловича.

Подобно тому, как художник помещает натурщиков в измененном виде на свое полотно, так и литератор трансформирует прототип, вписывая его в художественный мир произведения и подчиняя своей художественной телеологии [Володина, 2016]. Многочисленность персонажей в произведениях Чехова требовала от него постоянного расширения круга знакомств. В письме А. С. Суворину от 25 февраля 1895 г. он обронил две фразы о Елене Шавровой, подписывавшей свои произведения псевдонимом: «Если увидите Елизавет Воробей, то скажите ей, что мне хотелось повидаться с ней, но помешали обстоятельства. *Надо бы изобразить ее в какой-нибудь повести или в рассказе*, проект которого я изложил Вам в одном из последних писем» (П. VI, с. 28)¹. После пятнадцати лет работы в литературе Чехов по-прежнему не чурался пользоваться прототипами, в роли которых выступали всё более далекие от него люди, тогда как литературное отражение родных чаще встречалось в ранних его произведениях.

Одним из продуктивных ключей для опознания прототипов у Чехова может служить творчество его брата Александра [Белова, 2019]. При всех незаурядных интеллектуальных способностях и даже гениальных задатках, он так и не сумел выйти за пределы массовой литературы. На протяжении своего длительного творческого пути Александр Павлович оставался больше фотографом действительности, чем талантливым художником.

¹ Здесь и далее цитируется Полное собрание сочинений Чехова [Чехов, 1974–1983], ссылки даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы. Серия писем обозначается П. Курсив везде мой. — А. К.

(Александр был фотографом и в прямом смысле этого слова и даже написал книжку по фотоделу [Чехов, 1892].) Важен и другой момент: старший брат ревниво относился к литературным успехам младшего и временами вызывал его на негласный поединок в творчестве, а то и просто перелицовывал его произведения на свой лад. Многоопытный Н. А. Лейкин писал Чехову 18 мая 1885 г. об Александре: «Громадный недостаток Вашего брата в том, что он Вам рабски старается подражать и берет даже те сюжеты, на которые Вы уже писали. Советую написать ему об этом» [Переписка А. П. Чехова..., т. 1, с. 178]. Александру об этом мнении издателя «Осколков», видимо, было доложено, и он решил проблему достаточно просто: свои перелицованные «заимствования» публиковал в других журналах по отношению к рассказу-донору.

Ряд литературных героев Антона и Александра был списан с их брата Николая, послужившего для них прототипом. Александр особенно сблизился с Николаем в конце семидесятых годов, когда они оказались вместе в Москве, на какое-то время оторванными от семьи, остававшейся в Таганроге. В первопрестольной столице братья поначалу рьяно взялись за учебу. Александр писал Антону 17 марта 1878 г.: «Николай не на шутку стал подыматься, что меня искреннейше радует. Ни к кому из братьев я так не привязан, как к нему. Славный он малый» [Луппол, 1939, с. 49]. Николаю Павловичу в тот год исполнилось двадцать лет, и он подавал блестящие надежды, недаром его близкими друзьями были И. И. Левитан и Ф. О. Шехтель, один из будущих создателей стиля модерн в архитектуре. Однако надежды так и остались надеждами, не воплотившись во что-то значимое. Для Антона и Александра как авторов рассказов Николай воплощал собой определенный тип — представителя богемы, бедного художника, человека талантливого, мягкого и доброго по характеру, но безалаберного и непутевого. Главное качество, выделяющее его из толпы обывателей, — талант, дарованная свыше способность воплощать свои чувства, переживания и наблюдения в яркие художественные образы. Недаром одно из писем Антона Александру завершается знаменательной фразой: «Ты и Николка показали себя художниками» (П. I, с. 119). Здесь же напомним об известном письме Чехова Николаю, написанном в марте 1886 г., где излагается кодекс талантливого человека, контрастный той житейской практике, что была у брата (П. I, с. 223–224).

Николай стал фигурировать в произведениях Антона едва ли не с первых его опытов. А. Н. Подорольским проанализированы многие произведения Чехова, в которых под маской героя фигурирует Николай. Перечислим их: «Кому платить», «Салон де варьете», «Зеленая коса», «Завещание старого, 1883-го года», «Сон репортера», «Жены артистов», «75 000», «Моя она», «Тапер», «Ряженые» и ряд других. Исследователь справедливо характеризует некоторые из рассказов как своеобразные письма-послания брату-художнику, потому что в них прослеживается «ряд черт и особенностей характера Николая» [Подорольский, 2007, с. 122]. Несмотря на обширный материал, представленный в данной работе, он может быть дополнен за счет обращения к творческому взаимодействию Александра и Антона. Как и младший брат, Александр Павлович столь же часто обращал на Николая свой взор беллетриста.

В предпоследнем номере журнала «Будильник» за 1886 г. был опубликован рассказ «День творчества» Александра Павловича, подписавшего рассказ псевдонимом

А. Единицын. Начинается он с характеристики главного героя: «Художник Егор Егорович Груздев был истинным художником: он был космат, носил шляпу а ля Вандик, одевался в коротенький пиджачок, носил брюки с бахромою у пяток и всегда выбирал номер, выходящий окнами на сквер. Кроме этого, у него было еще множество привычек, свойственных только одним художникам и недоступных смертным другого цеха; так например, он начинал массу картин и не оканчивал ни одной, шестой год искал сюжет для десятиаршинного произведения „на медаль“ и все свои этюды вешал на стену боком или вверх ногами, чтобы „не приедались“. В номере, носившем громкое название мастерской, царил художественный беспорядок: окурки бросались на пол, из-под стола и стульев торчали горлышки бутылок, из-под кровати высовывались шкурки колбасы, хвостики селедки и прочие предметы вдохновения. Палитра лежала на стуле, ящик с красками под стулом, а кисти в живописном беспорядке разбегались по подоконникам» [Единицын, 1886, с. 591]. Описание быта художника является почти копией того, о чем Александр сообщал в письмах Антону. Ср.: «Николай начинает новые картины и не оканчивает. Он теперь влюблен, но это не мешает ему бывать в *Salon de Variete*, канканировать там и увозить барышень на всенощное бдение» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 53]. Примета костюма Груздева — «шляпа а ля Вандик» переключается с такой же деталью из рассказа Антона «Жены артистов» (1880): «Франческо Бутронца, в шляпе *à la Vandic* и в костюме Петра Амьенского, стоял на табурете, неистово махал муштабелем и гремел» (I, с. 55). Николай отчасти отзывается в образе Бутронцы. Переключается образ Груздева и с другими героями Чехова.

Далее в рассказе Александра описывается процесс творчества у Егора Егоровича. Он пытается дорисовать начатую картину, но бросает, объясняя это тем, что не может работать без натурщицы. Вскоре появляется она сама, и дается ее характеристика: «Она ходит к нему на натуру по четвертаку за час и уже три или четыре месяца не получала от него ни копейки, но все-таки продолжает ходить, потому что, во-первых, боится, чтобы деньги не пропали, а во-вторых — ей лестно попасть на картину. В простоте сердечной она верит, что Егор Егорович создаст непременно великое произведение на удивление всему миру и тогда у него будет вдоволь и чаю, и сахару, и табаку» [Единицын, 1886, с. 591].

Двойственность положения натурщицы передает замысел картины, которую пишет Груздев. Он изображает ее в роли Аспазии, легендарной гетеры и возлюбленной греческого полководца Перикла. Таким образом, герои предстают как бы в двойном ракурсе: как современные ординарные обыватели, при этом мнящие себя подобием личностей из античного мира:

«Катя сбрасывает торопливо рваное пальтишко и платок и становится у дверей.

— Аспазию? — спрашивает она коротко.

— Аспазию.

Ей уже давно известен сюжет картины. Она выучила и позы, и имена действующих лиц. Она знает, что Аспазия держит правую руку вперед с выпяченным правым бедром и слегка подогнутым левым коленом.

Она принимает эту позу и каменеет, а Егор Егорович трет кистью по палитре и командует:

— Голову правее... Много... Чуть-чуть назад... Вот так... Так и держись» [Единицын, 1886, с. 591–592].

Далее художник придумывает сам себе разные препятствия, которые якобы мешают работать: то не тот холст, что надо, то ему страстно хочется курить, то нет нужной краски. Узнав про соседей по номерам, тоже, видимо, художников, Груздев уходит к ним якобы по делу, оставляя Катю в мастерской:

«— Коровкин дома? — спрашивает он пасмурно.

— Дома.

— Один?

— Нет, с Гусятниковым. Когда я к ним ходила, они посылали за водкой.

— А на закуску что?

— Велели чего-нибудь... Огурцы...

— Пьяницы чертовы...» [Единицын, 1886, с. 592].

Фамилия *Коровкин*, внесценического персонажа, может быть интерпретирована как трансформация реальной, образованной от хорошо знакомой братьям фамилии художника *К. А. Коровина*. Фамилия второго приятеля Груздева — *Гусятников* — намекает на самого Александра. Почти через полвека после рассказа «День творчества» кинематографисты придумали термин «камео». Им обозначают прием, когда режиссер на секунды появляется под маской героя в эпизоде своего фильма. Гусятников — это литературное «камео» Александра [Кубасов, 2022].

Груздев уходит к товарищам и возвращается от них пьяным и подобревшим. Водки для подвыпившего, как всегда, оказывается мало:

«Егор Егорович в полупьяном восторге целует Катю в лоб.

— Достань...

Катя тает от поцелуя, натягивает на плечи рваное пальтишко, выходит и кивает головою Егору Егоровичу, который, свесившись через перила, кричит ей вслед:

— Смотри же, хорошей, а дряни не бери!..» [Единицын, 1886, с. 592].

Этим рассказ Агофопода Единицына и заканчивается. Если спроецировать содержание его на данные биографии Николая Павловича, мы, пожалуй, ничего особенно нового о нем не узнаем. Александр, сам страдавший от неумеренного потребления «горячих напитков» (П. I, с. 68), главную проблему брата-художника усматривал в том же пагубном пристрастии к алкоголю, что и отразил в «Дне творчества».

У рассказа Александра обнаруживается произведение-двойник, написанное Антоном. Основание для такого сближения дает номинация героев. Как и в «Дне творчества», персонажи рассказа «Слова, слова и слова» тоже именуются Груздевым и Катей. Является ли это случайным совпадением или за тождеством именослова скрывается нечто большее? Если всё-таки не случайность, то кто у кого «списывал»? Ответ на один из заданных вопросов легко получить путем сравнения времени публикаций произведений.

Рассказ Александра был напечатан через три года *после* произведения Антона. «Слова, слова и слова» вышли в одном из апрельских номеров журнала «Осколки» в 1883 г. (II, с. 500), после этого рассказ в сборники писателя не включался. К 1886 г. он был всеми основательно забыт и потому мог послужить отправной точкой для Александра, который не стал искушать судьбу, проверяя память Лейкина, и отправил свой рассказ в «Будильник».

Рассказ-сценка «Слова, слова и слова» начинается с обозначения места действия и краткой характеристики героев: «На большом номерном диване лежал телеграфист Груздев. Подперев кулаками свою *белокурую голову*, он рассматривал *маленькую рыжеволосую девушку* и вздыхал» (II, с. 113). Профессия главного героя нынешнему читателю представляется очевидным архаизмом, тогда как для современников Чехова она была наполнена противоположным смыслом. Телеграф был одним из символов технического прогресса, а телеграфисты — его проводниками. В отличие от новой профессии Груздева, род занятий Кати относится к числу древнейших. Она именуется «падшим созданием», прямое именование ее деятельности является табу, хотя всем было понятно, что скрывает данная перифраза.

Обозначение цвета волос у героев рассказа тоже семантически значимо. В рассказе «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?» сказано, что беллетристическим клише являются «белокурые друзья и рыжие враги» (I, с. 17). Белокурый Груздев выступает в роли мнимого друга для рыжей Кати, а она, в противовес ему, столь же условным врагом. Таким образом, с помощью всего двух деталей Антон создает контрастную пару героев с необходимой и достаточной характеристикой их.

Совпадение номинации героев в рассказах «День творчества» и «Слова, слова и слова» обусловлено тождеством прототипов. Александр лучше, чем кто-либо другой из семьи Чеховых, был способен к дешифровке образов в произведениях брата и возведению их к тем или иным прототипам. Груздев в «Дне творчества» потому и получил такую фамилию, что был «списан» с Николая Чехова и опознан в герое рассказа «Слова, слова и слова». Катя, как и Груздев, тоже имеет свою реально-бытовую подоплеку. В качестве прототипа обоим авторам послужила, очевидно, Анна Александровна Ипатьева-Гольден, которая была любовницей Николая, а потом стала его гражданской женой [Рейфилд, 2007, с. 68]. Александр Чехов впоследствии будет состоять в браке с сестрой Анны — Натальей Гольден, у них родится сын, названный в честь самого младшего из братьев Михаилом и ставший впоследствии гениальным актером.

Если рассказ Александра являет собой всего лишь картинку с натуры, то произведение Антона, тоже отражающее некоторые семейные реалии, выходит за пределы литературной «фотографии». Рассказчик предстает как свидетель диалога, происходящего в низовой социальной среде. Автор же возвышается над обитателями номерной жизни. Проявляется это, прежде всего, в названии рассказа. Для него взято общеизвестное выражение из трагедии Шекспира. Интертекст концентрированно передает авторское саркастическое отношение к героям и характеризует их как карикатуры, прежде всего, на Гамлета и Офелию, а для узкого круга читателей — на брата художника и его подругу [Кибальник, 2015].

Рассказ Антона отражает другое, чем у Александра, понимание проблем Николая. Оно прямо выражено в письме Лейкину от 15 сентября 1885 г.:

«От Агафопода писем не имею, где Николай, не знаю... Вероятно, последний в Москве. Судя по часто появляющимся в „Будильнике“ его рисункам, он не голоден и обретается в Москве... Надо бы остепенить эту человечину, да не знаю как... Все способы уже испробовал, и ни один способ не удался. *Всё дело не в выпивательстве, а в femme. Женщина! Половой инстинкт мешает работать больше, чем водка...* Пойдет слабый человек к бабе, завалится в ее перину и лежит с ней, пока рези в пахах не начнутся... <...> Агафопода тоже крутит баба... Когда эти две бабы отстанут, черт их знает!» (П. I, с. 159).

Оценка Николая как «слабого человека» совпадает с характеристикой, данной ему матерью. Евгения Яковлевна писала Александру о Николае: «Жаль его, он малодушный» [Кузичева, 2010, с. 31]. Рассказ «Слова, слова и слова» подкрепляет эти утверждения. Добавим, что задуманная Чеховым «История полового авторитета» (П. I, с. 63), будь она написана, вполне могла иметь в качестве объектов наблюдения среди прочих и его старших братьев. Конечно, не отвергал Чехов пагубного воздействия на Николая и алкоголя. В том же 1883 г., когда были написаны «Слова, слова и слова», он объяснял брату Ивану: «С Николаем мне не жить, не потому что я этого не хочу, а потому, что он сам не захочет. Он до 70-летнего возраста не расстанется со своими перинками и портерным образом жизни» (П. I, с. 90). Не исчезли «перинки» (эвфемизм *femme*) и «портерный образ жизни» и три года спустя, когда Николай стал прототипом для героя рассказа Александра «День творчества».

Прежде чем выносить обвинительный вердикт по поводу достаточно сомнительной «реинтерпретации» Александром рассказа брата, обратимся к событиям его жизни того времени. 28 июня 1885 г. он пишет Антону из Петербурга: «Милый братец Антошенька! Мудрое начальство, принимая во внимание мою усердную службу и литературные подвиги, назначает меня секретарем Новороссийской таможни на погибельном Капказе (sic. — А. К.) у хладных волн Черного моря» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 121–122]. В письме, отправленном с нового места, Александр хвастается: «Ты знал меня до сих пор как человека, делающего не то, что нужно. Я остался таким же и до сего дня. Я купил кусок земли и „строюсь“ на нем. Что из этого выйдет, не знаю, но вероятно — нечто целесообразное. И я в результате окажусь собственником. *Подробности найдешь в „Осколках“, где вероятно я буду изображать себя самого в разных видах*» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 126]. Признание Александра симптоматично: свое творчество он рассматривал лишь как приработок к жалованью. При этом круг его наблюдений был достаточно узок и связан с изображением «себя самого в разных видах». В начале 1886 г. у Александра рождается сын, «второй по счету и третий по незаконности» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 128], который был назван в честь брата Антоном. Первый сын не без влияния брата-художника получил имя Николай. К началу марта 1886 г. бравурное настроение Александра первых дней пребывания в приморском городе радикально меняется: «Мое положение в Новороссийске невыносимо. У меня за долги арестовано жалование и имущество. <...> ... денег у меня нет даже на муку Нестле, не то что на другие нужды. Пока еще не иссяк последний кредит

у мясника — едим впроголодь» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 133]. Ясно, что творчество в таких условиях было обусловлено элементарной борьбой за существование. Александр то и дело справляется в письмах к брату о гонорах из разных журналов, при этом трезво оценивает уровень своей литературной продукции: «... масса написана для „Осколков“, и „Сверчка“, и „Будильника“ и не решаюсь послать: *совестно за свои произведения*. Так и валяются...» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 136]. Очевидно, рассказ «День творчества» относится к этой же категории произведений. Служба Александра Павловича в Новороссийской таможне закончилась в том же 1886 г., и уже вскоре он вновь бодро писал Антону из Питера: «Так как ты читал мои письма к Анне и телеграммы, то знаешь, стало быть, что я работаю по вечерам у Суворина и по дням в „Русском Судоходстве“, за что вместе получаю 120 руб. в месяц» [Письма А. П. Чехову его брата, 1939, с. 140]. Начинаясь последний, петербургский этап в жизни автора «Дня творчества». Николай оставался жить в Москве и потому практически полностью исчез из поля зрения Александра. Втроем братья увидятся последний раз летом 1889 г. в имении Линтваревых, где художник скончается от туберкулеза. Шестью годами раньше Николая умер Фёдор Феодосьевич Попудогло, литератор и приятель братьев Чеховых. В письме Александру Антон написал нечто вроде некролога усопшему: «Царство ему небесное, вечный покой. Умер он от алкоголя и добрых приятелей, *nomina коих sunt odiosa*. *Неразумие, небрежность, халатное отношение к жизни своей и чужой — вот от чего он умер 37 лет от роду*» (П. I, с. 87–88). Написанный некролог вполне подходит и к Николаю, умершему 31 года от роду.

Литературным прощанием Чехова с братом-художником, видимо, следует признать рассказ «После театра» (1892). Считается, что он «первоначально входил в состав романа, над которым писатель работал в конце 80-х годов» (VIII, с. 417). В письме А. Н. Плещееву 9 февраля 1888 г. Чехов излагал этот литературный проект и, в частности, замечал: «Я жаден, люблю в своих произведениях многолюдство, а посему роман мой выйдет длинен. К тому же *люди, которых я изображаю, дороги и симпатичны для меня*, а кто симпатичен, с тем хочется подольше возиться» (П. II, с. 195). Самыми дорогими и симпатичными для Чехова были члены его семьи, несмотря на все их грехи и недостатки. Рассказ «После театра» построен на невидимом биографическом фундаменте. Надя Зеленина может быть спроецирована на Марию Павловну, а два ее ухаже-ра — на Николая Павловича. Рассказ писался тогда, когда брат-художник был еще жив, но опубликован уже после его смерти. В отличие от Александра, у которого дистанция между образом и прототипом была подчас весьма короткой, Антон предпочитал эту связь делать малозаметной даже для своих «натурщиков», не говоря уже о читателях.

Надя Зеленина под влиянием посещения оперы «Евгений Онегин» на манер Татьяны села писать письмо своим почитателям. Их двое — офицер Горный и студент Груздев. Чехов не испытывал трудностей в номинации героев, и то, что он спустя годы повторил фамилию *Груздев*, надо расценивать как знак его возвращения к прежнему прототипу. Ко времени написания романа в конце 80-х гг. Чехов далеко ушел от манеры осколочной литературы. И в рассказе «После театра» он придал некоторые черты Николая обоим «внесценическим» персонажам.

Николай Павлович, помимо таланта живописца, был одарен музыкально и прекрасно играл на рояле. Поговорить о музыке и ее исполнителях он, видимо, тоже любил. Антон сообщает Александру зимой 1887 г.: «Николай уже три дня живет у меня. Уверяет, что разошелся со своим бергамотом (т. е. Анной Ипатьевой. — А. К.), и *корчит из себя влюбленного в Наденьку*. Ежеминутно толкует о женитьбе и собирается к Мальшеву. Как это ни пусто, но перемена в нем заметна громадная. Рисует он превосходно, пьет сравнительно немного и *о Шостаковском* (П. А. Шостаковский — дирижер симфонического оркестра в Москве. — А. К.) *не говорит*» (П. II, с. 33). Фрагмент из письма переключается с офицером Горным, влюбленным тоже *в Наденьку*. Про него сказано, что «все отлично знают, что *он страстно любит музыку*. Бесконечные споры о музыке, смелые суждения людей непонимающих держат его в постоянном напряжении, он напуган, робок, молчалив. *Играет он на рояле великолепно, как настоящий пианист*, и если бы он не был офицером, то наверное был бы знаменитым музыкантом» (VIII, с. 33). В письме Надя Зеленина уверяет Горного, а вместе с ним и себя, что у офицера высокое предназначение, и потому расточает ему комплименты, характерные не столько для военного, сколько для штатского: «Вы очень умны, образованны, серьезны, у вас громадный талант и, быть может, вас ожидает блестящая будущность...» (VIII, с. 32).

По сравнению с Горным, о студенте Груздеве сказано мало: «Приедет и Груздев. Он будет играть с нею в крокет и в кегли, рассказывать ей смешные или удивительные вещи» (VIII, с. 32). У Груздева талант не музыканта, а актера и рассказчика. Это качество тоже сближает героя с Николаем Павловичем. По свидетельству Марии Павловны, он успешно играл Ляпкина-Тяпкина в домашней постановке «Ревизора» [Чехова, 1960, с. 18–19]. Есть и другое косвенное подтверждение актерского таланта Николая. Оно отражено в рассказе Антона, который почти никогда не становится предметом специального анализа чеховедов.

В третьем номере журнала «Будильник» за 1886 г. вышел рассказ-сценка «У телефона», подписанный Чеховым псевдонимом *Брат моего брата*. Использование именно этого псевдонима является сигналом того, что в рассказе важную роль будет играть биографический подтекст. Телефон как бытовая реалья соотносится с телеграфом в «Слова, слова и слова». Рассказ «У телефона» написан, употребляя слово Чехова, «наотмашь» (П. I, с. 168), т. е. без особых художественных изысков. Содержание его сводится к попыткам героя-рассказчика дозвониться до «Славянского базара». У Чехова двумя годами раньше был рассказ «Перепутанные объявления» (1884). Рассказ «У телефона» варьирует старый прием, представляя путаницу телефонных разговоров¹. Итак, герой-рассказчик звонит в ресторан:

«— Никого нет дома... — отвечает *прерывистый детский голосок*. — Папа и мама к Серафиме Петровне поехали, а у *Луизы Францовны* грипп.

— Вы кто? Из „Славянского Базара“?

¹ Путаница, связанная с телефоном, была постоянным мотивом юмористической прессы. В одном из номеров «Будильника» под рисунком мужчины и женщины со слуховыми трубками дан диалог: «— Слышите? — Слышу... как вы толкаете мою ногу...» (Будильник. 1882. № 14. С. 174).

— Я — Серёжа... *Мой папа доктор...* Он принимает по утрам...

— Душечка, мне не доктор нужен, а „Славянский Базар“...

— Какой базар? (смех). Теперь я знаю, кто вы... Вы Павел Андреич... А мы *от Кати письмо получили!* (смех). *Она на офицере женится... А вы когда же мне краски купите?*

Я отхожу от телефона и минут через десять опять звоню...» (IV, с. 312).

Рассказчика, который пытается дозвониться до ресторана «Славянский базар», явно разыгрывают по телефону. Отвечающий подделывается под детский голос и утверждает, что тот, кто звонит, попал в квартиру. Выдает имитатора его смех и то, что он узнал по голосу человека на другом конце провода. Тот, кто называет себя Серёжей, находится именно там, куда пытается попасть герой-рассказчик, т. е. в ресторане. Чехов рассчитывает на то, что читатель, как и в других случаях, «субъективные элементы подбавит сам» (П. IV, с. 54). Понятно, что взрослый человек, прячущийся под речевую маску мальчика, явно находится в подпитии и потому склонен к розыгрышам. Такое актерское поведение было, очевидно, вполне в духе Николая Павловича. В диалоге героев подлинные реалии перемешаны с выдумкой. Братья Чеховы знали Луизу Францовну Файст по жизни в Таганроге. Марией Файст, сестрой Луизы, был увлечен Александр. Антон писал ему 9 марта 1876 г. из Таганрога: «Ich war gestern im Hause Alferakis auf einen Konzert, und sah dort deine Marie Feist und ihre Schwester Luise» (П. I, с. 14). Кстати, имя Луиза недаром было дано Чеховым жене Тонкого в рассказе «Толстый и тонкий» (1883). Упомянутая в рассказе «У телефона» Катя, как и Луиза, вызывала у братьев Чеховых определенные ассоциации с другой реальной женщиной. Наконец, выдает с головой Николая и его «детский» вопрос про краски. Итак, рассказ позволяет сделать вывод о незаурядных актерских данных у Николая Чехова, что и отразил его брат-беллетрист.

Возвратимся к рассказу «После театра». Надя вспоминает один из забавных рассказов Груздева. Поводом к нему послужила игра того «с пуделем Максимом». Закончилась она тем, что студент «рассказал про одного очень умного пуделя, который погнался на дворе за вороном, а ворон оглянулся на него и сказал: — Ах ты, мошенник!» (VIII, с. 34). Говорящий ворон побуждает вспомнить разговаривающих животных из «Записок сумасшедшего» Гоголя, любимого писателя Чехова. Помимо литературных аллюзий, этот фрагмент содержит и реально-бытовые намеки. Слово «мошенник» было в ходу у братьев Чеховых. Антон обращался к Александру: «Разбойник пера и мошенник печати!» (П. II, с. 137, 317). Много мошенничал в жизни и Николай. В письме другому брату, Михаилу, Чехов писал из Таганрога: «Среди людей нужно сознавать свое достоинство. *Ведь ты не мошенник, честный человек?* Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность» (П. I, с. 29). Таким образом, несмотря на то, что в рассказе «После театра» фразу про мошенника произносит «ученый пудель», она вдобавок обращена автором еще и на его братьев.

Заключение

Завершая разговор о Груздевых в произведениях Чехова, укажем на последние два контекста. В водевиле «Медведь» (1888) Смирнов говорит о своем должнике: «Приезжаю

к Груздеву — дома нет...» (XI, с. 300). Николай был постоянным заемщиком денег у Антона и при этом часто неуловим, так что промелькнувшая деталь явно навеяна его поведением. Нереализованной осталась фраза из Записной книжки I: «Педагогу: Его местоимению Ив. Ив. Груздеву» (XVII, с. 67). Возможно, здесь упрятаны слитые воедино Иван и Николай Чеховы: от первого взяты профессия и имя, а от второго — фамилия-маска, закрепившаяся в творчестве братьев Чеховых. Варианты Груздевых из водевиля и записной книжки демонстрируют *пределы редукции биографического материала*. Он мог быть сведен к разовой детали, только кажущейся случайной мимолетностью. Художественный мир каждого произведения Чехова складывался из частей, весьма разнородных по своему генезису, и свое место в нем занимали отдельные детали, в своих истоках восходящие к семье Чеховых.

Николай Чехов, изображавший братьев на своих картинах, сам становился предметом изображения в беллетристике Антона и Александра. Таким образом, три брата свидетельствовали друг о друге не только прямо, но и при помощи доступных им художественных средств.

Обращение к проблеме прототипа в литературном творчестве Антона и Александра позволяет увидеть точки их сближения и одновременно принципиальные различия. Общая эмпирическая действительность, которая окружала братьев, служила им исходным материалом. За образной картиной рассказов друг друга они видели еще и то, что стояло перед их «мольбертами» и что было недоступно пониманию обычного читателя. Преобразование бытовой реальности в художественный мир произведения строилось у Антона и Александра на разных основаниях. «Краски» и литературно-художественные телеологии у братьев Чеховых были разные. Для Александра важнее было житейское, биографическое начало, а для Антона — собственно беллетристическое. Это различие приведет их к совершенно разным жизненным и литературным итогам. Антон Павлович со временем обретет статус классика русской и мировой литературы, а Александра Павловича будут вспоминать прежде всего как его брата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Белова А. В. 2019. Библиография Александра Павловича Чехова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 1 (32). С. 34–44.
- Гармасар О. Г. 2020. Архитектор Ф. О. Шехтель и семья Чеховых // Гуманитарная парадигма. № 2 (13). С. 55–73.
- Громов М. П. 1989. Книга о Чехове. М.: Современник. 384 с.
- Вацуро В. Э. (ред.) 1996. Переписка А. П. Чехова: в 3 т. Т. 1. М.: Наследие. 592 с.
- Володина Н. В. 2016. «Телеология» как философско-эстетическая и историко-литературная категория // Stephanos. № 4 (18). С. 172–181.
- Журавлёва А. А. 2023. Пейзажи Левитана в рассказах Чехова // Чехов в меняющемся мире: биография, комментирование, поэтика: сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 г. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. С. 30–53.

- Кибальник С. А. 2015. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. Статьи, очерки, заметки. СПб.: Петрополис. 312 с.
- Кубасов А. В. 2018. Внутренняя биография писателя и средства ее создания в творчестве А. П. Чехова // Практики и интерпретации. Том 3 (1). С. 70–82.
- Кубасов А. В. 2022. Биографический и литературный контекст рассказа А. П. Чехова «Гусев» // Культура и текст. № 2 (49). С. 92–102.
- Кузичева А. П. 2010. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия. 844 с.
- Луппол И. К. (ред.) 1939. Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз. 566 с.
- Минералова И. Г., Олюнина М. В. 2021. Словесный портрет А. П. Чехова в воспоминаниях К. А. Коровина // Литература в школе. № 3. С. 37–47.
- Подорольский А. Н. 2007. Художник Николай Чехов в творчестве А. П. Чехова // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М.: Наука. С. 117–138.
- Подорольский А. Н. 2008. Художник Николай Чехов. Альбом-каталог. М.: Планета. 192 с.
- Подорольский А. Н. 2013. Чехов и художники. М.: Сам Полиграфист. 224 с.
- Подорольский А. Н. 2014. Ф. О. Шехтель — «Хорошему другу Антону Павловичу» // Продолжение Чехова: к 100-летию здания таганрогской городской библиотеки (проект Ф. О. Шехтеля): материалы IV науч.-практ. конф. (15–16 мая 2014 г., Таганрог). Таганрог. С. 45–56.
- Рейфилд Д. 2007. Жизнь Антона Чехова. М.: Б.С.Г.-Пресс. 783 с.
- Ханило А. В. 1996. Чеховы и художники «серебряного века» (По материалам Дома-музея А. П. Чехова в Ялте) // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М.: Наука. С. 286–290.
- Чехов Ал. П. (А. Единицын). 1886. День творчества // Будильник. № 49. С. 591–592.
- Чехов А. 1892. Химический словарь фотографа. СПб.: Изд. и тип. А. С. Суворина. 107 с.
- Чехов А. П. 1974–1983. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука.
- Чехова М. П. 1960. Из далекого прошлого. М.: ГИХЛ. 290 с.
- Gregory S. 2015. *Antosha & Levitasha. The Shared Lives and Art of Anton Chekhov and Isaac Levitan*. Norbert Illinois University Press. 248 pp.

References

- Belova, A. V. (2019). Bibliography of Alexander Pavlovich Chekhov. *Aktualnye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, (1), 34–44. [In Russian]
- Garmasar, O. G. (2020). Architect F. O. Shekhtel and the Chekhov family. *Gumanitarnaya paradigma*, (2), 55–73. [In Russian]
- Gromov, M. P. (1989). *The Book about Chekhov*. [In Russian]
- Vatsuro, V. E. (Ed.). (1996). *Correspondence of A. P. Chekhov in 3 vols. Vol. 1*. [In Russian]
- Volodina, N. V. (2016). “Teleology” as a philosophical-aesthetic and historical-literary category. *Stephanos*, (4), 172–181. [In Russian]
- Zhuravleva, A. A. (2023). Levitan’s landscapes in Chekhov’s stories. In *Chekhov in the Changing World: Biography and Comments* (pp. 30–53). [In Russian]
- Kibal’nik, S. A. (2015). *Chekhov and Russian Classics: Problems of Intertext*. [In Russian]
- Kubasov, A. V. (2018). The internal biography of the writer and the means of its creation in the works of A. P. Chekhov. *Praktiki i interpretatsii*, 3, 70–82. [In Russian]

- Kubasov, A. V. (2022). Biographical and literary context of A. P. Chekhov's story "Gusev." *Kultura i tekst*, (2), 92–102. [In Russian]
- Kuzicheva, A. P. 2010. *Chekhov. The Life of an Individual*. [In Russian]
- Luppel, I. K. (Ed.) (1939). *Letters to A. P. Chekhov from His Brother Alexander Chekhov*. [In Russian]
- Mineralova, I. G., & Olyunina M. V. (2021). Verbal portrait of A. P. Chekhov in the memoirs of K. A. Korovin. *Literatura v shkole*, (3), 37–47. [In Russian]
- Podorolskiy, A. N. (2007). Artist Nikolai Chekhov in the works of A. P. Chekhov. In *Chekhoviana. From the 20th c. to the 21st c.: Results and Expectations* (pp. 117–138). [In Russian]
- Podorolskiy, A. N. (2008). *Artist Nikolai Chekhov*. [In Russian]
- Podorolskiy, A. N. (2013). *Chekhov and the Artists*. [In Russian]
- Podorolskiy, A. N. (2014). F. O. Shekhtel — "To my good friend Anton Pavlovich". In *Continuing Chekhov: 100th Anniversary of Taganrog City Library's Building (F. O. Shekhtel' project)* (pp. 45–56). [In Russian]
- Reyfield, D. (2007). *Life of Anton Chekhov*. [In Russian]
- Khanilo, A. V. (1996). The Chekhovs and the artists of the Silver Age (based on materials from the A. P. Chekhov House-Museum in Yalta). In *Chekhoviana. Chekhov and the Silver Age* (pp. 286–290). [In Russian]
- Chekhov Al. P. (A. Edinitsyn). (1886). Creativity Day. *Budilnik*, (49), 591–592. [In Russian]
- Chekhov, A. (1892). *Photographer's Chemical Dictionary*. Izd. i tip. A. S. Suvorina. [In Russian]
- Chekhov, A. P. (1974–1983). *Complete Works and Letters in 30 vols*. [In Russian]
- Chekhova, M. P. (1960). *From the Distant Past*. [In Russian]
- Gregory, S. (2015). *Antosha & Levitasha. The Shared Lives and Art of Anton Chekhov and Isaac Levitan*. Norbert Illinois University Press.

Информация об авторе

Александр Васильевич Кубасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ОВЗ, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
kubas2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

Information about the author

Alexander V. Kubasov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
kubas2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

Школа — для дураков? Роман Саши Соколова в русском и зарубежном контексте

Галина Ивановна Данилина, Ксения Александровна Гринякина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000222851@study.utmn.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению нарративной структуры романа Саши Соколова «Школа для дураков». Объект исследования — *школа* как заглавный образ романа, пока не рассматривавшийся в соотношении с отечественным и зарубежным «школьным» контекстом.

Направленность анализа определяется транстекстуальностью романа в экстраполированном на образ школы плане. Выбор произведений определен отсылками в тексте романа — это русская и советская «школьная повесть»: «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Мальчик из Уржума» А. Голубевой, «Дом на горе» А. И. Мусатова и «Витя Малеев в школе и дома» Н. Н. Носова. Также мы обращаемся к репрезентативному произведению зарубежной классики — роману Г. Гессе «Игра в бисер», отсылки к которому у Саши Соколова различимы в идее свободного образования и воспитания личности, но еще не отмечены в науке.

Цель работы определила метод исследования — компаративный анализ на нарративном и концептуально-тематическом уровнях художественного текста. В процессе исследования раскрывается, что заявленный подход выводит на дополнительные концептуальные смыслы.

Согласно сложившейся точке зрения, школа в романе Саши Соколова — объект сатирического изображения. Однако анализ на уровне контекста выявляет более сложные и амбивалентные смыслы. Так, выясняется, что идеологическая советская и утопическая западная модель школы, как ни парадоксально, близки между собой. В обоих случаях это *школа мечты*, устроенная в соответствии с социальными идеалами; *школа-сад*, где возвращают *будущих полезных членов общества*.

Независимо от того, сведено личное «я» к нулю («школьная повесть») или бережно пестуется («Игра в бисер»), нарратив школы показывает: сама суть школьного воспитания требует нивелировать всё индивидуальное для подготовки учеников

к жизни в обществе. Тем самым «сатирический» нарратив школы — не самоцель, а средство-репрезентант, создающее основу нарратива творческой личности.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Школа для дураков», «школьная повесть», «Игра в бисер» Гессе, нарратив школы, повествовательная перспектива, точка зрения читателя

Цитирование: Данилина Г. И., Гринякина К. А. 2024. Школа — для дураков? Роман Саши Соколова в русском и зарубежном контексте // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 82–97. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-82-97>

Поступила 02.05.2024; одобрена 05.06.2024; принята 01.07.2024

Is the school for fools? Sasha Sokolov's novel in the Russian and international context

Galina I. Danilina, Kseniya A. Grinyakina✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000222851@study.utmn.ru✉

Abstract. This article studies the narrative structure of Sasha Sokolov's novel *School for Fools*. The focus lies on the school as the novel's title image, which has been rarely considered in the Russian and global "school" context. The focus of the analysis is determined by the transtextuality of the novel as extrapolated to the school image. The chosen material includes the works referenced in the novel, namely, the Russian and Soviet "school novels": *Tyoma's Childhood* by N. G. Garin-Mikhailovsky, *The Boy from Urzhum* by A. Golubeva, *The House on the Mountain* by A. I. Musatov, and *Vitya Maleev at School and at Home* by N. N. Nosov. Additionally, H. Hesse's novel *The Glass Bead Game* is mentioned as Sokolov references it in terms of the idea of free education and individual's, which has not been covered sufficiently in research literature. The texts are analyzed in comparison at the narrative and conceptual-thematic levels. The results reveal additional conceptual meanings. According to the established point of view, the school in Sokolov's novel is an object of satirical depiction. Yet, the context level analysis reveals more complex and ambivalent meanings: the ideological Soviet and utopian Western school models are paradoxically close to each other. In both cases, the models present a dream school, organized in accordance with social ideals; a "garden school," where education follows social ideals. Whether the personal self is reduced to zero (in school novels) or it is carefully nurtured (*The Glass Bead Game*), the school narrative shows that the very purpose of school education

requires the leveling of the individual to prepare students for their lives within the society. Thus, the satirical school narrative is not an end, but a means representative of and creating the grounds for the narrative of a creative personality.

Keywords: Sasha Sokolov, *School for Fools*, school novel, Hesse's *The Glass Bead Game*, school narrative, narrative perspective, reader's point of view

Citation: Danilina, G. I., & Grinyakina, K. A. (2024). Is the school for fools? Sasha Sokolov's novel in the Russian and international context. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 82–97. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-82-97>

Received May 2, 2024; Reviewed Jun. 5, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

Роман Саши Соколова «Школа для дураков» (1976) к настоящему времени изучен основательно и многосторонне. За десятилетия научно-критической рецепции сложилось несколько подходов к его исследованию. Прежде всего, это интертекстуальность (или транстекстуальность, в терминологии венгерского филолога Э. Вари) романного дискурса Саши Соколова, которая рассматривается как смысло- и формообразующий элемент: «Производятся структурообразующие реминисценции, указывающие на мифологические нарративы с одной стороны, на иное литературное наследство, с другой» [Вари, 2002]. Эта точка зрения репрезентирована в работах М. Н. Липовецкого, И. В. Азеевой, Э. Вари и др. ученых.

Внимательно изучается также «шизоидный дискурс» на уровне характеристики главного героя как творческой личности (А. Зорин [1989], В. Руднев и др.). Мысль о свободе как центральной идее романа высказывают П. Вайль, А. Генис, Д. Данилов, А. Битов, М. Берг. В первую очередь здесь рассматривается свобода языка. Так, А. Генис и П. Вайль определяют ряд языковых особенностей романа как «вивисекцию языка», к которой автор прибегает, чтобы «преодолеть зависимость от языковых структур» [Вайль, Генис, 1993]. О духе свободы и творчества в романе «Школа для дураков» говорит и А. Битов в послесловии к первой публикации романа в России (журнал «Октябрь», 1989 г.). Он видит в книге Саши Соколова «учебник для писателя», поскольку у учеников школы замечает способность к настоящему творчеству: «Все они были из поселка, с полустанка, неисправимые и прекрасные провинциалы и двоечники, которых непонимание общественного договора толкало к перу» [Битов, 1989].

Мы также придерживаемся данного подхода и полагаем, что идея свободы составляет принцип романного дискурса у Саши Соколова. При этом объект исследования в нашей статье — школа как заглавный образ романа, пока недостаточно рассматривавшийся в концептуальном аспекте.

Направленность анализа определяется транстекстуальностью романа, но в конкретном, экстраполированном на школу плане. К настоящему времени исследователями

актуализирован объемный пласт литературы, вовлеченной в роман (Э. По, Б. Л. Пастернак, А. С. Пушкин, «Деяния Апостолов») [Вари, 2002; Азеева, 2015; Баранов, 2019], но именно «школьный» контекст, как русский, так и зарубежный, остается без должного внимания. При этом его рассмотрение необходимо, чтобы точнее понять круг смыслов, охватываемый в романе этим заглавным образом. **Цель** нашей работы — выявить и проанализировать нарратив школы в романе Саши Соколова в сопоставлении с русским и зарубежным «школьным» контекстом.

Выбор произведений прямо или косвенно подсказан самим романом. Это русская и советская «школьная повесть»: упоминаемые в тексте романа «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Мальчик из Уржума» А. Г. Голубевой, «Дом на горе» А. И. Мусатова и «Витя Малеев в школе и дома» Н. Н. Носова. Также мы обращаемся к репрезентативному произведению зарубежной классики — роману Г. Гессе «Игра в бисер», отсылки к которому у Саши Соколова, с нашей точки зрения, отчетливо различимы в идее свободного образования и воспитания личности, но еще не отмечены в науке.

Цель работы определила **метод** исследования — компаративный анализ на нарративном и концептуально-тематическом уровнях художественного текста.

«Школьная повесть»: личность, коллектив, общество

«Образцовая Ударная школа»

Школа в романе Саши Соколова — учебное заведение, подчиненное нормам, не допускающим никаких отклонений и исключений — ярким маркером этого стало ее название: «специальная Образцовая Ударная школа имени отечественного математика Лобачевского». Мы считаем важным выделить это, поскольку роману не свойственно присвоение объектам действительности их предполагаемых этой действительностью имен — главный герой, обладающий измененным сознанием, нарекает места и персонажей собственными именами или вовсе опускает их, однако им не раз упоминается полное название школы, что становится возможным из-за постоянного повторения этого названия директором.

Директор Перилло в романе выступает как олицетворение закона нормативности общеобразовательного процесса, т. к. именно он, формируя вектор развития школы, исключает необходимость учитывать и валидировать особенности обучающихся, пытаясь создать из не предрасположенных к «нормальности» учеников потенциально полезных советскому обществу граждан, и использует при этом только формальные методы: «тапочную» систему и объяснительные записки. Примечательно, что в романе есть эпизод, когда учителю, чтобы остаться работать в школе, приходится подстроиться под авторитарные установки директора:

«Он дал мне испытательный срок — две недели, и чтобы не вылететь с работы, я решил проявить себя в лучшем виде. Я решил стараться и стараться. Я решил не опаздывать в школу, решил купить и носить сандалии, я поклялся вести уроки строго по плану» [Соколов, 1976, с. 146].

Этот подход М. Н. Липовецкий называет «хаосом насилия», окружающим главного героя в школе и сталкивающимся с «хаосом свободы» у него в душе, который определяет поток мифологизированного сознания героя [Липовецкий, 1997]. Такое противопоставление однозначно указывает на школу как тоталитарную систему, направленную на уничтожение индивидуальности учеников.

Установка на неукоснительную нормативность свойственна и многим учителям, причем они в еще большей степени, чем директор, влияют на процесс обучения. Наиболее интересной и значимой фигурой в контексте школы как инструмента насаждения нормы можно назвать преподавательницу литературы — Водокачку. Ироническое прозвище, которое главный герой (герои) дают своей учительнице литературы, говорит, очевидно, о ее внешности, но оно и метафорично: согласно словарю, водокачка — «специальное здание для насосов, перекачивающих воду из водоема к местам ее использования» [Евгеньева, 2005]. Разумеется, такое имя апеллирует к роли педагога в жизни ученика: он обязан вложить в головы школьников такое знание и таким образом, чтобы оно было практически применимо.

Преподавательница отмечает у главного героя обычно положительную черту — начитанность, но данная ею характеристика вопреки этому имеет негативную окраску. По мнению Водокачки, главный герой слишком начитан, при этом его читательский опыт сформирован «вредящими» произведениями: «мы бы не рекомендовали всё подряд, особенно западных классиков, отвлекает, перегрузка воображения, дерзит, заприте на ключ» [Соколов, 1976, с. 74]. Здесь мы видим прямое указание на взаимосвязь литературы и концепции свободы. В советское время западная литература воспринималась как один из катализаторов свободомыслия, что могло получать как негативный, так и положительный статус. Чтение об отличающемся опыте, взглядах и нормах часто приводит к сравнению и, как следствие, критической оценке того общества, в котором находится читатель. В Советском Союзе такая оценка неуместна, поэтому Водокачка старается купировать стремление ученика к интеллектуальному развитию и свободе мысли.

Для этого она использует ряд произведений, репрезентирующих идеальные и подходящие советскому обществу образы школы и школьника: большинство рекомендаций преподавательницы («Мальчик из Уржума», «Детство Тёмы», «Витя Малеев в школе и дома», «Дом на горе» и «Детство» М. А. Горького) принадлежат жанру школьной повести, одной из задач которой в сталинскую эпоху было формирование «образа стремительно взрослеющего ребенка, который наравне со взрослыми борется за идеалы нового государства» [Банах, 2021], и создание мифа о счастливом детстве, в контексте которого о ребенке сформировалось представление «как о... стойком, выносливом, трудолюбивом, преданном Родине и идеалам партии» [Банах, 2021].

Школьная повесть сосредоточена на том, чтобы показать «школьное воспитание, отношения между учениками и учителями, изображение плюсов и минусов существующей системы образования» [Бурдина, Шумилова, 2016]. Рекомендация именно такой литературы логична: специальная школа, игнорирующая особенности своих учеников, существует в их жизни как место воспитания образцового советского гражданина,

что указывает на игнорирование школой (ее преподавательским составом) своей беспомощности, поскольку применяемые в школе методы изначально не учитывают «особенных» детей.

Повесть Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы» (1891–1892)

Следуя этой концепции, Водокачка включает в список рекомендованной литературы «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского, где социальная норма, требования и потребность быть успевающим становятся главными идеями для ребенка. В ходе повествования в жизни главного героя появляется Директор, подобно Перилло безразличный к своим ученикам как к индивидуальностям:

«Если каждый ребенок начнет рассуждать с своей точки зрения о правах своего начальника, забьет себе в свою легкомысленную, взбалмошную голову правила какого-то товарищества, цель которого прежде всего скрывать шалости, — следовательно, в основе его — уже стремление высвободиться от влияния руководителя, — зачем же тогда эти руководители? <...> ...раз вы почему-либо признаете необходимостью для вашего сына общественное воспитание... вы тем самым обязаны беспрекословно признать все наши правила, созданные не для одного, а для всех» [Гарин-Михайловский, 1957].

Здесь высказана цель создать из учеников коллектив, построенный не на сочетании индивидуальных качеств его участников, а на принципе унификации.

В этом же тексте находим и свойственное системе безразличие преподавателей: «если чрез неделю вы не будете знать всего пройденного, я вам начну ставить единицы до тех пор, пока вы не нагоните» [Гарин-Михайловский, 1957] — у учителя географии, который произносит эту фразу, отсутствует стремление как-либо помочь ученику освоить упущенный материал, т. е. научить, что указывает на формальность намерения вырастить образованных и полезных людей в коллективе: на самом деле каждый из них по-прежнему изолирован от поддержки и одинок.

Примечательно, что «Детство Тёмы» — это единственное в списке рекомендаций Водокачки произведение, где «академический успех» и «полезность» имеют в некоторой степени насильственный характер. Остальные произведения, принадлежа к другой эпохе, транслируют идею активного добровольного участия ребенка в построении социалистического будущего. «Советская литература, — отмечает И. И. Тихомирова, — подсказывала нам, следуя за К. Д. Ушинским, „Чем человек как человек может и должен быть“» [Тихомирова, 2017]. Биографическая повесть о детстве С. М. Кирова, в будущем одного из соратников Сталина, была призвана убеждать в возможности стать честным и достойным человеком, находясь в любых условиях: главному герою, практически сироте, живущему в нищете в приюте, оказывается достаточно только его желаний и способностей, чтобы стать полноправным полезным членом советского общества.

«Мальчик из Уржума» А. Г. Голубевой (1970)

«Мальчик из Уржума» также становится произведением, в котором читатель (и ученик такой-то в том числе) найдет не соответствующую реальности специальной школы лояльность преподавателей к ученикам. В отличие от «Детства Тёмы», в тексте А. Г. Голубевой

неосведомленность ученика на уроке сопровождается не порицанием, а шутивным одобрением учителя за предпринятую попытку:

«— Ты что там шепчешь? — спросил Сократ Иванович.

— Сы — полбаранки, — повторил Сережа тихо, — пишется так.

— Молодец! Ну иди на место. А как твоя фамилия, „полбаранки“?» [Голубева, 1970, с. 56].

Эту и следующие рекомендации школьных повестей можем оценить как стремление Водокачки, одержимой идеей «правильной» социальной нормы, погрузить «ученика такого-то» в миф о советском ребенке, чтобы мотивировать его к старанию в учебе наравне с «нормальными» детьми.

«Витя Малеев в школе и дома» Н. Н. Носова (1951) и «Дом на горе» А. И. Мусатова (1951)

Еще один важный аспект советской школы — товарищество как способ достижения не индивидуальных, а коллективных результатов — репрезентируют рекомендованные Водокачкой повести «Витя Малеев в школе и дома» Н. Н. Носова и «Дом на горе» А. И. Мусатова. В обоих произведениях есть практически идентичные эпизоды, когда школьники приходят друг другу на помощь для повышения успеваемости. Так в «Вите Малееве...», где основная трудность главного героя заключается именно в освоении школьной программы, персонажи используют договоренность, выстроенную на принципе сравнения себя с другими, более успешными учениками, которая является мотиватором:

«— Ребята, давайте и мы возьмемся, — говорит Вася Ерохин. — Вот даю честное слово, что буду учиться не ниже, чем на четверку. Мы не хуже других.

— Верно! — говорю. — Я тоже берусь! До сих пор я не брался как следует, а теперь возьмусь, вот увидите. Мне, знаете, стоит только начать...» [Носов, 2021, с. 49].

Если у Носова договоренность связана с нежеланием быть хуже других, то в «Доме на горе» школьники-комсомольцы стремятся к лучшим показателям как участники общего дела в школе и колхозе:

«— Ребят в бригаду кто подбил? Ты сам. Значит, тяни их, поднимай...

— У тебя по каким предметам больше всего не ладится?

— По русскому и математике.

— Кто по русскому возьмется ему помочь? — спросил Митя у ребят.

— Я могу...» [Мусатов, 1951].

Товарищество как концепт оторвано от реальности специальной школы еще больше, чем мысль о лояльности учителей, что фактически приравнивает жанр школьной повести для *Ученика такого-то* к такой же «далекой» западной литературе, с ее мифологизирующей функцией.

Отметим также, что школа в этих произведениях предельно идеализируется. Так, девятая глава первой части «Дома на горе» называется «Родной дом», что демонстративно

определяет школу как любимое и безопасное, дорогое сердцу место, причем более значимое, чем семья: «Может быть, всё же сначала зайти домой, где она так давно не была?.. Нет, сперва в школу» [Мусатов, 1951].

Восприятие школы как дома становится возможным благодаря директору, который (в отличие от Перилло) доброжелательно определяет вектор эмоционального развития учеников. Фёдор Семёнович устанавливает дружеские отношения с учениками, он учитывает их личностные особенности; ему доверяет и молодая преподавательница, бывшая выпускница, вернувшаяся работать в «родной дом».

Директор, кроме того, и замечательный учитель-педагог, как для школьников, так и для односельчан, что в разговоре с детьми подчеркивает один из местных старожилов: «Да вы как понимаете, он только для вас, молодых, зеленых? А нам, пожилым да старым, так просто — жилец на селе? Ну нет, козыри, Фёдор Семёнович для всех учитель...» [Мусатов, 1951]. И далее в повести акцентируется значимость именно социальной, ориентированной на общество роли учителей: «У нашего брата, учителя, что ни шаг, то живой урок. <...> ... дети за ним во сто глаз следят, каждый жест ловят, каждое слово впитывают. Школа, она не только в классе, за партой — она повсюду» [Мусатов, 1951] (курсив наш. — Г. Д., К. Г.).

Так, у учеников в «Доме на горе» формируют социальные поведенческие модели, начиная от самых простых: «учителя высококовской школы добивались, чтобы ученики были вежливы и почтительны к взрослым, первыми приветствовали их при встрече, привыкали говорить „спасибо“ и „пожалуйста“» [Мусатов, 1951]. На протяжении лет в учениках всемерно поддерживается стремление стать настоящими советскими гражданами: «Так не упusti же дорогого времени, закаляй себя в годы молодости на всю жизнь, чтобы в будущем смело выдержать любые испытания, честно и достойно послужить своему народу, своей Родине!» [Мусатов, 1951] — этот фрагмент школьного сочинения учительница литературы называет лучшим в классе.

То, что школа «высоковская» и расположена «на горе», имеет, безусловно, идеологический смысл; воспитание ученика как «винтика» социалистического общества легитимирует ее особое, «возвышающееся» над окружающим миром предназначение. По наблюдению С. В. Бурдиной, у школы, «которая фигурирует в тексте не только как социальный институт, но и как конкретный пространственный образ (топос), — описания внешнего облика учебного заведения и классных интерьеров являются устойчивым структурным элементом произведений этого жанра» [Бурдина, Шумилова, с. 129–130]. Если внешний вид школы есть прямое отражение ее социальной роли, то «Дом на горе» в соположении со «школой для дураков» выражает резкое несоответствие идеализированной школьной реальности и реальности жизненной. Ведь «ученику такому-то» предлагается поверить в «Дом на горе» с добрыми учителями и цветущим и плодоносящим садом, за которым ухаживают счастливые ученики, тогда как в его спецшколе, засыпанной мелом и битым кирпичом, ученики изрисовывают кабинки туалетов скабрными выражениями.

Отметим, что рекомендации Водокачки указывают на ее амбивалентность как персонажа. Она отстраняет ученика от западной литературы, ограничивая его стремление

к свободе мысли, на самом деле просто перенаправляя его (что переключается с приведенным выше значением ее имени). М. А. Литовская в исследовании жанровой поэтики «школьной повести» отмечает: «Школьная повесть, сама в качестве популярного чтения являясь частью школьной повседневности, изменяясь в соответствии с требованиями времени, фиксирует разнородный материал, свидетельствующий о социальных практиках и политиках прошлого, которые исследователь ретроспективно, то есть со своим временным зазором, из мира иных практик и политик подвергает анализу» [Литовская, с. 290].

Несмотря на амбивалентность образа учительницы литературы, установка на нормирующую функцию чтения побеждает. Неслучайно Норвегов-Савл считает, что ученика следовало бы освободить от уроков словесности, иначе он будет обязан «с мучительной болью заучивать наизусть отрывки и обрывки произведений, называемых у нас литературой. Вы с отвращением будете читать наших замызганных и лживых уродцев пера» [Соколов, с. 124].

Присутствие в романе списка «развивающей» литературы в целом является указанием на подчинение личности социальным интересам и целям. При этом в тексте романа исследователями давно отмечено изобилие явных и скрытых цитат и отсылок к совсем иным авторам и текстам, противопоставленным рекомендованным для чтения авторам и воплощающим дух творческих исканий и свободного выбора.

«Школа для умных»: принцип свободы («Игра в бисер» Г. Гессе)

Очевидно, одним из прецедентных для Саши Соколова текстов мог быть роман Гессе «Игра в бисер» (1943), называемый исследователями в ряду многих других, связанных с постмодернистской «игрой» [Азеева, 2015]; на наш взгляд, в свете вопросов о «школе» и «дураках» роман Гессе требует более пристального внимания.

Полемическая направленность также сближает эти два произведения: Гессе создавал идеальный образ своей «педагогической провинции» Касталии в противовес немецкой школе времен национал-социализма, Саша Соколов — идеологизированной советской школе; в неприятии авторитарного обучения высказывалось и неприятие тоталитарного режима, отрицающего свободу личности.

Первый русский перевод романа Гессе, сделанный Д. Каравкиной и В. Розановым, появился в 1969 г., и с начала 1970-х «Игра в бисер» становится, как известно, одной из культовых книг в среде интеллектуалов [Сапрыкин, 2020]. Воспитание и свободное развитие личности в особой школе для духовной элиты — одна из главных тем романа «Игра в бисер», контрастно сближающая произведения Гессе и Саши Соколова. Как было показано, в детской литературе эпохи социалистического реализма проблема личности была малозначимой, а школьное образование соотносилось с воспитанием детей исключительно в интересах общества и коллектива. Поэтому роман Гессе, посвященный становлению личности, создавал для «школы» Саши Соколова более адекватный и актуальный контекст, причем в нескольких существенных отношениях.

Прежде всего это принцип свободы, на котором основана вся система школьного образования в «педагогической провинции», как она представлена в романе Гессе. Школьники и студенты сами выбирают, что им изучать и с какой глубиной и широтой подхода: студентам с разносторонними интересами «Ведомство предоставляет почти райскую свободу; учащийся может знакомиться с любыми науками, сочетать самые разные области занятий, влюбляться в шесть или восемь наук одновременно или с самого начала держаться узкого выбора» [Гессе, 1991, с. 88].

Во-вторых, сами предметы, которые изучают ученики, — это «семь свободных искусств», издавна, с античных времен, сложившийся в западноевропейской «школьной» традиции канон, в состав которого входят математика и музыка как главные дисциплины, а также астрономия, логика, филология (риторика, древние и новые языки).

В романе Гессе на идее свободы основана и подготовка учащихся к будущей профессии. Никого ни к чему не принуждают, на поиск своего призвания может уйти много лет, и важнейшая задача, которую ставят перед каждым молодым человеком, — ясно осознать свои желания, возможности, способности, т. е. понять самого себя как индивидуальность, как личность. В помощь ученикам разработаны специальные задания, одно из которых — сочинить несколько воображаемых «жизнеописаний» как вариантов собственной судьбы, гипотетически свершающейся в разных социальных мирах и культурных эпохах.

«Уже в древнейшие времена педагогической провинции вошло в обычай требовать от младших, то есть еще не принятых в Орден, студентов подачи от поры до поры особого вида сочинения, или стилистического упражнения, так называемого жизнеописания, то есть вымышленной, перенесенной в любое прошлое автобиографии. Задачей учащегося было перенестись в обстановку и культуру, в духовный климат какой-нибудь прошедшей эпохи и придумать себе подходящую жизнь в ней. <... > ... это было упражнением, игрой фантазии, попыткой представить себе собственное „я“ в измененных ситуациях и окружении» [Гессе, 1991, с. 88–89].

В роман «Игра в бисер» включены три жизнеописания, составленные главным героем: «Кудесник» (языческая картина мира), «Исповедник» (христианство), «Индийское жизнеописание» (буддизм), и каждое посвящено одной цели — найти свое призвание, место в жизни. Кроме того, в состав романа введен ряд стихотворений, связанных с той же центральной темой романа — трудных поисков своего «я»; и развивается она снова в новом, западноевропейском философском контексте (см. стихотворение «Ступени»). Такой многовариантностью в самоопределении личности подчеркивается принцип свободы как безусловный нравственный императив: вне зависимости от того, каким законам подчинено устройство общества, авторитарным или демократическим, и как соотносены в той или иной картине мира общество и человек, главная задача школьного образования — развивать свободное мышление, осознание права каждого на собственный выбор своего пути; такой выбор — суть сюжетно-композиционного единства романа [Аверинцев, 1977].

Высший этап обучения в школах Касталии — мастерство игры в бисер. Это своеобразный универсальный язык:

«Эти правила, язык знаков и грамматика Игры, представляют собой некую разновидность высокоразвитого тайного языка, в котором участвуют самые разные науки и искусства, но прежде всего математика и музыка (или музыковедение), и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук» [Гессе, 1991, с. 9].

Обучение игре в бисер ведет к свободному владению знаниями из разных сфер культуры, формирует умение объединять их, варьировать, видеть мир и раскрывать его в партиях игры как сложное гармоничное целое.

«Партия, например, могла исходить из той или иной астрономической конфигурации, или из темы какой-нибудь фуги Баха, или из какого-нибудь положения Лейбница или Упанишада, и, отправляясь от этой темы, можно было, в зависимости от намерений и способностей игрока, либо продолжать и развивать предложенную основную идею, либо обогащать ее выражение переключкой с идеями, ей родственными. Если, например, новичок был способен провести с помощью знаков Игры параллель между классической музыкой и формулой какого-нибудь закона природы, то у знатока и мастера Игра свободно уходила от начальной темы в бескрайние комбинации» [Гессе, 1991, с. 9].

Как видим, здесь по замыслу писателя вступают во взаимодействие математика, музыка, астрономия, и законы природы. Отклики на педагогические идеи и образы Гессе слышны в романе Саши Соколова в нескольких аспектах, причем в амбивалентном модусе принятия/противопоставления.

Прежде всего отклики на «Игру в бисер» заметны в самой идее универсальности, на которой построен романский дискурс Саши Соколова; весь роман написан на особом, универсальном языке, объединяющем знания, чувства, внешний мир сложными ассоциативными взаимосвязями и пересечениями. Приведем соответствующий фрагмент из романа Саши Соколова:

«Мастер успевает удержать тебя за руку и, глядя тебе в глаза, говорит: *домашнее задание*: опиши челюсть крокодила, язык колибри, колокольню Новодевичьего монастыря, опиши стебель черемухи, излучину Леты, хвост любой поселковой собаки, ночь любви, миражи над горячим асфальтом, ясный полдень в Березове, лицо вертопраха, адские кущи. Сравни колонию термитов с лесным муравейником, грустную судьбу листьев — с серенадой венецианского гондольера, а цикаду обрати в бабочку...» [Соколов, 1976, с. 20–21].

Опиши, сравни — объедини, сопоставь — музыку, архитектуру, любовь и страсть, науку, живой природный мир, мифологические сюжеты и образы.

С другой стороны, «Школа для дураков» — своего рода карикатура на «школу для умных»; здесь всё делается будто наоборот: у учеников нет ни малейшей возможности что бы то ни было выбирать или даже просто вступать в диалог с учителями, «тапочная» система обучения целиком построена на принципе авторитарности, на деспотичном давлении «сверху». Ученики — безгласные объекты, у которых нет ни голоса (только крик или вой), ни личности. Особая роль среди учителей отведена любимому учителю Савлу Норвегову — он фигура противопоставления, то резкое исключение, что подчеркивает правило.

При этом идея развития личностного начала и свободного выбора своего пути в жизни занимает, безусловно, и в романе Саши Соколова центральное место. Вторая глава,

не связанная с основным сюжетным пространством, составлена из «рассказов, написанных на веранде», — это варианты разных судеб, т. е. тоже своего рода «жизнеописания», внутренне соотнесенные с миром и между собой именно многовариантностью, центробежным движением без изначальной заданности. Принцип свободы проявляется на протяжении всего романа и в нарративе времени — прерывающемся, застывающем, изменчивом, обратимом.

Однако сравнение двух «школ» показывает, что представление о цели свободного развития личности в этих романах различается по существу. «Школа для умных» основана на идее служения (у главного героя акцентированно «говорящая» фамилия — Knecht: раб, слуга) и направляет ученика так, чтобы в итоге он подчинился интересам Касталии и нашел место в общей иерархии:

«Впрочем, наше сегодняшнее понимание личности весьма отлично от того, что подразумевали под этим биографы и историки прежних времен. <...> ...а сегодня мы говорим о выдающихся личностях вообще только тогда, когда перед нами люди, которым, независимо от всяких оригинальностей и странностей, удалось как можно полнее подчиниться общему порядку, как можно совершеннее служить сверхличным задачам. <...> Для нас герой и достоин особого интереса лишь тот, кто благодаря природе и воспитанию дошел почти до полного растворения своей личности в ее иерархической функции...» [Гессе, 1991, с. 7–8].

С. С. Аверинцев отмечает: «Одного Игра не в состоянии сделать: она не может заменить ни подлинного, первозданного творчества, ни тем паче самой жизни со всеми ее неустройствами и трагедиями» [Аверинцев, 1977]. У Саши Соколова цель формирования личности, напротив, состоит в том, чтобы ученик мог стать и быть самим собой. В его романе развитие творческого начала, творческого отношения ученика к себе и миру — главная образовательная и воспитательная задача. Поэтому любая школа, построенная на авторитарности, элитная или обыкновенная, будет «школой для дураков», т. к. лишает учеников личной идентичности.

В этом плане весомый смысл, уточняющий концепцию школы, вносят диалоги автора и героя. На протяжении всего повествования автор и герой подчеркнута равноправны: разговаривают, спорят друг с другом, и герой волен не послушать автора, что и происходит на деле. Каждый должен стать не «слугой» общества, а автором собственной жизни — так можно передать основную «педагогическую» мысль романа Саши Соколова в контексте романа Гессе.

Заключение

Согласно сложившейся точке зрения, школа в романе Саши Соколова — объект сатирического изображения и острой критики. Однако, если учесть рассмотренный русский и зарубежный контекст, в нарративе школы можно заметить и иные, более сложные и амбивалентные смыслы.

Так, оказывается, что идеологическая советская и утопическая западная модель школы, как ни парадоксально, близки между собой. В обоих случаях это *школа мечты*, устроенная в соответствии с социальными идеалами («образцовая имени Лобачевского»);

это модель общества, согласно которой каждый должен стать своего рода винтиком в механизме целого.

Это *школа-сад*, где возвращают *будущих полезных членов общества* — будь то «инженеры», или колхозники, или педагоги, или ученые. Причем носителей этой идеи в каждом произведении немало: сами ученики, друзья-одноклассники, строгие или доброжелательные учителя, семья, включающая несколько поколений (дети, родители, бабушки-дедушки), мудрые наставники «со стороны». Как видно, это разные социальные и возрастные группы с потенциально конфликтными отношениями, однако точка зрения у всех одна, конвенционально установленная, и она определяет нарратив: школа глазами общества.

Закономерно среди учеников нет тех, кто мечтает стать художником или писателем, ведь это означало бы, вразрез с концепцией школы-сада, превалирование личных интересов над общественными. Независимо от того, сведено личное «я» к нулю («школьная повесть») или бережно пестуется («Игра в бисер»), нарратив школы показывает: сама цель школьного воспитания требует нивелировать всё индивидуальное для подготовки учеников к жизни в обществе, к социальному служению.

Нарратив школы на сюжетном уровне романа организован иначе. Здесь тоже только одна точка зрения, но резко противоположная, и принадлежит она не «обществу», а ученику-маргиналу; второй голос иногда передается автору-персонажу или учителю Норвегову — но у них нет самостоятельной точки зрения, это союзники, единомышленники, сообщники «ученика такого-то», всегда с ним согласные и во всём его поддерживающие. События, происходящие в «школе для дураков» и за ее пределами, их переживание и оценка представлены, таким образом, исключительно в личном восприятии одного ученика.

Это ученик, ярко и творчески одаренный, и конфликт с «усредненным» школьным уставом для него неизбежен. Причем именно для него и только для него как носителя «цели в себе», вопреки всей «тапочной системе» сочиняющего роман прямо на глазах читателя. Школа, таким образом, — неизбежная конфликтная среда для становления творческого «я».

Нарратив школы, при всей его важности, о которой свидетельствует само название романа, всё же только часть романного дискурса в целом. И в этом плане его надо увидеть и в повествовательной перспективе, ведущей изнутри вовне; в соотношении «внутренней» фокализации с точкой зрения читателя.

Центральный момент здесь — резкий контраст между назидательной тональностью «школьного» нарратива, с его запретительно-воспитательным дидактическим пафосом, и той свободной словотворческой стихией, что образует стиль романа, его многослойный неровный тон и вариативный слог.

В школе учат правилам — а в стиле, начиная с эпитафии, манифестируется нарушение правил (грамматических, синтаксических, любых): «Гнать, держать, бежать, обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть и терпеть» [Соколов, 1976, с. 8].

Как показал русский и зарубежный контекст романа, школа как социальная институция неизбежно унифицирует, нейтрализует всё индивидуальное. Поэтому — не «вообще», а с точки зрения творчески одаренного ученика — школа предназначена для «дураков» — тех, кто верит, что по школьным правилам можно научиться творчески жить.

Тем самым «сатирический» нарратив школы — не цель как таковая, а средство-репрезентант, создающее контрастный «черный» фон главному: это роман о творчестве, для которого нет и не может быть заданных правил и которому ни в какой школе не научат; учиться придется самому — вопреки всем готовым правилам, чтобы найти свои.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аверинцев С. С. 1977. Путь Германа Гессе // Гессе Г. Избранное. М.: Художественная литература. С. 3–30.
- Азеева И. В. 2015. Саша Соколов «Школа для дураков»: опыт интерпретации игрового текста. Ярославль: Ярославский гос. театр. ин-т. 140 с.
- Банах И. В. 2021. Формирование канона: миф о счастливом детстве в советской детской литературе // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре. Гродно: ЮрСаПринт. С. 236–243.
- Баранов Д. К. 2019. Эпиграфы школы для дураков Саши Соколова как ключ к пониманию структуры романа // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/epigrafy-shkoly-dlya-durakov-sashi-sokolova-kak-klyuch-k-ponimaniyu-struktury-romana> (дата обращения: 15.04.2024).
- Берг М. 1985. Новый жанр (читатель и писатель). А — Я: Литературное издание. Париж: Fischer & Schmidtreprotechnik. № 1. С. 4–6.
- Битов А. 1989. Грусть всего человека // Октябрь. № 3. С. 157–158.
- Бурдина С. В., Шумилова О. А. 2016. Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. №2 (34). С. 128–134. <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zhanra-shkolnoy-rovosti-v-russkoy-literature-hh-veka> (дата обращения: 18.09.2024).
- Вайль П., Генис А. 1993. Уроки школы для дураков // Литературное обозрение. № 1. С. 13–16.
- Вари Э. 2002. «Литература [...] — искусство обращения со словом». Заметки о повести «Школа для дураков» Саши Соколова. *Studia Slavica*. Том 47. № 3–4. С. 427–450.
- Гарин-Михайловский Н. Г. 1957. Детство Тёмы. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы. <https://ilibrary.ru/text/4437/index.html> (дата обращения: 15.04.2024).
- Гессе Г. 1991. Игра в бисер. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во. 464 с.
- Голубева А. Г. 1970. Мальчик из Уржума. М.: Детская литература. 208 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). 2005. Словарь русского языка в 4 т. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.04.2024).
- Зорин А. 1989. Насылающий ветер // Новый мир. № 12. С. 250–253.
- Липовецкий М. Н. 1997. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики: монография. Екатеринбург: Изд-во УГПУ. 317 с.
- Литовская М. А. 2010. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь: Пермский гос. ун-т. С. 278–291.
- Мусатов А. И. 1951. Дом на горе. <http://lib.ru/PROZA/MUSATOW/domnagore.txt> (дата обращения: 15.04.2024).

- Носов Н. Н. 2021. Витя Малеев в школе и дома. М.: Самовар. 176 с.
- Сапрыкин Ю. 2020. История романа «Игра в бисер» в России. Хранители жемчуга. Как «Игра в бисер» Германа Гессе уходит от современности — и меняет будущее // Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/6266338> (дата обращения: 15.04.2024).
- Соколов С. 1976. Школа для дураков. Анн-Арбор: Ардис. 174 с.
- Тихомирова И. И. 2017. Советская школа в детской литературе и в контексте современных вопросов образования и воспитания // Библиотечное дело. № 20. С. 19–23.

References

- Averintsev, S. S. (1977). The Way of Hermann Hesse. In H. Hesse. *Selected Works* (pp. 3–30). Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
- Azeeva, I. V. (2015). *Sasha Sokolov's School for Fools: The Experience of Interpreting a Play Text*. Yaroslavskiy gos. teatr. in-t. [In Russian]
- Banakh, I. V. (2021). *Shaping the Canon: The Myth of Happy Childhood in Soviet Children's Literature*. In *Norm and Deviance in Literature, Language and Culture* (pp. 236–243). YurSaPrint. [In Russian]
- Baranov, D. K. (2019). The epigraphs of *Sasha Sokolov's School for Fools* as a key to understanding the novel's structure. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature*, (3). Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/epigrafy-shkoly-dlya-durakov-sashi-sokolovakak-klyuch-k-ponimaniyu-struktury-romana> [In Russian]
- Berg, M. (1985). *A New Genre (Reader and Writer). A-Z: Literary Edition* (Vol. 1, pp. 4–6). Fischer & Schmidtreprotechnik. [In Russian]
- Bitov, A. (1989). Sadness of a Man. *Oktyabr*, (3), pp. 157–158. [In Russian]
- Burdina, S. V., & Shumilova, O. A. (2016). Evolution of the school story genre in 20th c. Russian literature. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, (2), pp. 128–134. Retrieved Sept. 18, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zhanra-shkolnoy-povesti-v-russkoy-literature-hh-veka> [In Russian]
- Vayl, P., & Genis, A. (1993). Lessons from a school for fools. *Literaturnoe obozrenie*, (1), pp. 13–16. [In Russian]
- Vári, E. (2002). “Literature [...] is the art of handling the word.” Notes on the novel *School for Fools* by Sasha Sokolov. *Studia Slavica*, 47(3–4), 427–450. [In Russian]
- Garin-Mikhailovskiy, N. G. (1957). *Tyoma's Childhood. Collected Works in 5 vols. Vol 1*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://ilibrary.ru/text/4437/index.html> [In Russian]
- Hesse, H. (1991). *The Glass Beed Game*. Novosibirskoe knizhnoe izd-vo. [In Russian]
- Golubeva, A. G. (1970). *The Boy from Urzhum*. Detskaya literatura. [In Russian]
- Evgenieva, A. P. (Ed.). (2005). *Russian Dictionary in 4 vols. (4th ed.)*. The Fundamental Digital Library of Russian Literature and Folklore. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [In Russian]
- Zorin, A. (1989). Sending Wind. *Novyy mir*, (12), 250–253. [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (1997). *Russian Postmodernism. Essays on Historical Poetics*. Izd-vo UGPU. [In Russian]

- Litovskaya, M. A. (2010). School narrative as a tool for analysing the everyday life of a Soviet school. In S. G. Leonteva, K. A. Maslinskiy, & M. V. Romashov (Eds.), *Anthropology of the Soviet School: Cultural Universals and Provincial Practices* (pp. 278–291). Perm'skiy gos. un-t. [In Russian]
- Musatov, A. I. (1951). The House on the Mountain. *Lib.Ru: Maxim Moshkov Library*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <http://lib.ru/PROZA/MUSATOW/domnagore.txt> [In Russian]
- Nosov, N. N. (2021). *Vitya Maleev at School and at Home*. Samovar. [In Russian]
- Saprykin, Yu. (2020). History of the novel *The Glass Bead Game* in Russia. Guardians of the pearls. How Hermann Hesse's *The Glass Bead Game* escapes from modernity and changes the future. *Kommersant*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.kommersant.ru/doc/6266338> [In Russian]
- Sokolov, S. (1976). *School for Fools*. Ardis. [In Russian]
- Tikhomirova, I. I. (2017). The Soviet school in children's literature and in the context of contemporary issues of education and upbringing. *Bibliotchnoe delo*, (20), pp. 19–23. [In Russian]

Информация об авторах

Галина Ивановна Данилина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.i.danilina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Ксения Александровна Гринякина, студент 1 курса магистратуры направления «Филология: Глобальная русистика», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>

Information about the authors

Galina I. Danilina, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen, Tyumen, Russia
g.i.danilina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0100-0948>

Kseniya A. Grinyakina, Master Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000222851@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9335-945X>

Рецепция русской лирики в романах В. Набокова «Машенька» и «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»: реактуализация усадебного мифа

Анастасия Олеговна Дроздова[✉], Маргарита Андреевна Семенова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: an.o.droz@gmail.com[✉]

Аннотация. Анализ реминисцентного слоя произведений В. Набокова является одним из ключевых направлений в изучении его художественного наследия. Наименее исследована роль интертекста на разных этапах развития идиостиля писателя. Цель данной статьи — определить, как меняется интерпретация русской классической литературы и, в частности, традиции усадебной лирики в начале американского периода творчества Набокова. Материалом сопоставительного анализа выступают два «рубежных» произведения автора — первый роман на русском языке «Машенька» и первый англоязычный роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Предметом исследования являются образы и мотивы, отсылающие к усадебной лирике И. С. Тургенева, А. А. Фета, С. Я. Надсона, Н. П. Огарева, И. А. Бунина. Новизна работы определяется тем, что впервые устанавливаются стратегии рецепции усадебной лирики в романах В. Набокова. Используются методы структурно-семиотического и интертекстуального анализа, позволяющие выделить аллюзии на русскую лирику и определить их роль в организации художественного мира произведений. В результате исследования установлено, что формы интерпретации усадебной поэзии в творчестве В. Набокова меняются вследствие смены языка и читательской аудитории. Если в «Машеньке» аллюзии на усадебную поэзию задают модальность воспоминаний Ганина, а также участвуют в организации портрета возлюбленной главного героя, то в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» В. Набоков рассматривает историю топоса «родового гнезда» в русской литературе и вписывает собственное раннее творчество в национальную традицию усадебных текстов.

Ключевые слова: В. Набоков, усадебная лирика, русская классика, рецептивная стратегия, интертекст, «Машенька», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01025, <https://rscf.ru/project/23-78-01025/>.

Цитирование: Дроздова А. О., Семенова М. А. 2024. Рецепция русской лирики в романах В. Набокова «Машенька» и «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»: реактуализация усадебного мифа // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 98–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-98-113>

Поступила 08.05.2024; одобрена 27.05.2024; принята 01.07.2024

V. Nabokov's reception of Russian poetry in the novels *Mashenka* and *The Real Life of Sebastian Knight*: reenactment of the estate myth

Anastasiia O. Drozdova , Margarita A. Semenova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: an.o.droz@gmail.com

Abstract. Modern researchers of V. Nabokov's oeuvre actively analyze the role of the intertext in his works. Yet, the role of the allusion at the different stages of Nabokov's work is the least explored subject in the contemporary literary studies. This research aims to define how Nabokov's interpretation of the Russian classical literature, and particularly the tradition of the Russian country estate poetry changes in his early years in American. The authors compare two Nabokov's novels — his first novel, *Mashenka*, and the first novel in English, *The Real Life of Sebastian Knight*. Special interest is paid to the images and motifs referring to the country estate poems by I. S. Turgenev, A. A. Fet, S. Ya. Nadson, N. P. Ogarev, and I. A. Bunin. Using the methods of structural-semiotics and intertextual analysis, the authors scrutinize the strategies of Nabokov's reception of the country estate poetry and highlight the influence of Russian poetry allusions on Nabokov's artistic worlds. The results show that Nabokov's interpretive strategies change due to his language transition and the appeal to the English-speaking reader. In *Mashenka*, the allusions to the country estate poetry determine the artistic modality of the novel and organize the portrait of the protagonist's beloved, while in *The Real Life of Sebastian Knight*, Nabokov examines the history of the country estate poetry and incorporates his earlier works into the tradition of the estate myth.

Keywords: V. Nabokov, country estate poetry, Russian classical literature, reception strategy, intertext, *Mashenka*, *The Real Life of Sebastian Knight*

Acknowledgements: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01025, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01025/>.

Citation: Drozdova, A. O., & Semenova, M. A. (2024). V. Nabokov's reception of Russian poetry in the novels *Mashenka* and *The Real Life of Sebastian Knight*: reenactment of the estate myth. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 98–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-98-113>

Received May 8, 2024; Reviewed May 27, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

Семантика образа усадьбы в произведениях В. Набокова является актуальной темой литературоведческих исследований. Художественное пространство рассматривается учеными в контексте усадебного мифа русского зарубежья [Дмитриева, 2019; Осипова, 2018; Разумовская, 2010], набокдовской феноменологии воспоминания и вымысла [Alter, 2021, с. 108; Гриневич, 2016, с. 122]. Наиболее подробно охарактеризованы «идиллически-мифологизированные» топосы Рождествено, Батова, Выры в автобиографических текстах писателя [Степанова, 2020, с. 244] (см. также [Курушин, 2023; Мартынов, 1991]).

Хотя внимание исследователей привлекает образ родового поместья в творчестве Набокова, вопрос об источниках авторского усадебного мифа остается недостаточно изученным. Как отмечает Г. Барабтарло, опыт путешествий юного Набокова по России ограничивается Санкт-Петербургом и его окрестностями: набокдовское «переносное отечество» (“portable homeland”) лишь частично совпадает с географическими границами Российской империи и восходит к мирам русской литературы [Barabtarlo, 2018, с. 74].

Материалом нашего исследования являются два «рубежных» произведения В. Набокова: первый роман «Машенька» (1926) и первый роман на английском языке «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941). Цель статьи — установить, как автор оценивает национальный канон усадебной лирики в момент своего перехода в иную культурную среду.

Исследование опирается на метод структурно-семиотического анализа, позволяющий выделить в романах общие образы и мотивы, отсылающие к произведениям русских поэтов. Интертекстуальный анализ используется для характеристики реминисцентного слоя усадебной лирики в русском и англоязычном романах. Изучение лирических контекстов связано с проблемой межсемиотического взаимодействия поэзии и прозы, а также прозаизации «устойчивых поэтических сюжетов» в творчестве В. Набокова (см. подробнее [Гриневич, 2021, с. 125]).

Согласно нашей гипотезе, В. Набоков реактуализует усадебный миф как важнейшую часть русского литературного канона. При этом в организации пространства писатель

обращается в основном к произведениям, которые не являются для него поэтическими шедеврами: используются аллюзии к лирике поэтов поэтического «безвременья» (см. термин [Кожин, 1978, с. 217]) — Н. Огарева, С. Надсонаⁱ, Я. Полонского, К. Фофанова; к стихотворениям И. С. Тургенева, которые оцениваются автором как «слабые подражания Лермонтову» [Набоков, 2020, с. 100]. Из современного Набокову литературного контекста важную роль в построении усадебного топоса играют реминисценции на произведения И. Бунина.

Результаты и обсуждение

Традиции усадебной поэзии в «Машеньке»

В первом романе Набокова аллюзии к бакунинским элегиям И. Тургеневаⁱⁱ и стихотворениям А. Фета связаны с мотивом трансформации воспоминания в вымысел. Реконструируя в памяти пространство русской усадьбы, герой представляет историю своей любви как сюжет художественного произведения, инспирированного русской классикой.

Еще до встречи с Машенькой Ганин фантазирует о возлюбленной: «она, живая, была только плавным продлением образа, предвещавшего ее» [Набоков, 2009, с. 77]ⁱⁱⁱ — ср. «Но всё мерещится — вот, вот / Ко мне красавица идет... / Я слышу робкий шум шагов / И страстный лепет милых слов» [Тургенев, 1978, с. 15]; «Тканью непроглядную / Тянутся мечты; / Вдруг сама, заветная, / Кроткая, приветная, / Улыбнулась ты» [Фет, 2014, с. 230]. Тайные свидания героев проходят вечером в идиллическом безлюдном месте, отделенном от остальной части усадьбы: «по той стороне реки, где стояла на зеленом холму пустая белая усадьба» (с. 88) — ср. «Я всходил на холм зеленый, / Я всходил по вечерам; / И тебя, мой ангел милый, / Ожидал и видел там» [Тургенев, 1978, с. 31]. Передается тонкое аудиальное впечатление — нарастающее ощущение тишины: «в струящейся тьме выступали с тихим вращеньем колонны», «в морозящей тьме они тихо шли прочь» (с. 94–95) — «в каждом дне есть миг глубокой, боязливой, / Почти внезапной тишины» [Тургенев, 1978, с. 18]; «И каждый звук ночной смущенного пугает» [Фет, 2002, с. 118]. Герой способен переноситься в мир «былых дней», повторяя заветное слово: «Машенька, Машенька, — зашептал Ганин, — Машенька... — и набрал побольше воздуха, и замер, слушая, как бьется сердце» (с. 80) — ср. «Я повторю знакомое названье — / В былое весь я погружен опять» [Тургенев, 1978, с. 38]; «И в опьянении, наперекор уму, / Заветным именем будить ночную мглу» [Фет, 2002, с. 117].

ⁱ В эссе «Молодые поэты» В. Набоков причисляет Надсона к «классикам» [Набоков, 2006, с. 689], хотя признает, что общей чертой поэтов русской эмиграции является «серая, рассудочная, надсоновская скука» [Набоков, 2006, с. 691].

ⁱⁱ См. подробный анализ «бакунинских элегий» в связи с традициями усадебной лирики [Жаплова, 2004].

ⁱⁱⁱ Здесь и далее текст «Машеньки» цитируется по приведенному в списке литературы источнику, номера страниц указываются в круглых скобках.

В стихотворениях Тургенева и Фета лирический герой желает «сберечь сердце» [Тургенев, 1978, с. 38], он бережет воспоминания о любви. Для Ганина образы фантазии ценнее, чем воплотившаяся мечта: герой «до конца исчерпал свое воспоминанье» (с. 127). В финале романа воссозданный Ганиным образ Машеньки возвращается в стихию вымысла, из которой он зародился.

Передавая, как меняется восприятие героя в процессе воспоминания, В. Набоков обращается к усадебной лирике С. Надсона. Трансформируются образы с чувственной семантикой, передающие процесс взглядывания, пневматические и осязательные ощущения.

И в лирике Надсона, и в романе Набокова усадебный сад — точечное пространство, в котором обостряются чувства героя. В стихотворениях Надсона фиксируются мимолетные, призрачные образы: «Чья-то тень в кустах промчалась / Низко над водою... / Ей навстречу тень другая. / Вот звучит лобзанье» [Надсон, 2000, с. 199]. В «Машеньке» первый поцелуй Ганина передается с помощью осязательных и оптических образов: «дождевой поцелуй был так долог и так глубок, что потом плали в глазах большие, светлые, дрожащие пятна» (с. 95). С появлением соглядата усадебная идиллия разрушается: «случилось нечто страшное и неожиданное, символ, быть может, всех грядущих кошунств» (с. 95). Мотив подглядывания отсылает к стихотворению Я. Полонского «Вахханка и сатир», в котором лесное божество разлучает лирического героя и возлюбленную. Обращаясь к усадебной поэзии, Набоков трансформирует условную топикку в область реального восприятия.

Набоков пародирует образ сладкого запаха как общее место русской лирики (см. А. Майков «Призыв», Я. Полонский «Весна»): «Она не оглянулась. Из сумерек тяжело и пушисто пахло черемухой» (с. 100) — «От сонных черемух, осыпанных цветом... <...> / Струился томительный запах кругом» [Надсон, 2000, с. 174]. В «Машеньке» сладкий запах имеет искусственное происхождение: «И духи у нее были недорогие, сладкие, назывались „Тагор“» (с. 89). Лексема «сладкий» обозначает конкретное одорическое ощущение и ассоциируется с устойчивыми эпитетами, ср., к примеру, у Надсона: «сладкими вздохами грудь волновалась» [Надсон, 2000, с. 174], «сладкие грезы» [Надсон, 2000, с. 197], «сладкий обман» [Надсон, 2000, с. 198]. У Набокова особенность запаха усадьбы состоит в совмещении контрастных ощущений — сладкого синтетического аромата и терпко-горького естественного запаха: «Этот запах, смешанный со свежестью осеннего парка, Ганин теперь старался опять уловить» (с. 89). Подобная характеристика запаха усадьбы типична для авторов русского зарубежья: и «запах вещей», и «населяющих усадьбу людей» удерживается «в памяти маленького, а потом уже и взрослого, бывшего обитателя усадьбы» [Дмитриева, 2010, с. 157]. В передаче синтетического запаха ранней осени Набоков ориентируется на приемы поэтов-модернистов. В частности, в стихотворении К. Бальмонта «Черемухой душистой...» аромат черемухи «преобразуется в активный субъект», а «лирическое „я“ стихотворения втягивается в сферу весенней реальности» [Рогачева, 2011, с. 24]. Также и в «Машеньке» запах осеннего парка переносит героя в мир воспоминаний, где возможно вновь почувствовать аромат сладких духов Машеньки. Запах усадьбы навеян не столько реальным ощущением, сколько литературной ассоциацией и фантазией Ганина.

Оценка усадьбы как родного места опирается на моментальное узнавание его кинестетических, обонятельных характеристик. Герои Набокова и Надсона с детства знают усадебные тропы и дороги: «Этот сад, с перекрестною сетью аллей, / Эту реку, село и безбрежье полей — / Всё вокруг я с младенчества знал» [Надсон, 2000, с. 196]. В «Машеньке» это врожденное «знание» передается с помощью тактильных образов: «Он знал самый путь, то узкий, утрамбованный, бегущий вдоль опасной канавы, то мощный булыжниками, по которым прыгало переднее колесо, то изрытый коварными колеями, то гладкий, розоватый, твердый» (с. 79).

Чувственное многообразие усадебной жизни передается с точки зрения героя-изгнанника. Лирический герой Надсона отрекается от идиллического прошлого во имя «борьбы со злом» [Надсон, 2000, с. 178], его мучает «демон тоски и сомненья» [Надсон, 2000, с. 175]. В описании усадьбы идиллическая модальность сменяется романтической: «Я страдаю купил мой холодный покой» [Надсон, 2000, с. 197]. Воспоминания Ганина, наоборот, придают смысл его жизни в Берлине: «Эта прошлая, доведенная до совершенства жизнь проходит ровным узором через берлинские будни» (с. 85). Близость Ганина романтическому типу «скитальца» отмечает Ю. Левин: герой отказывается от «определенности», боясь «утраты или окаменения личности» [Левин, 1997, с. 361].

Образ усадьбы как потерянного рая отсылает к лирике Н. Огарева. Объектом пародии В. Набокова оказывается «Обыкновенная повесть» и тема фатума: «Социальное осмысление судьбы человека тесным образом соседствует у него [Огарева] с признанием стихийно-рокового начала любовной страсти» [Зырянов, 1997, с. 89]. С точки зрения В. Набокова, стихотворение Огарева посвящено не роковой обреченности первой любви, а смене языка: «язык любви первоначальной» способен воскресить «печальную» «душу» лирического героя.

В романе Набокова «первоначальный язык» влюбленных реактуализует поэтические тропы усадебной лирики: «где оно — всё это далекое, светлое, милое...» (с. 112) — ср. в «Других берегах»:

«Слова ее были бедны, слог был обычным для восемнадцатилетней барышни, но интонация... интонация была исключительно чистая и таинственным образом превращала ее мысли в особенную музыку. „Боже, где оно всё это далекое, светлое, милое!“» [Набоков, 2008, с. 298].

Важной частью речевого портрета героини являются «песенки, прибаутки всякие, словечки да стихи» (с. 89). Машенька цитирует поэзию XIX в. и романсы (С. Копытин «В лазарете», романс «Зачем страдать, зачем жалеть...»). Аллюзии на «Обыкновенную повесть» Огарева позволяют передать оценку усадебной лирики как артефакта ушедшей культуры, где стихотворение — и художественное произведение, и способ коммуникации. Усадебная лирика занимает промежуточное положение между художественным и бытовым дискурсом (как форма признания в любви), она выступает «энциклопедией аффективной культуры» [Барт, 1999, с. 85]. Несовершенство слога не имеет значения для влюбленных героев: противопоставляется язык высокого искусства и язык любви, где банальные выражения употребляются в их исходном значении.

В стихотворении Огарева монтаж сцен (прошлое — актуальная история героев) организует противопоставление искреннего чувства влюбленных и жестоких обычаев толпы: лексема «позабыто» указывает не на забвение как таковое, а на невозможность сохранить любовь, усвоив этикет «света». Конфликт «Обыкновенной повести» трансформируется в «Машеньке»: герой, будучи непосредственным участником событий, переживает их вновь (испытывает творческое «забытье»), но затем принимает отстраненную позицию художника. Аллюзии к поэзии Тургенева, Фета, Надсона, Огарева в структуре пространства воспоминания позволяют охарактеризовать Ганина как героя, наделенного даром фантазии и близкого романтическому образу поэта (см. подробнее об этом образе в прозе Набокова [Барковская, 1990, с. 31]).

Сюжет о перемещении в мир прошлого восходит к усадебной лирике И. Бунина. В произведении Набокова и в стихотворениях Бунина мир памяти приобретает черты потустороннего мира, совмещаются образы воспоминаний и литературные ассоциации (ср., к примеру, эпиграф из Огарева в стихотворении Бунина «Могильная плита»).

Возлюбленная лирического героя стихотворения Бунина «Людмила» сопоставляется с героиней романтических баллад В. Жуковского: деталь «легкое платье» передает призрачность, фантомность ее облика [Бунин, 1956, т. 3, с. 355]. В стихотворении «Этой краткой жизни вечным измененьем...» призраком усадьбы оказывается сам герой-поэт: «Стану их мечтами, стану бестелесным, / Смерти недоступным, — призраком чудесным» [Бунин, 1956, т. 4, с. 430]. В «Машеньке» и персонажи, погруженные в воспоминания, и их берлинский пансионат сравниваются с призраками: «Дом был как призрак» (с. 113). Именно изгнанникам, героям-призракам Бунина и Набокова доступен «элизиум былого».

Авторы обращаются к «готическому дискурсу как „памяти жанра“» [Глухова, 2020, с. 27]: от готического романа усадебные тексты русской литературы перенимают пространственно-временные отношения, в которых «историческое» и «действительное» время пересекаются [Глухова, 2020, с. 28]. Гетерогенность усадебного хронотопа Бунина и Набокова проявляется в совмещении витального цветущего пространства и чахлой природы: «окно большой старомодной уборной... выходило на заброшенную часть садовой площадки», «таинственные недра дубового кресла», «мрачная дубовая уборная» (с. 79) — ср. в стихотворениях Бунина «В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...», «Семнадцатый год», «В пустом, сквозном чертоге сада...».

Если в лирике Бунина разрушение родовых гнезд осмысливается как историческая катастрофа, то в романе Набокова вид запустения вдохновляет героя. Чертами готического особняка наделяется эмигрантский пансион: «сажная чернота [стен]... местами облупилась, местами испещрена фресками устарелых реклам» (с. 51), «образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем» (с. 127). Образ «дома теней» отсылает также к стихотворению Ф. И. Тютчева «Душа моя, Элизиум теней...». И в стихотворении Тютчева, и в романе Набокова душа-элизиум не причастна «помыслам години буйной сей» [Тютчев, 2002, с. 142]. В отличие от лирики Бунина, исторические события, оказавшиеся причиной разлуки героя с родиной и Машенькой, не влияют на оценку усадебного пространства.

Другая деталь бунинской усадебной поэзии — витражи, цветные стекла, — приобретает в романе Набокова символическое значение. В «Машеньке» повторяются детали интерьера и пейзажа Бунина из стихотворения «Люблю цветные стекла окон» [Бунин, 1956, т. 2, с. 348]: «глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд» (с. 88) — «люблю цветные стекла окон», «когда привстаешь, то видишь верхушки лип» (с. 68) — «сумрак от столетних лип», «изумительные звуки» (с. 68) — «звнящей люстры», «половиц прогнивших скрип», «коричневый лик Христа в киоте» (с. 69) — «серебро икон в божничке», «мрамористые тома старых журналов» (с. 88) — «люблю их синие странички», «дагерротипы на стенах слушали» (с. 88) — «и вас, и вас, дагерротипы». Как и в стихотворении Бунина, в «Машеньке» когнитивный процесс воспоминания сопоставляется с вглядыванием, фокусировкой, которые позволяют различать оттенки, мелкие детали памятного места. Цветные стекла — это не просто ожившие воспоминания, но и метафора игры воображения, преобразующего жизнь героя в изгнании.

Набоков акцентирует балладную и готическую природу усадебного текста Бунина, обращается к его перцептивной поэтике, связанной с воспоминанием, при этом нейтрализуется типичная для стихотворений Бунина семантика пространства усадьбы как эпицентра исторической катастрофы.

Реактуализация усадебного мифа в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»

В первом англоязычном романе Набокова расширяется реминисцентный слой усадебных текстов: в него входит как русская литература конца XIX в., так и собственное русскоязычное творчество Набокова. Синописис первого романа Себастьяна «Призматический фацет» явно отсылает к «Машеньке»: «мотив пансиона безболезненно и гладко сменяется мотивом загородного дома со всем, что отсюда естественным образом проистекает» [Набоков, 2004, с. 99].

Инвариантным признаком усадьбы оказывается наличие дома и сада (парка), необходимость героев покинуть дом по прошествии времени, а также оценка локации как памятного места. Чертами усадебного топоса наделяются 1) загородная усадьба, в которой провели детство В., Себастьян и его первая любовь Наташа Розанова; 2) вилла «Les Violettes» в Рокебрюне, которую Себастьян принимает за последний дом его матери; 3) Кембридж, который воспринимается героем не как учебное заведение, а как приют художника; 4) загородный дом мадам Лесерф (Нины Речной).

Первое упоминание усадьбы в романе относится к русскому детству героев: рассказчик вспоминает, как Себастьян уезжает на велосипеде по парковой дорожке. И в «Машеньке», и в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» велосипед связан с мотивом преследования. В русской усадебной лирике этот мотив представлен в двух вариантах: как любовная игра («Я всходил на холм зеленый...» И. Тургенев, «Безмесячная ночь лежала негой кроткой» А. Апухтин, «В тени задумчивого сада» С. Надсон, «Веснянка» И. Бунин) и как преследование ускользающих образов памяти («Какая грусть! Конец аллеи...» А. Фета, «Пугая мысль мою томящей тишиною...» С. Надсон, «В пустом, сквозном чертоге сада...» И. Бунин). В «Машеньке» образ велосипеда связан и с игрой

влюбленных (Ганин догоняет Машеньку на велосипеде), и с погоней за воспоминанием — герой пытается представить образы прошлого в новом пространстве: «значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда» (с. 70).

В англоязычном романе мотив погони наделяется металитературной семантикой. В сцене пятнашек движения героев синхронизованы с помощью монтажа: «на велосипеде с очень низким рулем он едет по испещренной солнцем тропе через парк нашей загородной усадьбы, медленно заворачивает, не тронув педалей, а я семеню за ним, прибавляя ходу, когда его ступня в сандалии отжимает педаль, я изо всех сил стараюсь не отстать от пощелкивающего и пришепетывающего заднего колеса» [Набоков, 2004, с. 37]. Устройство велосипеда позволяет Себастьяну двигаться намного быстрее, чем бежит рассказчик. В других главах В. сравнивает свое сочинение биографии Себастьяна с игрой в пятнашки: «меня вдруг осенило, где мне следует *охотиться* дальше» [Набоков, 2004, с. 58]. В. заинтригован не столько историей жизни брата, сколько проблемой связи биографии Себастьяна и его романов: «я не возьмусь назвать другого писателя, искусство которого способно так заморочить» [Набоков, 2004, с. 116], «то там, то тут словить хотя бы тень его мысли» [Набоков, 2004, с. 173], — герой преследует мысль художника в попытках реконструировать его личность. Салочки — метафора привлекательности и недостижимости мира воспоминаний для посторонних. Пытаясь реконструировать «подлинную» жизнь Себастьяна, В. создает собственную вымышленную реальность, вдохновленную усадебными текстами русской классики. В число усадебных текстов включается и русскоязычное творчество Набокова: не только сцена велосипедной прогулки в «Машеньке», но и раннее стихотворение «Велосипедист», где лирическому герою снятся усадебная дорога и езда на велосипеде.

Вообразая свидания Себастьяна и Наташи Розановой, рассказчик представляет театральные подмостки: «свет гаснет, поднимается занавес, и открывается летний русский пейзаж» [Набоков, 2004, с. 135]. Образ вечернего парка отсылает к стихотворениям-медитациям И. Тургенева, А. Фета, И. Бунина: «мошकारа исполняет незамысловатый туземный танец в солнечном луче, просквозившем листву осины» [Набоков, 2004, с. 136] — ср. «Вкруг дома глушь и дичь. Там клены и осины... <...> / В глубокой тишине, таинственно сверкая, / Как мелкий перламутр, беззвучно моль плывет» [Бунин, 1956, т. 2, с. 297], «В лесу ни ветерка, ни звука над водою, / Лишь по верхам осин лепечет легкий лист» [Фет, 2002, с. 327], «И беглым золотом сверкает солнце / По молодым осинам и березам» [Тургенев, 1978, с. 62]. Как и в усадебной лирике, крупным планом передаются детали портрета возлюбленной: «загорелая тонкая рука, по внешней поверхности ее от запястья до локтя искрится пушок» [Набоков, 2004, с. 136] — ср. «Вот в этой руке — всё твоё бытие, / Я всю тебя чувствую — душу и тело» [Бунин, 1956, т. 1, с. 367].

Как и в «Машеньке», локус усадьбы определяет особый режим оптики героя — пристальное взглядывание-любование. Прогулки Себастьяна и его возлюбленной по реке, встречи в парке отсылают к усадебным эпизодам в первом романе В. Набокова: «темно-синие стрекозы порхают там и сям» [Набоков, 2004, с. 136] — «порхало много темно-синих стрекоз» (с. 87), «в красной глине крутого обрыва вырублены имена,

даты и даже лица» [Набоков, 2004, с. 136] — «в красной крутизне вырезаны были имена и даты, а в одном месте кто-то, лет сорок тому назад, высек громадное скуластое лицо» (с. 87), «шляпка с шелковым шелестом вскальзывает в камыши» [Набоков, 2004, с. 136] — «лодка с мягким шуршанием въехала в камыши» (с. 87).

История Наташи переключается с судьбой Машеньки: ср. «студент-санитар при местном солдатском лазарете рассказывал ему о барышне „милой и замечательной“» (с. 77) — «Ты правда думаешь, что влюбилась в этого студента?» [Набоков, 2004, с. 137]. Как и Машенька, Наташа, вероятно, является читательницей русской усадебной лирики (ср.: «Она обожает прошлое, верно?» [Набоков, 2004, с. 138]). Однако если Машенька повторяет судьбу героини из стихотворения Н. Огарева «Обыкновенная повесть» и выходит замуж за пошляка Алферова, то Наташа Розанова, подобно героине «Войны и мира» Л. Н. Толстого, счастлива в семейной жизни: В. видит ее «располневшей матерью двух мальчуганов» [Набоков, 2004, с. 137]. В интерпретации Набокова судьбу героев предопределяет не «рок», но «родство душ» персонажей, их схожесть (см. комментарий Набокову к этой теме в текстах Толстого: [Набоков, 2020, с. 199–200]).

В момент, когда шестнадцатилетний Себастьян встречается возлюбленную, читательницу усадебной лирики, он сам начинает писать стихи: «все мрачные розы и звезды, и зовы морей» [Набоков, 2004, с. 37]. В. отмечает, что Себастьян хранит тетрадь со стихами вместе с ценными вещами, среди которых подарок матери и фотография Наташи. Таким образом, стихотворения героя посвящены именно возлюбленной. Детали — «звезды», «зовы морей» — отсылают к стихотворению И. Бунина «Звезда морей, Мария» [Бунин, 1986, с. 147]: «в одежде белой» — «белый облик» [Набоков, 2004, с. 136], «сошла и стала у руля» — «рулевой из тебя никакой» [Набоков, 2004, с. 136]. С одной стороны, аллюзия к стихотворению Бунина высвечивает родство русской и английской литературы: в поэзию Себастьяна на английском языке включаются прецедентные для русской культуры образы; Наташа сопоставляется и с героинями русской классики, и с католической Мадонной. С другой стороны, аллюзия указывает на то, что образ Наташи восходит к Машеньке из первого русского романа Набокова. Подобный же прием замены имени в цитате из чужого текста используется в «Машеньке», где в отрывке из романа С. Копытина вместо имени «Вова» используется имя главного героя: «Расскажите, что мальчика Леву / Я целую, как только могу» (с. 112).

В «Подлинной жизни Себастьяна Найта» приемы сокрытия имени, двойной аллюзии (автоаллюзии и отсылки на чужое произведение) высвечивают рекурсивные отношения между автономными литературными мирами и указывают на идентичность автора как русского писателя. Тему внутреннего родства Набоков осмысляет в контексте пересечения образов национальных культур в индивидуальном художественном сознании.

Другая вариация усадебного топоса в романе связана с мотивом увядания, характерным для русской усадебной поэзии (А. Фет «Никогда», С. Надсон «Кипит веселье карнавала!», К. Фофанов «Старый сад» и др.). Однако если в стихотворениях увядающая судьба связана с воспоминанием о юности, утраченной родине, то в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» образы руинистической традиции переносятся на заграничное

пространство. В этом контексте увядающая усадьба приобретает новую семантику: это не утраченный рай, но стилизованная декорация, порожденная фантазией русскоязычного героя в иностранной среде.

Готическая разновидность усадьбы — вилла Les Violettes в Рокебрюне, в которой, как считает Себастьян, жила его мать. В воображении Себастьяна вилла наполнена знаками прошлого: «увидел букетик фиалок, неумело намалеванный на калитке» [Набоков, 2004, с. 39] — именно засахаренные фиалки дарит Себастьяну мать в последнюю встречу с сыном. Пародируются типичные усадебные атрибуты — скамья и старое дерево: «Я присел на синюю скамью под большим эвкалиптом с наполовину облезлым стволом, какие, похоже, всегда бывают у этих деревьев» [Набоков, 2004, с. 39]. Типичным для топоса усадьбы является образ блуждающего призрака: «Моя мать, смутная, тонкая фигура в огромной шляпе, медленно всходила по ступенькам, которые, казалось, таяли в воде» [Набоков, 2004, с. 39]. В действительности Себастьян ошибается в выборе виллы, при этом название населенного пункта, где жила его мать, ассоциируется с петербургским имением Набоковых Вырой: «так это был другой Рокебрюн, тот, что в Варе» [Набоков, 2004, с. 39].

Чертами усадьбы наделяется Кембридж, где Себастьян черпает вдохновение для своего первого романа. Повторяются мотивы усадебной лирики: «Себастьяну нравилось полеживать в плоскодонке, плывущей по Кему. Но больше всего любил он уезжать в сумерках на велосипеде по одной тропинке, юлившей в дугах. Там он садился на изгородь, смотрел на кудлатые, лососевые облака, наливавшиеся угрюмой медью» [Набоков, 2004, с. 64] — используются образы реки как пути в потусторонность и велосипеда как средства перемещения в прошлое. Когда Себастьян выпадает из «ритма университетской жизни» [Набоков, 2004, с. 62], пространство Кембриджа уподобляется усадебному миру: «старалась судьба дать ему ощущение дома» [Набоков, 2004, с. 59]. И усадьба, и старинный университет характеризуются как онирическое пространство: для рассказчика Россия — «страна наших снов» [Набоков, 2004, с. 137], Кембридж «подыгрывает» «старинным сновидениям» Себастьяна [Набоков, 2004, с. 59].

Топос усадьбы трагестируется в эпизоде, где В. посещает поместье мадам Лесерф. В действительности мадам Лесерф — роковая женщина Нина Речная (она же Елена фон Граун), последняя любовница Себастьяна, выдающая себя за француженку. Семантика карнавала, притворства подчеркивается в описании ее дома: «Дом у мадам Лесерф был большой, обветшалый. Десятка два болезненно дряхлых деревьев притворялись парком» [Набоков, 2004, с. 158]. Описание усадьбы содержит аллюзии к бунинским стихотворениям и к ранним произведениям самого Набокова, где присутствует «характерное для „усадебных“ медитаций Серебряного века сочетание чувств непреходящей ценности и потери» [Богданова, 2019, с. 242].

Мотив измены и образ разрушенной усадьбы отсылают к рассказу Бунина «Муза» (1938, «Последние новости»): в рассказе «Муза» образ усадьбы передает «дискретность, внутреннее зияние, ужасающую близость смерти» [Богданова, 2019, с. 249]. В романе Набокова усадьба мадам Лесерф оказывается не чем иным, как декорацией: «Всё здесь выглядело подозрительно изношенным, убогим, пропыленным; и когда

я несколько позже узнал, что дом построен всего лет тридцать с лишком назад, я еще пуще подивился его одряхлению» [Набоков, 2004, с. 158]. С другой стороны, представление об усадьбе как о возможном месте смерти («убийца зарыл жертву в точно таком же саду» [Набоков, 2004, с. 162]) характеризует общий художественный замысел В. и Себастьяна, обращающихся к сюжету о посмертном существовании личности.

Набоков реконструирует и собственный, и бунинский усадебный миф, перенося его в инокультурное пространство. С одной стороны, именно устройство загородного дома мадам Лесерф выдает в ней соотечественницу рассказчика. С другой стороны, усадьба характеризуется как место карнавала, маскировки — под сомнение ставится существование усадьбы как образа памяти Себастьяна: ее пейзажи, интерьер, образы обитателей порождены русской классической литературой.

Заключение

Сопоставительное исследование «Машеньки» и «Подлинной жизни Себастьяна Найта» показывает, что стратегии рецепции В. Набоковым национального литературного канона меняются при переходе в иную языковую среду. В «Машеньке» усадебная поэзия задает модальность повествования, ее образы являются частью художественного мира романа. И классические произведения, и стихотворения авторов второго ряда в романе оцениваются как артефакты прошлого, напоминающие герою о его юности и первой любви. В речи Машеньки, неискушенной читательницы, тропам усадебной лирики возвращается исходное значение — они оказываются словами «любви первоначальной». Устойчивым образам усадебной лирики в «Машеньке» возвращается конкретно-чувственное значение.

В «Подлинной жизни Себастьяна Найта» образы усадебной лирики функционируют как автоаллюзии к роману «Машенька» и как отсылки к целой поэтической традиции. История усадебной лирики представлена в нескольких вариантах: 1) высвечивается ее связь с готической поэтикой, 2) подчеркивается онирическая семантика локуса усадьбы, 3) пародируются образы усадебного неомифа, представленного в произведениях Бунина и ранних текстах самого Набокова. В интерпретации автора усадебная лирика не столько связана с определенным топосом, сколько задает особые формы художественной оптики — медитативного и пристального наблюдения за природой, позволяющего заметить одновременность увядания и расцвета живого мира. Воспоминания об усадьбе навеяны литературными ассоциациями русскоязычных героев. Развитие усадебного мифа, синхронизированного с этапами жизни Себастьяна, представляет отдельный сюжет романа.

В первом англоязычном романе Набоков постулирует связь собственной художественной системы и русского литературного канона. Травестирирование чужого и собственного стиля является приемом создания набоковского мифа в инокультурной среде. Автоаллюзии и отсылки на чужие произведения в «Истинной жизни Себастьяна Найта» являются стратегиями «обновления собственной креативной системы» Набокова [Фатеева, 2007, с. 160] в начале американского периода творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Барковская Н. В. 1990. Художественная структура романа В. Набокова «Дар» // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в советской литературе: сб. науч. трудов. Свердловск: Свердловский гос. пед. ин-т. С. 30–42.
- Барт Р. 1999. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem. 431 с.
- Богданова О. А. 2019. Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилев, Бунин // Проблемы исторической поэтики. Т. 17. № 2. С. 233–254. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6542>
- Бунин И. А. 1956. Собрание сочинений в 5 т. М.: Правда. Т. 1–4.
- Бунин И. А. 1986. Стихотворения. Рассказы. М.: Правда. 544 с.
- Глухова Е. 2020. Готический модус «усадебного текста» русского модернизма // Русская словесность. № 6. С. 26–36.
- Гриневич О. А. 2016. Сюжет усадебной любви в произведениях И. А. Бунина и В. В. Набокова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. № 5. С. 72–81.
- Гриневич О. А. 2021. Соотношение факта и вымысла в «усадебном тексте» В. В. Набокова // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография / сост. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН. С. 118–128. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-118-128>
- Дмитриева Е. 2010. Запахи в усадьбе // Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. СПб.: Новое литературное обозрение. С. 134–166.
- Дмитриева Е. Е. 2019. Русская усадьба: семантика, топос и Хронос // Имагология и компаративистика. № 1. С. 140–173. <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6>
- Жаплова Т. М. 2004. Усадебная поэзия в русской литературе XIX века. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 232 с.
- Зырянов О. В. 1997. Лирическая новелла как жанр русской «поэзии сердца» // Известия Уральского государственного университета. № 7. С. 77–90.
- Кожин В. В. 1978. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М.: Современник. 303 с.
- Курушин Д. Д. 2023. Усадебное пространство и его реалии в двуязычной автобиографической прозе В. Набокова // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (117). С. 78–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-14>
- Левин Ю. 1997. Заметки о «Машеньке» В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГИ. С. 359–369.
- Мартынов Г. Г. (ред.). 1991. Родовые гнезда. Набоковский вестник. Вып. 3. СПб.: Дорн. 191 с.
- Набоков В. В. 2004. Собрание сочинений в 5 т.: пер. с англ. Т. 1. СПб.: Симпозиум. 608 с.
- Набоков В. В. 2006; 2008; 2009. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. СПб.: Симпозиум. Т. 2, 3, 5.
- Набоков В. 2020. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус. 384 с.
- Надсон С. Я. 2000. Полное собрание сочинений. СПб.: Академический проект. 512 с.
- Осипова Н. О. 2018. «Жизнь званская» как историко-культурный миф в поэзии русской эмиграции // Cross-Cultural Studies: Education and Science. № 3. С. 44–50.

- Разумовская А. И. 2010. «И веет свежестью из сада...» последние страницы усадебного «Текста» в поэзии И. А. Бунина и В. В. Набокова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 11 (54). С. 138–156.
- Рогачева Н. А. 2011. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: автореф. ... дис. д-ра. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2011. 48 с.
- Степанова Н. С. 2020. Концепт «усадебна» в автобиографической прозе В. В. Набокова // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН. С. 235–245. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-235-245>
- Тургенев И. С. 1978. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука. Т. 1. 574 с.
- Тютчев Ф. И. 2002. Полное собрание сочинений. Письма. В 6 т. М.: Издательский центр «Классика». Т. 1. 528 с.
- Фатева Н. А. 2007. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига. 280 с.
- Фет А. А. 2002. Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839–1863 гг. СПб.: Академический проект. 552 с.
- Фет А. А. 2014. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео. 696 с.
- Alter R. 2021. Nabokov and the Real World. Between Appreciation and Defense. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 232 pp.
- Barabtarlo G. 2018. Chapter 8. St Petersburg // Bethea D. M., Frank S. (eds.). Vladimir Nabokov in Context. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 71–79. <https://doi.org/10.1017/9781316258132>

References

- Barkovskaya, N. V. (1990). The artistic structure of V. Nabokov's novel *The Gift*. In N. L. Leiderman (Ed.), *Problems of Interaction of Method, Style, and Genre in Soviet Literature* (pp. 30–42). Sverdlovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. [In Russian]
- Barthes, R. (1999). *A Lover's Discourse: Fragments*. Ad Marginem. [In Russian]
- Bogdanova, O. A. (2019). The Semiotics of the Alley, “where the leaves dance”: Turgenev, Gumilev, Bunin. *The Problems of Historical Poetics*, 17(2), 233–254. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6542> [In Russian]
- Bunin, I. A. (1956). *Collected Works in 5 vols. Vol. 1–4*. Pravda. [In Russian]
- Bunin, I. A. (1986). *Poems. Short Novels*. Pravda. [In Russian]
- Glukhova E. (2020). Gothic Mode of the “Manor Text” of Russian Modernism. *Russkaya Slovesnost*, (6), 26–36. [In Russian]
- Grinevich, O. A. (2016). Love Story Manor in the Works of Bunin and Nabokov. *Ural Philological Herald. Series Draft: Young Science*, (5), 21–81. [In Russian]
- Grinevich, O. A. (2021). Interaction of Fact and Fiction in the “Estate” Poetry of V. V. Nabokov. In O. A. Bogdanova (Ed.), *Estate Real — Estate Literary: Vectors of Creative Transformation* (pp. 118–128). IWL RAS. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-118-128> [In Russian]

- Dmitrieva, E. (2010). Smells in the Estate. In O. B. Vaynshteyn (Ed.), *Aromas and Smells in Culture* (2nd ed. Vol. 2, pp. 134–166). Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian]
- Dmitrieva, E. E. (2019). Russian Country Estate: Semantics, Topos, and Chronos. *Imagologiya i komparativistika — Imagology and Comparative Studies*, (11), 140–173. <https://doi.org/10.17223/24099554/11/6> [In Russian]
- Zhaplova, T. M. (2004). *Estate Poetry in Russian literature of the 19th c.* OSPU. [In Russian]
- Zyryanov, O. V. (1997). Lyrical short story as a genre of Russian “poetry of the heart.” *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7), 77–90. [In Russian]
- Kozhinov, V. V. (1978). *A Book about Russian Lyric Poetry of the 19th c: Development of Style and Genre.* Sovremennik. [In Russian]
- Kurushin, D. D. (2023). The Russian Estate and Its Realia in V. Nabokov’s bilingual autobiographical Prose. *Cherepovets State University Bulletin*, (6), 78–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-14> [In Russian]
- Levin, Yu. (1997). Notes on V. V. Nabokov’s *Mashenka*. In B. Averina, M. Malikova, A. Dolinina (Ed.), *The Personality and Creativity of Vladimir Nabokov in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers* (E. Belodubrovsky, G. Levinton, M. Malikova, & V. Novikova, Comments; M. Malikova, References; Vol. 1, pp. 359–369). Russian Christian Humanities Institute. [In Russian]
- Martynov, G. G. (Ed.). (1991). *Family Nests. Nabokov Herald. Vol. 3.* Dorn. [In Russian]
- Nabokov, V. V. (2004). *Collected Works in 5 vols. Vol. 1.* Simposium. [In Russian]
- Nabokov, V. V. (2006, 2008, 2009). *Russian Period. Collected Works in 5 vols. Vols. 2, 3, & 5.* Simposium. [In Russian]
- Nabokov, V. (2020). *Lectures on Russian Literature.* Azbuka, Azbuka-Attikus. [In Russian]
- Nadson, S. Ya. (2000). *Complete Collection of Works.* Akademicheskii proekt. [In Russian]
- Osipova, N. O. (2018). “Life in Zvanka” as the cultural and historical myth in Russian emigre poetry. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, (3), 44–50. [In Russian]
- Razumovskaya, A. G. (2010). “You feel the fragrance of the garden...” The final pages of the country estate “text” in Bunin’s and Nabokov’s Poetry. *RGGU Bulletin*, (11), 138–156. [In Russian]
- Rogacheva, N. A. (2011). *Russian Lyrics at the Turn of the 19th–20th c.: The Poetics of Smell* [Dr. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Stepanova, N. S. (2020). The concept of “estate” in Vladimir Nabokov’s autobiographical prose. In O. A. Bogdanova (Ed.), *Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism* (pp. 235–245). IWL RAS. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-235-245> [In Russian]
- Turgenev, I. S. (1978). *Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. Vol. 1.* Nauka. [In Russian]
- Tyutchev, F. I. (2002). *Complete Collection of Works. Letters in 6 vols. Vol. 1.* Klassika. [In Russian]
- Fateeva, N. A. (2007). *Intertext in the World of Text: Counterpoint of Intertextuality.* KomKniga. [In Russian]
- Fet, A. A. (2002). *Collected Works and Letters. Verses and Poems of 1839–1863.* Akademicheskii proekt. [In Russian]
- Fet, A. A. (2014). *Works and Letters in 20 vols. Vol. 5: Evening Lights. Verses and Poems of 1864—1892, not included in collections. Book 1.* Alyans-Arkheo. [In Russian]

Alter, R. (2021). *Nabokov and the Real World. Between Appreciation and Defense*. Princeton University Press.

Barabtarlo G. (2018). Chapter 8. St Petersburg. In D. M. Bethea, & S. Frank (Eds.), *Vladimir Nabokov in Context* (pp. 71–79). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316258132>

Информация об авторах

Анастасия Олеговна Дроздова, кандидат филологических наук, старший преподаватель, научный сотрудник кафедры языкознания и литературоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
an.o.droz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

Маргарита Андреевна Семенова, лаборант-исследователь, кафедра языкознания и литературоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
margaritasem3014@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2486-462X>

Information about the authors

Anastasiia O. Drozdova, Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer, Researcher, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
an.o.droz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

Margarita A. Semenova, Research Assistant, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
margaritasem3014@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2486-462X>

Награждение государственными наградами СССР моряков Российского Императорского флота (1954–1956 гг.)

Станислав Николаевич Синегубов, Сергей Павлович Шилов✉,
Ярослав Рашитович Галяутдинов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: sshilov@mail.ru✉

Аннотация. В исторической литературе по фалеристике активно обсуждаются темы, связанные с советскими наградами. Однако тема вручения медалей и орденов СССР ветеранам дореволюционного времени в силу целого ряда причин практически умалчивается в современных работах, в то время как в советской историографии такие работы, пусть и немногочисленные, имелись (в частности, издания И. И. Пономарёва). Это представляется ошибочным, недопустимым как с научной, так и с морально-нравственной и идеологической точек зрения. С целью заполнения этой лакуны, хотя бы отчасти, были исследованы награждения орденами и медалями советского государства моряков российского императорского флота. В статье анализируется уникальный опыт советской власти в период 1954–1956 гг. по воздаянию памяти и прославлению еще живых тогда ветеранов, служивших на военно-морском флоте царской России и проявивших себя в непростых и критических ситуациях. Раскрывается не только отношение советских руководителей и первых лиц к поддержке инициативы «снизу» наградить моряков-героев, служивших «заклейменному» царскому режиму, но и побудительные мотивы этого явления, более не повторившегося в советской истории. Кроме того, в работе характеризуются героические деяния награжденных в середине 1950-х гг. А. Д. Войцеховского, В. Л. Яковца и других «варяжцев» и «потёмкинцев», а также Ф. Е. Самончука, проявившего себя в первой половине октября 1917 г. во время сражения в Моонзундском проливе. Проведенное исследование показало, что наградные Указы 1954–1956 гг. инициировались советскими гражданами, трудившимися в разных сферах, прежде всего в сфере военной журналистики, в частности, И. И. Пономарёвым. Руководство страны поддержало эту инициативу и создало конкретные нормативно-правовые акты,

согласно которым немало ветеранов-моряков российского флота удостоились медалей и орденов. Если для властей побудительным мотивом была скорее идеологическая составляющая, то самые «низовые» инициаторы придерживались скорее человеческих и морально-нравственных ценностей.

Ключевые слова: военно-морской флот, фалеристика, ордена, медали, Российская империя, СССР

Цитирование: Синегубов С. Н., Шилов С. П., Галяутдинов Я. Р. 2024. Награждение государственными наградами СССР моряков Российского Императорского флота (1954–1956 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 3 (39). С. 114–128. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-114-128>

Поступила 26.04.2024; одобрена 21.06.2024; принята 01.07.2024

Awarding USSR state awards to the Russian Imperial Navy sailors (1954–1956)

Stanislav N. Sinigubov, Sergey P. Shilov✉, Yaroslav R. Galyautdinov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Correspondence author: sshilov@mail.ru✉

Abstract. The phaleristics research literature actively discusses the Soviet awards and related topics. However, one of them — awarding the USSR medals to the veterans of pre-revolutionary times — remains uncovered for different reasons, while in the Soviet historiography, there were, although, such publications, primarily by I. I. Ponomarev. Such situation seems erroneous and unacceptable from the scientific, moral, and ideological points of view. This article aims to fill in this gap, at least partially, by studying the awarding of Soviet orders and medals to the sailors of the Russian Imperial Navy. The authors describe the unique experience of the Soviet authorities in 1954-1956 in commemorating and glorifying then-living veterans who served in the Tsarist Russia Navy and proved themselves in difficult and often critical situations. In particular, the article shows how the Soviet leaders and top officials paid closest attention to and supported the people's initiative to reward the heroic sailors who had served to the stigmatized tsarist regime. More importantly, this work reveals the unique motives behind this entire phenomenon, which never again happened in the Soviet history. In addition, the authors characterize the heroic deeds of the

honorary receivers of the soviet medals and orders in the mid-1950s: A. D. Voitsek-hovsky, V. L. Yakovets and other sailors from *Varyag* and *Potemkin*; F. E. Samonchuk, who showed heroism in the first half of October 1917 during the Operation Albion. The results show that the award Decrees of 1954-1956 were initiated by the ordinary Soviet citizens who worked in various fields, primarily military journalists, namely I. I. Ponomarev. The country's leadership supported this initiative, which was reflected in the special legal acts, which awarded many veteran sailors of the Russian Fleet with medals and orders. While the authorities' main motivation was the ideological component, the initiators themselves followed tamer human and moral principles.

Keywords: Navy, faleristics, orders, medals, Russian Empire, USSR

Citation: Sinégubov, S. N., Shilov, S. P., & Galyautdinov, Ya. R. (2024). Awarding USSR state awards to the Russian Imperial Navy sailors (1954–1956). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(3), 114–128. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-3-114-128>

Received Apr. 26, 2024; Reviewed Jun. 21, 2024; Accepted Jul. 1, 2024

Введение

В 1950-е гг. советская наградная практика была такова, что награждения осуществлялись в основном за трудовые достижения, а также за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем период 1954–1956 гг. стоит выделить особо, поскольку в этот временной отрезок вышло сразу несколько нетипичных наградных указов за подвиги, совершенные в 1904–1917 гг. Несколько вышедших в те годы указов были приурочены к «золотым» юбилеям. Речь идет прежде всего о круглой дате, связанной с героическими событиями, произошедшими в порту Чемульпо 27 января (9 февраля) 1904 г. Тогда, как известно, русские боевые суда «Варяг» и «Кореец» приняли неравный бой с превосходящими в количественном и качественном отношениях японскими кораблямиⁱ. Матросы и офицеры проявили мужество и стойкость, настолько сильно впечатлившие современников, что по свежим следам произошедшего была написана легендарно известная и очень любимая в народе песня, прославлявшая подвиг русских военных [Таракановский, 2004, с. 92–96].

Другое, не менее знаковое событие в истории российского государства и его военно-морских сил, но уже имеющее отношение к революционным потрясениям и отмеченное особенно советскими властями через пятьдесят лет, было связано с восстанием моряков-«потёмкинцев» на Черноморском флотеⁱⁱ. Однако один из указов, выпадавший из этой обоймы правительственных актов по случаю «знаменательных дат», не был приурочен

ⁱ Подвиг крейсера «Варяг». 2014 // История.рф. 7 января. <https://histrf.ru/read/articles/podvigh-kreisiera-variagh-event> (дата обращения: 14.04.2024).

ⁱⁱ Восстание на броненосце Потёмкин Таврический // История России. <https://istoriarusi.ru/imper/vosstanie-na-bronenosce-potemkin-iyun1905.html> (дата обращения: 14.04.2024).

к юбилею. В нем отмечались заслуги старшины эсминца «Гром» Ф. Е. Самончука за бой в Моонзундском проливе в октябре 1917 г. Само же сражение в Моонзунде (в трактовке западных историков «операция Альбион») против немецкого флота оказало большое влияние на ход Первой мировой войны, а также развитие отечественной истории, в том числе и ее советского периодаⁱ.

Результаты и обсуждение

Обратившись к генезису упомянутых указов, выясняется, что «застрельщиком» их был заслуженный человек, исследователь, хорошо известный в кругах военной журналистики, И. И. Пономарёв. Из-под его пера вышла серия книг, посвященных славным страницам истории русского военного флота [Пономарёв, 1955, 1960, 1968, 1972]. Поэтому он прекрасно понимал историю вопроса, а также его значимость для восстановления в памяти потомков героического прошлого русского оружия на море.

Первое знакомство И. И. Пономарёва с участником тех событий произошло в апреле 1944 г. Тогда он, будучи военным корреспондентом по делам службы, прибыл в украинский город Славута и остановился на ночлег в доме Адольфа Доминиковича Войцеховскогоⁱⁱ. Из общения выяснилось, что последний, уже будучи в пожилом возрасте, являлся и «варяжцем», и «потёмкинцем», приняв участие в знаковых событиях 1904 и 1905 гг. Собранный в ходе бесед с ветераном-моряком материал лег в основу повествования. Оно называлось «Быль о „Варяге“» и было напечатано в одной из самых популярных не только среди молодежи, но и людей самых разных возрастов и читавшейся во всех уголках СССР газете «Комсомольская правда» 30 июня 1946 г. [Комсомольская Правда, 1946].

Нет никаких сомнений, что эта публикация оказала свое положительно-вдохновляющее влияние на то, что в конце декабря того же года была завершена съемка фильма «Крейсер „Варяг“» режиссера В. Эйсымонта, с участием плеяды таких известных советских актеров, как Борис Ливанов, Александр Зражевский, Ростислав Плятт и ряда другихⁱⁱⁱ. Интересно, что в качестве участника кинокартины выступил легендарный крейсер «Аврора». Корабль был задекорирован под «Варяг», из-за чего пришлось задержать на некоторое время установку символа Октябрьской революции 1917 г. на «вечную стоянку» у Петроградской набережной в Ленинграде^{iv}. Премьера кинематографического

ⁱ Самсонов А. 2017. Операция «Альбион» // Военное обозрение. <https://topwar.ru/126873-operaciya-albion.html> (дата обращения: 14.04.2024).

Фёдоров Д. 2017. Ключ от Балтики: как Моонзундское сражение повлияло на ход российской истории. <https://russian.rt.com/science/article/440160-moonzund-bitva-sto-let> (дата обращения: 14.04.2024).

ⁱⁱ Войцеховский, Адольф Доминикович // Руниверсалис: энциклопедия. https://руни.рф/Войцеховский,_Адольф_Доминикович (дата обращения: 14.04.2024).

ⁱⁱⁱ Крейсер «Варяг» — актеры и роли // Kinomania. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/3268/titr/> (дата обращения: 14.04.2024).

^{iv} Неизвестные биографии крейсеров «Аврора» и «Варяг» // Mil.press Flot. <https://flot.com/history/events/unknownfacts.html> (дата обращения: 14.04.2024).

произведения «Крейсер „Варяг“» состоялась в феврале 1947 г. и нашла самый позитивный отклик у публики. Даже по прошествии многих десятилетий фильм по-прежнему вызывает положительные эмоции¹.

Последующие десять лет своей жизни И. И. Пономарёв посвятил поиску моряков — участников событий 1904–1905 гг. Награждение героев сражения у Чемульпо — это, можно сказать, если не целиком, то в значительной степени его заслуга. Первый Указ о награждении моряков «Варяга» и «Корейца» был издан 8 февраля 1954 г., в преддверии 50-го юбилея с даты сражения. Согласно этому нормативному акту, медали «За отвагу» получили 15 моряков [Правда, 1954; Ведомости Верх. Совета СССР, 1954, № 54, с. 126]. Помимо наград всем им были назначены персональные пенсии в 600 рублей. Вскоре после публикации этого указа в адрес Главкома ВМФ Н. Г. Кузнецова стали обращаться не получившие наград и пенсий здравствующие участники сражения. Желая восстановить справедливость и наградить незаслуженно неотмеченных медалями участников боя, Президиум Верховного Совета выпустил несколько наградных указов. Документом № 389 от 24 августа 1954 г. было награждено дополнительно 30 участников боя [Ведомости ВС СССР, 1954, № 389, с. 631–632]. В следующем, 1955 г., согласно Указу от 10 марта, награды нашли еще троих участников сражения. Последнее наградное распоряжение на «варяжцев» вышло в том же году 9 августа. В соответствии с прописанным положением, медали «За отвагу» получили два участника сражения: А. И. Козырев и П. С. Рудой [Ведомости ВС СССР, 1955, № 321, с. 438]. Если же суммировать общее число награжденных, то оно составило ровно 50 человек. Оно прямо совпадало с самой 50-й годовщиной (рис. 1, 2).

Рис. 1. Ветераны «Варяга» с молодыми моряками в 50-ю годовщину со дня подвига русских моряков в сражении в бухте Чемульпо. Москва, 1954 г.

Fig. 1. *Varyag* veterans with young sailors on the 50th anniversary of the Russian sailors' feat in the battle of Chemulpo Bay. Moscow, 1954

¹ Крейсер «Варяг» (1946) — фильм: Отзывы. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/3268/fozum/> (дата обращения: 14.04.2024).

Рис. 2. Моряки «Варяга» И. Н. Шутов и И. Ф. Ярославцев после награждения медалями «За отвагу»

Fig. 2. *Varyag* sailors, I. N. Shutov and I. F. Yaroslavtsev, having been awarded the Medals of Honor

Достоверно известно, что среди восставших моряков броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» были и бывшие члены экипажа крейсера «Варяг», отмеченные за сражение у Чемульпо государственными наградами. Двое из них, а именно Пётр Егорович Поляков и упомянутый ранее Адольф Доминикович Войцеховский, в середине 1950-х гг. были удостоены сразу двух наград: медалей «За отвагу» и орденов Красной Звезды.

На биографию А. Д. Войцеховского следует обратить особое внимание в силу ее какой-то, может быть, необычности. После подавления восстания на Черноморском флоте и ухода броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» в Констанцу в июне 1905 г. он находился в Румынии [Кардашев, 2008, с. 97]. Так называемая «эмиграция» продолжалась до мая 1917 г., когда окончательно стала ясна невозможность восстановления сверженного в начале марта самодержавия. Поскольку ареста и суда А. Д. Войцеховский избежал, то свои награды, полученные за участие в сражении у Чемульпо, а это были медаль «За бой Варяга и Корейца», а также Знак Отличия Военного Ордена № 97920, он сохранил, а потому мог по праву их носить с достоинством.

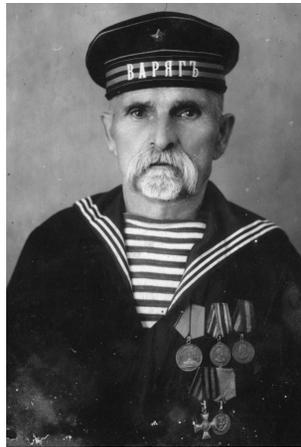
Как уже было ранее сказано, большую роль в его судьбе сыграло знакомство с корреспондентом И. И. Пономарёвым. Тема русско-японской войны 1904–1905 гг. после выхода в свет уже упоминавшегося выше очерка «Быль о „Варяге“» была в советском обществе как никогда актуальна и востребована. Только что закончились боевые действия по разгрому Квантунской армии, и Япония с лихвой ответила не только за Цусиму, но и за Чемульпо, а заодно и другие неудачи русского оружия тех времен¹. О значимости

¹ Алексеев А. 2020. За Цусиму ответили. Как советская пресса освещала победу над милитаристской Японией // Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/4474479> (дата обращения: 15.04.2024).

победы над страной Восходящего Солнца говорит даже один, но достаточно красноречивый факт: на протяжении 1945–1947 гг. этот день был не просто праздничным, но и официально выходным, как и 9 мая, т. е. они являлись в понимании тогдашнего руководства государства равнозначнымиⁱ. Это вполне соответствовало настроениям и запросам советского народа-победителя.

В атмосфере такого воодушевления редакция газеты «Комсомольская правда» приняла решение пригласить А. Д. Войцеховского в Москву. Встреча состоялась 12 июля 1946 г. Прославленный моряк дал интервью на всесоюзном радио в рубрике «Краснофлотский час». Оно, можно считать, прошло живо и интересно для радиослушателей. Они узнали многое из того, что было в далекие и непростые для страны времена, не зафиксированное в анналах истории. На следующий день приглашающая сторона организовала встречу с Главкомом ВМФ адмиралом флота СССР Н. Г. Кузнецовым. На завершающей, торжественной ее части министр прикрепил на грудь А. Д. Войцеховскому медаль «За победу над Японией». В качестве признания заслуг ветерана перед страной и народом чуть позже он удостоился еще медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Полученные советские награды были не только почетны, но и предоставляли определенные денежные выплаты и другие льготы их обладателям, отмененные, правда, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г.

На найденных среди архивных данных фотографиях А. Д. Войцеховский запечатлен как раз с пятью наградами — двумя российскими и тремя советскими (рис. 3). Однако изображений, где бы «варяжец» был с орденом Красной Звезды, пока не найденоⁱⁱ.

Рис. 3. Адольф Доминикович Войцеховский после награждения медалью «За отвагу», 1954 г.

Fig. 3. Adolf D. Voytsekhovskiy having been awarded the Medal of Honor, 1954

ⁱ Трофимов А. Забытый День Победы над Японией // История.рф. <https://histrf.ru/read/articles/zabytyi-dien-pobedy-nad-iaponiiei> (дата обращения: 15.04.2024).

ⁱⁱ Астраханец-боцман с Варяга Кузнецов // Sammler.ru. <https://sammler.ru/index.php?/topic/80969-астраханец-боцман-с-варяга-кузнецов/page/2/> (дата обращения: 20.08.2023).

Чествование российских моряков в последующем продолжилось. Настала теперь очередь вспомнить тех, кто принимал участие в восстании на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический». 1955 г. подходил для этого самым что ни на есть лучшим образом. В духе тогдашней марксистско-ленинской идеологии, акцентирующей особое внимание народа на героях и актуализирующей непреходящую ценность революционных событий российского прошлого, советская власть приняла решение специальным, запоминающим образом отблагодарить «потёмкинцев». Нужно отметить, что предложения по торжествам, связанным с этим, в правительство внес министр обороны СССР, маршал Г. К. Жуков. Это было очень знаково и важно.

Сам пятидесятый юбилей восстания, в рамках празднования революции 1905 г., широко и красочно освещался в прессе. Поэтому не знать и не слышать о нем люди просто не могли. Более того, в производственных коллективах городов и деревень, в военных подразделениях сухопутной армии и флота, как тогда было принято, прошли тематические мероприятия в виде бесед, докладов, обсуждений, просмотров знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Броненосец „Потёмкин“». К выступлениям на эту тему в крупнейших городах СССР, таких как Москва, Ленинград, Харьков, а также портовых Севастополе, Одессе, Кронштадте, Таллине и др., привлекли непосредственных здравствующих еще участников волнений 1905 г.

Однако, несмотря на широкий размах и, казалось бы, продуманность торжеств до самых мелочей, почему-то из виду была упущена одна деталь — награждение тех самых старых революционеров, которых прославляли. Ведь не только в зарубежной, но и в отечественной традиции существовала такая норма — отмечать юбилейными знаками доживших до времени празднования ветеранов [Хальбвакс, 2007, с. 265–280]. Нужно отдать должное инициативе и настойчивости, проявленным упоминаемым уже не раз И. И. Пономарёвым. Он лично обратился с письмом К. Е. Ворошилову, занимавшему тогда пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В нем выражалась просьба учесть все заслуги «потёмкинцев» перед советским государством и отметить их специальными наградами, а также предоставить персональные пенсии, с учетом их не очень-то и богатого жития.

Авторитет и мнение известного в стране журналиста, исследователя героического русского военного прошлого сыграли свою роль. Всё-таки его фамилия была на слуху не только в профессиональной среде, но и среди высших руководителей государства. Во всяком случае, И. И. Пономарёва пригласили на беседу с К. Е. Ворошиловым, на которой были уточнены детали обсуждаемого вопроса, в том числе и количество оставшихся в живых «потёмкинцев». А дальше уже завертелся механизм принятия государственного решения. Председатель Президиума Верховного Совета СССР обратился лично к Первому Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву с просьбой поддержать предложенную инициативу, что в итоге было одобрено. Затем, 20 июля 1955 г., на свет появился Указ Президиума Верховного Совета СССР [Ведомости ВС СССР, 1955, № 274, с. 344–345].

В нем четко прописывалось, что «потёмкинцы» в числе восьмидесяти девяти человек получали ордена Красной Звезды, а это, как известно, была одна из самых высоких

советских боевых наград, учрежденных Президиумом ЦИК СССР 6 апреля 1930 г.ⁱ Еще два участника (рис. 4) революционного выступления на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» удостоились орденов Красного Знамени. Кроме того, всем орденосцам назначалась пенсия союзного значения [Пономарёв, 1955, с. 142–143]. А она, как это прописывалось в Постановлении Совета Министров СССР, появившемся, правда, чуть позже, чем произошло рассматриваемое награждение, — в ноябре 1956 г. — составляла 200 рублейⁱⁱ. Для того времени это было очень солидное денежное содержание.

Рис. 4. Дети поздравляют с получением наград моряков броненосца «Потёмкин» М. Д. Данилова и Я. Д. Перепада

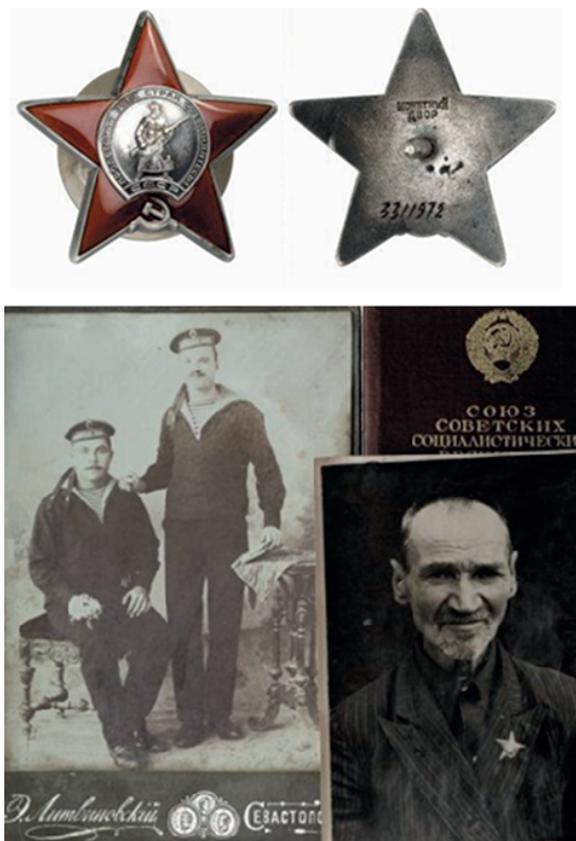
Fig. 4. Children congratulate the *Potemkin* sailors, M. D. Danilov and Ya. D. Perepadya

В настоящее время среди коллекционеров известны номера практически всех орденов, врученных участникам восстания на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический». Многие из этих наград ранее проходили на аукционах и продавались на профильных форумах. Одним из самых ярких примеров является комплект наград и документов матроса Василия Логиновича Яковца, несшего службу на броненосце с 1904 г. После высадки команды в Констанце он вернулся в Севастополь с эскадрой адмирала С. П. Писареvского. Благодаря сотрудничеству со следствием В. Л. Яковец был освобожден от суда и продолжил службу на корабле с 11 августа 1905 г. Ветеран-матрос оказался среди тех,

ⁱ Антонов С. Как в СССР появились самая высшая и самая массовая награды // История.рф. <https://histrf.ru/read/articles/kak-v-sssr-poiavilis-samaia-vyshshaia-i-samaia-massovaia-naghrady> (дата обращения: 15.04.2024).

ⁱⁱ Об утверждении Положения о персональных пенсиях: Постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1956 г. № 1475 // Викитека. https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Совета_Министров_СССР_от_14_ноября_1956_года_№_1475 (дата обращения: 15.04.2024).

кто был отмечен государственными наградами по решению Президиума Верховного Совета СССР в июле 1955 г. Он удостоился ордена Красной звезды № 3311972 (рис. 5). Последующая судьба этой награды оказалась не очень отрадной. В 2010 г. орденский знак и личные вещи «потёмкинца» пошли, как говорится, «с молотка» на аукционе в США и были проданы за 8 500 долларов¹.

Рис. 5. Орден Красной звезды и фотографии матроса броненосца «Потёмкин» Василия Логиновича Яковца

Fig. 5. Red Star Orders and Vasily L. Yakovets, a *Potemkin* sailor

Когда готовили наградной Указ 1955 г., датированный 20 июля, на моряков броненосца «Князь Потёмкин-Таврический», в него попали не все участники восстания. Для исправления этой ситуации 23 марта 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР подготовил еще один специальный нормативно-правовой документ. На этот раз в список награжденных, получавших ордена Трудового Красного знамени, попали три «потерянных» героя:

¹ Награждение участников восстания на броненосце «Потёмкин» (В ознаменование 50-летия со дня начала восстания) // Награды Великой Отечественной. <http://sovietmedals.ucoz.com/forum/155-254-1> (дата обращения: 18.08.2023).

Григорий Константинович Ракитин, Иван Николаевич Гусельников и Иван Тихонович Чубук [Ведомости ВС СССР, 1956, № 174, с. 192]. В отношении последнего следует заметить, что его фамилия отсутствовала в июльском Указе 1955 г. по причине, как принято сейчас говорить, «человеческого фактора». Дело в том, что И. Т. Чубук по чиновничьей, а если быть точнее, полицейской ошибке в 1905 г. не был включен в число членов бунтарского 36-го флотского экипажа броненосца. А при подготовке июльского Указа 1955 г. за основу брались архивные данные, главными из которых были документы департамента полиции. Поэтому потребовалось время на то, чтобы доказать, что И. Т. Чубук был участником восстания.

Еще один необычный наградной Указ вышел в свет 25 июля 1955 г. [Ведомости ВС СССР, 1955, № 295, с. 400]. В нем говорилось, что за проявленное мужество и героизм в сражении на Кассарском плесе 14 октября 1917 г. орденом Красного Знамени награждается старшина эсминца «Гром» Фёдор Евдокимович Самончук, житель белорусской деревни Переделки. Впервые информация о подвиге моряка появилась в одном из номеров газеты «Страж Балтики», печатавшейся с 1946 г. как ведомственное издание Балтийского флотаⁱ. В одном из ее разделов было представлено воспоминание Ивана Евдокимовича Дуболеко, участника Моонзундского сражения. Он довольно живописно и подробно представил кровопролитный бой между русскими эсминцами «Гром», канонерской лодкой «Храбрый» и немецким линкором «Кайзер». Акцентирование на разных типах боевых кораблей здесь делается неслучайно, поскольку линкоры являлись своеобразной вершиной мирового военного судостроения. И по вооружению палубных орудий, и броневой защите они значительно превосходили все остальные боевые суда, в том числе и эсминцы, не говоря уже о канонерских лодках. Правда, последние имели преимущество в быстроходности и маневренности. «Гром» входил в состав XI дивизиона эскадренных миноносцев, выдвинувшихся в Моонзундском проливе против немецких кораблей. Немецкие силы включали в себя уже упоминаемый линкор «Кайзер», крейсер «Эмден» и несколько миноносцев [Косинский, 1928].

Согласно описаниям И. Е. Дуболеко, русский эсминец «Гром» обнаружил «Кайзера» примерно за 125 кабельтовых, что в традиционном «сухопутном измерении» составляет примерно 23 км. Для прицельной стрельбы линкоров того времени расстояние являлось вполне допустимымⁱⁱ. К тому же происходило сближение кораблей, а следовательно, дистанция сокращалась, что открывало немцам больше шансов поразить эсминец «Гром». Это вскоре и произошло. Опять же, согласно воспоминаниям И. Е. Дуболеко, третий залп немецкого линкора попал в правый борт русского судна, прошив его машинное отделение. В трюмное отделение стала поступать забортная вода. «Гром» получил значительный крен. Последующие попадания в него немецких снарядов довершали дело. Корабль был охвачен пожаром и переходил в критическое положение.

ⁱ Орехов И. 2021. Газета «Страж Балтики» издается уже 102 года // Комсомольская правда. <https://www.kaliningrad.kp.ru/online/news/4211681/> (дата обращения: 17.04.2024).

ⁱⁱ naval_manual. 2021. На каком расстоянии опасен линкор // Livejournal. <https://naval-manual.livejournal.com/122971.html> (дата обращения: 17.04.2024).

Его живучесть, несмотря на героические действия оставшихся в живых членов экипажа, продолжавших вести борьбу с последствиями повреждений и при этом вести огонь по противнику, оставалась под большим вопросом. Речь, возможно, шла буквально о десятках минут нахождения «Грома» на плаву. Надо было спасти экипаж. Командир отдал команду перевести вначале всех раненых на подошедшую канонерскую лодку «Храбрый», а затем и всех остальных. И здесь, может быть, даже неожиданно для всех старшина Ф. Е. Самончук вернулся на «Гром», и когда подошедшая к «Грому» немецкая миноноска попыталась взять поврежденный русский корабль на буксир, выпустил по ней торпеду. В результате произошедшего взрыва оба судна затонулиⁱ. Удивительно, но сам герой остался жив. Он даже был в немецком плену. Вернулся на Родину. Умер Ф. Е. Самончук в 1966 г., как говорится, в почете и славеⁱⁱ.

После выхода статьи в «Страже Балтики» к флотскому старшине, можно сказать, пришла поистине народная известность. В 1957 г., спустя два года после появления Указа о награждении Ф. Е. Самончука, на экраны советских кинотеатров вышел фильм «Балтийская слава», снятый режиссером Я. Фридом, о событиях операции «Альбион». По сюжету герой фильма Фёдор Лютов, прототипом которого был Ф. Е. Самончук, погибает, взорвав эсминец «Гром» (рис. 6) вместе с собой. Затем, уже в 1970 г., увидел свет роман Валентина Пикуля «Моонзунд», где один из персонажей, Трофим Семенчук (рис. 7), также отражавший характер и поступки героя-матроса, представлен ярым большевикомⁱⁱⁱ.

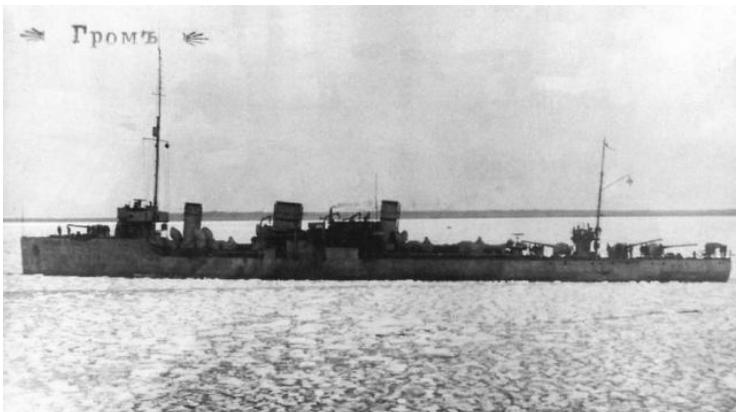

Рис. 6. Эсминец «Гром»

Fig. 6. *Grom* ("Thunder") destroyer

ⁱ Видлога В. 2017. Первая мировая война и Слутчина // Наследие Слуцкого края. https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/historical_dates/6475/ (дата обращения: 21.08.2023).

ⁱⁱ Непобедимый старшина // Белорусский союз военных моряков. <https://www.morsouyz.by/непобедимую-starshina> (дата обращения: 17.04.2024).

ⁱⁱⁱ Фёдор Самончук и эсминец «Гром» — а был ли подвиг? Легенда о подвиге Фёдора Самончука. <https://tehnodinamika.ru/landscaping/esminec-grom-f-dor-samonchuk-i-esminec-grom-a-by-l-i-podvig/> (дата обращения: 23.08.2023).

Рис. 7. Ф. Е. Самончук в период службы на Балтийском флоте
 Fig. 7. F. E. Samonchuk during his service in the Baltic Fleet

Заклучение

На основе краткого рассмотрения материала можно констатировать, что появление наградных Указов 1954–1956 гг. было продиктовано, с одной стороны, стремлением властей дополнить воспитание нового поколения советских граждан не только идеалами и героикой Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и примерами мужества Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн, а также революции 1905–1907 гг.; с другой — желанием руководства СССР воздать дань уважения героям прошлого с морально-нравственной точки зрения. Хотя идеологическая нацеленность всё-таки была приоритетной. Однако инициатива этих государственных решений пошла от «низов». Благодаря деятельности военных корреспондентов, проводивших колоссальную изыскательскую работу, советские граждане в своем большинстве впервые узнали о подвигах прошлого и о людях, их совершивших. В частности, это относилось к героям сражения у Чемульпо и морякам революционного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический».

Особо следует подчеркнуть персональную заслугу И. И. Пономарёва, человека, посвятившего 10 лет своей жизни розыску героев вышеупомянутых событий. В том, что касается Ф. Е. Самончука, прославление и вознаграждение за его подвиг стало возможным благодаря сотрудникам газеты «Страж Балтики», предоставившим читателям воспоминания его сослуживца, И. Е. Дуболеко. Что заставляло репортеров, профессионально занимавшихся своим делом, любящих и уважающих свой народ, искать, писать и говорить о ветеранах российского императорского флота? Не только и не столько идеологические установки, сколько человеческие, морально-нравственные ценности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 54.
Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 389.
Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 274.
Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 295.
Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 321.
Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 174.
Кардашев Ю. П. 2008. Восстание. Броненосец «Потёмкин» и его команда. Киров: Вятка. 544 с.
Комсомольская Правда. 1946. 30 июня.
Косинский А. М. 1928. Третий день операции (14 октября). Бой на Кассарском плесе. Бомбардировка Цереля // Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года / А. М. Косинский; под ред. и с введ. Б. Б. Жерве; СССР, по Воен.-морской акад. РККА. Л.: Изд. Военно-морской академии РККА. 164 с., [4] л. карт.: табл. (Борьба флота против берега в мировую войну; т. 4). История государства. https://statehistory.ru/books/A--M--Kosinskiy_Moonzundskaya-operatsiya-Baltiyskogo-flota-1917-goda/7 (дата обращения: 17.04.2024).
Правда. 1954. 09 февраля.
Пономарёв И. И. 1955. Герои «Потёмкина». М.: Воениздат. 176 с.
Пономарёв И. И. 1960. Подвиг североморцев. Мурманск: Мурманск. кн. изд-во. 299 с.
Пономарёв И. И. 1961. Судьбы героев. Записки журналиста о поисках матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потёмкин». Мурманск: Мурманск. кн. изд-во. 160 с.
Пономарёв И. И. 1968. В поисках героев-моряков: записки журналиста. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во. 285 с.
Пономарёв И. И. 1972. Быль о «Варяге». Владивосток: Дальневост. кн. изд-во. 119 с.
Тарakanовский Г. 2004. Кортик. Флот // История. Люди. Вып. 3. С. 92–96.
Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во. 346 с.

References

- Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR*. (1954). (54). [In Russian]
Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. (1954). (389). [In Russian]
Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. (1955). (274). [In Russian]
Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. (1955). (295). [In Russian]
Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. (1955). (321). [In Russian]
Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. (1956). (174). [In Russian]
Kardashev, Yu. P. (2008). *Rebellion. Potemkin Battleship and Her Team*. Vyatka.
Komsomolskaya Pravda. (Jul. 30, 1946). [In Russian]
Kosinskiy, A. M. (1928). The third day of the operation (October 14). Fight on the Kassar reach. Tserel bombing. In A. M. Kosinskiy, *Operation Albion of the Baltic Fleet in 1917* (B. B. Zherve, Ed., Introduction). Izdatelstvo Voenno-morskoy akademii RKKA. https://statehistory.ru/books/A--M--Kosinskiy_Moonzundskaya-operatsiya-Baltiyskogo-flota-1917-goda/7 [In Russian]

Pravda (Feb. 9, 1954). [In Russian]

Ponomaryov, I. I. (1955). *The Potemkin Heroes*. Voenizdat. [In Russian]

Ponomaryov, I. I. (1960). *The Feat of the Sailors of the North Sea*. Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo. [In Russian]

Ponomaryov, I. I. (1961). *Heroes' Fates. Journalistic Notes on the Search for Varyag and Potemkin Sailors*. Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo. [In Russian]

Ponomaryov, I. I. (1968). *In Search of Sailor Heroes: Journalistic Notes*. Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo. [In Russian]

Ponomaryov, I. I. (1972). *The Varyag Story*. Dalnevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. [In Russian]

Tarakanovskiy, G. (2004). *Dirk. Navy. Istoriya. Lyudi*, (3), 92–96. [In Russian]

Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory* (S. N. Zenkin, Trans., Foreword). Novoe izdatel'stvo. [In Russian]

Информация об авторах

Станислав Николаевич Синегубов, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
s.n.sinegubov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7458-5062>

Сергей Павлович Шилов, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
sshilov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9021-4287>

Ярослав Рашиutowич Галаяутдинов, студент бакалавриата кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
galyautdinov.slava@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2948-4545>

Information about the authors

Stanislav N. Sinegubov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia
s.n.sinegubov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7458-5062>

Sergey P. Shilov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia
sshilov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9021-4287>

Yaroslav R. Galyautdinov, Bachelor Student, Department of Humanities and Methods of Teaching Them, University of Tyumen, Tyumen, Russia
galyautdinov.slava@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2948-4545>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные исследования. Humanitates
2024. Том 10. № 3 (39)

Редактор	<i>Д. В. Лангавая</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Дата выхода в свет 14.11.2024
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 11,38 усл. печ. л., 9,1 уч.-изд. л.
Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 264